

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ЧЕРНЫШ М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы
14 УОЛБИ С. К новому концепту общества: домены институтов, режимы неравенств, сложные системы глобальной эры

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 28 КАЗ М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы
40 КИСЕЛЕВ И.Ю., ОВЧИННИКОВА Н.В., СМИРНОВА А.Г., МИНЬ Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста
50 КЛИМОВА С.Г., КЛИМОВ И.А. Опыт перехода российских компаний на удаленную работу в ситуации пандемии
61 КАРАВАЙ А.В. Оценка взаимосвязи состояния здоровья и занятости россиян в конце 2010-х годов

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- 73 БУБНОВА И.А., ГОРОХОВА Д.В. Прошлое в настоящем: феномен СССР в современных медиа и в сознании российских студентов
83 ПОЛЯНИНА А.К., ГРУДЗИНСКИЙ А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 90 БАРСУКОВА С.Ю., ЗВЯГИНЦЕВ А.В., ЛАПТИЕВА Л.С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию
101 СМОРГУНОВ Л.В., ИГНАТЬЕВА О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 113 ФЕЛЬДМАН М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы
125 ИВЧЕНКОВ С.Г., НИКИФОРОВ Я.А., СИТНИКОВА С.В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области)
-

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 137 БАЙНОВА М.С., ЕРОШКИН С.Ю., СУЛЯГИНА Ю.О. Социальные проблемы реновации жилья в Москве
- 144 АБДУРАХМАНОВА Э.М., АЛЕКСАНДРОВА Е.А., ЗВЯГИНЦЕВ Р.С., КЕРША Ю.Д. Недоверие к вакцинации через призму родительства

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 152 КАРАПЕТЯН Р.В., ТАРАНДО Е.Е. Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе
- 156 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Молодежь и труд в изменяющемся мире
- 159 СИНЮТИН М.В., ГОНАШВИЛИ А.С. Труд и хроническая неопределенность антропоцена

ЮБИЛЕЙ

- 162 ШАРКОВУ Ф.И. – 70 лет

- 163 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Виттенберг Е.Я. Социальная ответственность власти. М.: РГГУ, 2020. Рец. А.К. Магомедов; Иванов В.Н. Год, венчающий двадцатилетие. Социологическая экспертиза. М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2021. Рец. В.К. Левашов*)

- 170 **К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и печатный экземпляр на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2021 г.

М.Ф. ЧЕРНЫШ

И СНОВА МОДЕРНИЗАЦИЯ: В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМЫ

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, исполняющий обязанности директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (mfche@yandex.ru).

Аннотация. Автор излагает аналитические размышления, связанные с только что изданной за рубежом коллективной монографией финских и российских социологов о проблемах модернизации в постсоветской России. Книга «Российская модернизация. Новая парадигма» действительно предлагает новую парадигму анализа социальных изменений в российском обществе, основу которой составляет теория структуризации Э. Гидденса, развитая финским социологом М. Кивиненом. Данный подход дает возможность исследователям расширить представления о круге акторов, способных влиять на ситуацию в стране. Перспективы российского общества представлены при таком подходе как неизбежность выбора между несколькими вариантами дальнейшего развития. Представленный подход имеет как преимущества, так и явные ограничения. Он оставляет за рамками вопрос о наличии акторов социальных изменений, понимаемых как модернизация. В текущей ситуации в российском обществе существует консенсус между элитами и значительной частью населения, гарантирующий относительную устойчивость существующего социального порядка и социальной системы. Поэтому модернизация, не имеющая явных сторонников во властвующей элите, примет, вероятнее всего, форму постепенной «культурной» эволюции, включающей постепенную трансформацию основополагающих ценностей и норм поведения.

Ключевые слова: модернизация • реформы • социальная структура • правящая элита • социальные институты

DOI: 10.31857/S013216250014946-3

В российских дискурсах по теме социальных изменений обращение к понятию «модернизация» провоцирует закономерную настороженность. В XX в. Россия неоднократно приступала к модернизации, и каждый раз курс на осовременивание общественной жизни приводил к противоречивым результатам. В России модернизация, ее цели и средства во все времена определялись властвующей элитой, исходившей из того, что народная масса архаична, инертна и может быть приведена в движение только жесткими (иногда и жестокими) мерами. Каждый раз модернизация «сверху» вводила общество в состояние несвободы: в одних случаях – комплексом репрессивных воздействий, в других – экономическими мерами, ставившими население на грань выживания. Именно этот опыт породил в современном общественном сознании стойкое отвращение к самому понятию «реформа» (не говоря уже о «революции»). Ведь в российской истории реформы и революции, поначалу вызывавшие прилив энергии и энтузиазма, неизбежно приводили к масштабному насилию, «темным временам», в которые наибольшие потери несла лучшая часть общества. И каждый раз выгоды, обретаемые в результате реформирования,

впоследствии подвергались сомнению, а дореформенное состояние общества характеризовалось как «благое время», как «истинная Россия, которую мы потеряли».

Сказанное может быть в полной мере отнесено и к неолиберальным реформам последних двадцати лет. Монетизация льгот, реформа образования, оптимизация и коммерциализация медицины, повышение пенсионного возраста имели следствием масштабные потери – понижение стандартов жизни, углубляющееся неравенство, рост неблагополучных слоев, замкнутых в социальном пространстве. Каждый раз, чтобы сохранить социальную и политическую стабильность, властям приходилось делать один или несколько шагов назад: ни монетизация, ни реформа образования не были осуществлены в том варианте, в котором они изначально задумывались. Одной из причин этого было, к сожалению, то, что реформаторы имели отдаленное представление об обществе, в котором живут, а идеи реформ заимствовали из зарубежного, далеко не однозначного, опыта. Однако главной причиной их половинчатости и неуспеха стало, по-видимому, то, что затеваемые изменения не имели в основании теоретической конструкции, которая могла бы соотнести между собой общие и частные цели реформирования, создать приемлемый репертуар средств их достижения. Если китайские коммунисты планируют жизнь страны на несколько десятилетий вперед и хладнокровно проводят реформы сегодняшнего дня, примерно зная, какие плоды они принесут завтра, то российские реформаторы ориентируются главным образом на неолиберальные образцы, очень часто отвергнутые другими странами, поскольку показали в других обществах свою полную несостоятельность.

Для понимания проблем российской модернизации большой интерес представляет новая книга «Российская модернизация. Новая парадигма», только что изданная за рубежом международным коллективом авторов (включая и российских социологов – М.В. Масловского (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге) и др.) под редакцией М. Кивинена и Б. Хамфриза [Russia Modernization..., 2021]. В ней на основе осмысления российского опыта реформ выдвинута социологическая концепция, согласно которой цель реформирования должна быть сдвинута в сторону общего блага, а средства достижения поставленных целей предполагали бы не сужение, а расширение прав и свобод граждан. Рассмотрим эту смелую попытку концептуально осмыслить российский опыт, чтобы лучше понять, как «со стороны» видятся проблемы нашего национального развития. Цель настоящей статьи – не только познакомить читателя с новой научной публикацией, посвященной российскому обществу, но и представить альтернативное видение тому пониманию модернизации, которое в ней изложено.

Надо отдать должное авторам: они активно используют теоретическое «наследие», которым располагает современная социология. В основании концепции модернизации в понимании ее создателей – М. Кивинена и М. Масловского – лежит теория структуризации Э. Гидденса [Giddens, 1984: 1–34]. Гидденс впервые представил теорию структуризации в 1976 г. в «Новых правилах социологического метода» [Giddens, 1976] как проект преодоления ограничений, которые накладывали на понимание общества предшествующие теоретические схемы.

Марксизм и структурный функционализм, считал он, задали общественным наукам «имперский» подход, в рамках которого общество преобладает над индивидуальной волей. Альтернативой обеим парадигмам стала к тому времени «герменевтическая» школа, исшедшая из того, что именно индивид является конечным субъектом социального действия, а общество существует лишь как совокупность индивидуальных волей и полностью зависит от их конфигурации. Сторонники «тотальных» теоретических конструкций не видели смысла углубляться в детали индивидуальной жизни, а адепты феноменологической социологии не усматривали необходимости в обществе, которое в этой парадигме выглядело как простая сумма стандартных действий, совершаемых акторами на индивидуальном уровне.

Гидденс считал, что не только возможно, но и необходимо совместить эти два подхода, связав воедино микро- и макроуровни социального анализа. С его точки зрения,

было бы непозволительной расточительностью отказываться от того теоретического наследства, которое создано марксизмом и функционализмом. Эти направления, при всех присущих им различиях, позволяют наблюдать в общественной жизни то, что не сводимо к индивидуальной воле, выявлять эмерджентные характеристики общественной жизни, которые находятся за пределами того, что делает отдельный человек. Но было бы не меньшим расточительством терять в этих схемах индивидуальную волю, способность любого человека совершать выбор. Одно дело – предмет исследования в естественных науках, где природные силы неподконтрольны людям; другое дело – общество, где реальность создается и изменяется действующими и взаимодействующими людьми: «Разница между обществом и природой в том, что природа не произведена человеком. Общество же, хотя не создается каждым человеком в отдельности, производится и воспроизводится заново в текущих обстоятельствах участниками социальных взаимодействий. Производство общества – это квалифицированный процесс, поддерживаемый и обеспечиваемый людьми» [Giddens, 1976: 15]. Возникает закономерный вопрос: что может заполнить пространство между структурой и индивидуальной волей? Гидденс полагает, что это – социальные практики, подразумевающие, с одной стороны, устойчивые рутинные взаимодействия, а с другой – модификацию этих взаимодействий, привнесение в них новых элементов, которые, в свою очередь, трансформируют структуры.

Теоретический замысел Гидденса дает ряд важных преимуществ в тех случаях, когда предметом анализа становится меняющееся общество. Во-первых, концепция Гидденса помогает исследователю избавиться от априорных «метафизических» посылов, располагающих к выводам до того, как сделано исследование. Единственная пресуппозиция данной схемы – она, как и многие другие научные концепции, допускает саму возможность существования социального порядка. Во-вторых, в схеме Гидденса общество рассматривается как реальность, претерпевающая непрерывные изменения разного масштаба и темпа. «Неуступчивость» социального порядка, его притязание на самопродление – это лишь дань близорукости, свойственной современникам, не имеющим возможности за Хроносом (временем) увидеть Кайрос (момент), текущую ситуацию во всей ее уникальности и изменчивости. В-третьих, концепция Гидденса имеет то преимущество, что не исключает из социальных процессов индивидуальную волю и, следовательно, побуждает к тому, чтобы эту волю рассматривать не только как движущую силу, но и как совокупность условий и ограничений наблюдаемых изменений. Как подчеркивают в начале книги Кивинен и Масловский, «важный смысловой посыл теории Гидденса заключается в том, что структуры рождаются в ходе динамических процессов, развернутых во времени и пространстве. В этой реальности необходимо изучать не только преднамеренные, но и непреднамеренные последствия. Именно поэтому мы не можем объяснять институты или тенденции в российском (или любом другом) обществе иначе, чем исследуя действия различных акторов и результаты совершаемых ими действий» [Russian Modernization, 2021: 23].

Таким образом, предлагаемая «новая парадигма» подразумевает, что в рамках заданного подхода предметом анализа должны стать не только элиты, но и все акторы процесса структуризации, не только дискурсы (которые важны), но и реальные институты, а также рутинные и меняющиеся практики повседневной жизни. В этом смысле становится возможным отождествить процесс модернизации с процессами структуризации, а любые модернизационные дискурсы рассматривать через призму конкретных социальных интересов, вытекающих из той социальной ситуации, в которой находится порождающий их субъект. Чтобы связать в единую аналитическую схему действия акторов, с одной стороны, и целостность процесса модернизации – с другой, необходимо социологическое воображение. Только такой подход дает возможность понять истинную суть происходящего, избежать редукции не только политической и экономической, но и редукции, вытекающей из ограниченности используемой парадигмы – модернистской или антимодернистской.

Согласно Кивинену и Масловскому, применяемая в отношении конкретной российской ситуации гиденсовская теория структуризации предполагает три взаимосвязанных и взаимопереплетенных уровня анализа. Первый из них держит в поле зрения процессы, связанные со структурами, характерными для российского общества, и процессами, приведшими к их нынешнему состоянию. Общие положения теории структуризации невозможно подтвердить или опровергнуть, и в этом смысле они являются аксиоматическим базисом для двух других уровней. Выгода его использования в том, что в дальнейшем он создает своего рода «защитный покров», обеспечивающий единое понимание процессов, протекающих в разных областях общественной жизни. Этот уровень необходим, кроме прочего, чтобы придать исследованию мультидисциплинарный характер. На втором уровне анализ структуры должен быть дополнен активным теоретизированием применительно к конкретной сфере общественной жизни. В этом контексте необходимы теории среднего уровня, опирающиеся на фальсифицируемые гипотезы, объяснительные схемы, включающие в себя историко-культурное измерение. И, наконец, на третьем уровне становится возможным эмпирическое исследование, обращенное к теории, призванное охарактеризовать специфику производства и воспроизводства социальных структур, агентов, обеспечивающих воспроизводство и одновременно провоцирующих процесс социальных изменений, дискурсов, мобилизующих акторов к совершению определенных действий.

Закономерный вопрос, который возникает по мере того, как схема Гидденса прилагается к российскому опыту, может быть сформулирован следующим образом: как связаны между собой три упомянутых уровня? Как рутинные практики или их изменения в конкретных социальных обстоятельствах влияют на траекторию общественного развития? Авторы склоняются к тому, что практики, благодаря которым российское общество может изменяться, находятся, прежде всего, в политической сфере. Речь идет об участии акторов в политических партиях, организациях гражданского общества, общественных движениях, формирующих «рефлексивный стиль» общества и вызовы, с которыми оно сталкивается. Отчасти и поэтому вызовы, которые стоят перед российским обществом, рассматриваются авторами как следующая из текущих обстоятельств объективная основа социально-политического действия, как то, что может и должно быть принято в качестве программы преобразований разумными, желающими блага своему Отечеству политическими акторами.

В «Российской модернизации» таких вызовов представлено пять – диверсификация экономики, уровень влияния государства на экономику, социальное государство и социальная политика, внешнеполитический выбор, эволюция общественного сознания (соотношение в нем рациональных и иррациональных элементов). Рассмотрение всех пяти сфер, в которых авторы рассматривают выборы модернизации, не входит в нашу задачу. Остановимся на двух наиболее важных вызовах, которые выглядят как осевые – способные формировать климат общественной жизни, среду, в которой принимаются решения по ключевым вопросам российской жизни.

Первый вызов, как его сформулировали авторы этой монографии, – необходимость диверсификации экономики. Дилемма, которая стоит перед Россией, – или продолжать уповать на сырьевые богатства, или использовать имеющиеся возможности, чтобы строить диверсифицированную, многоукладную, многоотраслевую экономику, организующую в единое целое как большие государственные корпорации, так и малые структуры. «Перспективы российской модернизации в любом случае будут зависеть от состояния экономики. Исходя из этого, основным вызовом, с которым сталкивается Россия, является экономическая диверсификация... Она должна уменьшать свою чрезмерную зависимость от нефти и газа как во внешней торговле, так и в структуре внутреннего потребления. Наш подход к диверсификации состоит в том, чтобы рассматривать ее не только как диверсификацию производства, но и как развитие социальных и организационных форм функционирования государственных и частных предприятий, работающих в экономической сфере» [Russian Modernization, 2021: 25]. Если игнорировать объективную потребность

страны в диверсификации ее экономики, полагают Кивинен и Масловский, это приведет к недоиспользованию накопленного ею человеческого капитала. Сохранение сырьевой ориентации ведет к консервации запредельного неравенства, коррупции и преобладающего в сознании лиц, принимающих решения, равнодушия к проблемам сохранения окружающей среды.

Российские чиновники ожидаемо парируют такие рассуждения доводами практического плана: надо наполнять бюджет, обеспечивать население продовольствием, закупать оборудование, и на все это необходимы средства, которые можно получить, прежде всего, продажей сырья. Доводы, акцентирующие проблему выживания в текущей ситуации, настолько убедительны, что даже рядовой гражданин, принадлежащий, например, к многочисленной группе пенсионеров, не преминет согласиться: да, сегодняшний день важнее, чем отдаленные последствия; пенсии и так ничтожны, чтобы их размер и регулярность можно было приносить в жертву «светлому будущему»; заработные платы госслужащим надо платить, иначе всё здание российского государства обрушится. Таким образом, проблема диверсификации решается в пользу статус-кво, причем с аргументами, которые понятны не только чиновникам, но и широким слоям населения. Логика повседневности, воспроизводства общественной жизни в ее текущих параметрах, воплощена в существующих практиках и одинаково понятна не только тем, кто принимает управленческие решения, но и тем, кто, казалось бы, не имеет в текущем социальном порядке каких-либо заметных преимуществ. Именно рутинные практики, формирующие социальный порядок, способствуют воспроизведению статус-кво, ставя барьеры на пути модернизации в этом ее аспекте. Возникает вопрос: кто, какая социальная группа может стать агентом настолько влиятельным, чтобы разорвать общественный консенсус, ориентирующий исклчительно на нужды сегодняшнего дня?

Ситуация, в которой стабильное воспроизводство важнее, чем социальная или экономическая новация, в современном мире далеко не редкость. В большинстве развитых и развивающихся стран (за исключением разве что Китая и некоторых других стран Восточной Азии) текущие интересы имеют приоритет по отношению к любой светлой перспективе. И тому есть несколько вполне понятных причин.

Во-первых, развитые страны чаще всего руководствуются логикой электоральных циклов (иначе говоря, логикой сохранения определенными политическими или экономическими акторами власти и влияния на общество). К тому же в европейских странах логика развития навязывается национальным государствам из Брюсселя, решения которого часто воспринимаются с раздражением.

Во-вторых, в современных обществах, в которых постмодернистский стиль размышлений об обществе по-прежнему влиятелен, любая конструкция будущего, любое его целостное видение принципиально отвергается. Будущее конструируется апофатически (через отрицание) – путем воздействия на те области общественной жизни, которые нуждаются в улучшении, подчиняясь, таким образом, логике «малых дел» в текущей ситуации. В ней приоритетом могут, например, стать права меньшинств или мигрантов, но долгосрочные последствия поощрения миграции, как правило, непреднамеренные, крайне редко принимаются во внимание.

В-третьих, гомеостазис (состояние стабильности), в котором оказались многие современные общества (и, в частности, российское), часто видится национальным элитам как наилучшее из возможных состояний, выход из которого приведет скорее к ухудшению ситуации, чем ее улучшению. И, действительно, рассуждает, например, собирательный российский чиновник, что еще нужно населению? Ведь никогда страна не жила так благополучно, как сейчас! Магазины наполнены товарами, по количеству автомобилей на тысячу человек населения страна почти сравнялась со странами Восточной Европы, а некоторые из них и превзошла. Практически каждый россиянин, от ребенка до пенсионера, имеет возможность пользоваться мобильной связью, в каждом доме сотни каналов телевидения по вполне доступным ценам. Если приложить силы, можно улучшить жилищные

условия – купить в ипотеку квартиру или построить дом. Все претензии к власти с этой точки зрения безосновательны, потому что власть оставляет за человеком главное приобретение постсоветского времени – частную жизнь (если, конечно, он не пытается подвергать сомнению существующие социальный или экономический порядки). Любые попытки убедить собирательного высокопоставленного российского чиновника, что все не совсем так или совсем не так, потерпят крах. Вопиющее неравенство как аргумент против существующего порядка вызовет у него крайнее неудовольствие: как, опять предлагаете «всё отнять и поделить»? В других странах логика рассуждений акторов, принадлежащих к властвующей элите, может отличаться от российской, но и там текущее состояние чаще всего определяется как прогрессивное по отношению к любому предыдущему этапу развития. Не случайно Пикетти сравнивал состояние, в котором находятся современные общества, с belle époque – безмятежным временем конца XIX – начала XX в., в котором огромное неравенство нисколько не мешало элитам, владельцам крупных состояний, пускаться в престижное потребление [Piketty, 2014: 127–132]. Belle époque могла бы длиться бесконечно долго, если бы не Первая мировая война, положившая конец спокойной жизни элит и выведшая в вершители судеб развитых государств людей в серых шинелях, бывших крестьян и рабочих.

Таким образом, говоря о диверсификации, мы подразумеваем не практики, а общую идею, идеологию всеобщего блага, обращенную в будущее. Идеологии имеют свойство репрезентировать мир в терминах добра и зла, спасения и смерти, но они – как это отлично показал в своей книге «Прогресс и хаос» сам Маркку Кивинен – редко (если вообще когда-либо) способны сохранить свой изначальный посыл в столкновении со структурными и культурными характеристиками изменяющегося общества [Кивинен, 2002].

Говоря о структуре и ее воспроизводстве, необходимо принимать во внимание интересы уже существующих социальных групп и то, как эти интересы преломляются в той политике, которую реализуют ее основные акторы. В современном российском обществе политические процессы определяются в поле, скроенном различными фракциями бюрократического класса (здесь мы на стороне Теды Скочпол, считавшей бюрократию в современных обществах именно классом [Скошпол, 1992]). Российская бюрократия структурирована по уровням и сегментам, каждый из которых имеет собственный взгляд на текущее состояние общества и его перспективы. Внутри бюрократии возникают напряжения и конфликты, в которых редко (если вообще когда-либо) участвуют на правах полноценных игроков субъекты, внешние по отношению к властвующей элите. Поэтому, говоря о возможной модернизации российской экономики, можно поставить первый вопрос следующим образом: каковы условия, при которых сторонники диверсификации внутри правящей элиты могут обрести решающее влияние на процессы принятия решений в сфере экономики?

Имеющий опыт говорит, что сдвиги внутри элиты в пользу той или иной позиции могут произойти, только если существующая модель обнаружит полную несостоятельность, а экономика по причинам эндогенного характера окажется на грани коллапса. В обозримом будущем подобный кризис вряд ли возможен по целому ряду причин – и, прежде всего, потому что экономические власти квалифицированно применяют тактику смягчения любых ударов по экономике за счет монетарной эквилибристики. Курс рубля за последние два десятилетия обрушился несколько раз, но каждый раз шок в полной мере компенсировался снижением стандартов жизни населения, после чего спрос и предложение восстанавливали равновесное состояние.

Второй вопрос, на который следует дать ответ: что будет, если российская власть, несмотря на все имеющиеся выгоды «лучшего из миров», в котором она живет, все же пойдет на то, чтобы принять программу диверсификации? Отчасти ответ на него можно найти в настоящем – в политике контрсанкций, создающей (пусть даже неубедительно, выборочно, с многими коррупционными лакунами) протекционистские барьеры. Диверсификация экономики означает, безусловно, развитие экономики, становление тех ее

отраслей, которые сейчас находятся в состоянии упадка из-за неконкурентоспособности по отношению к зарубежной продукции. Сошлемся на одного из создателей современной американской экономики Александра Гамильтона, первого министра финансов США, который считал более чем два века назад, что аграрная (и по большому счету отсталая) страна может осуществить диверсификацию и преодолеть сырьевую зависимость (в случае США – табачную и хлопковую специализацию), только прибегнув к мерам протекционистского характера [Johnson, 2018].

Об этом редко говорят экономисты, но бурное экономическое развитие и, соответственно, диверсификация экономик стран Восточной Азии произошла в значительной степени именно благодаря политике импортных барьеров, гласных или негласных. На улицах южнокорейских городов преобладают с огромным отрывом автомобили местного производства, которые, надо отдать им должное, с каждым годом становятся все лучше, конкурентоспособней. Аналогичным образом в Китае иностранные марки автомобилей – это, как правило, продукция местных предприятий полного производственного цикла. Китайские власти поощряют импорт технологий, но не готовой продукции; компании, явным образом нарушающие копирайт, почти никак не наказывают. Диверсификация не только во времена Александра Гамильтона, но и в настоящее время подразумевает, во-первых, ограничения на импорт иностранной продукции, а во-вторых, массовые инвестиции в отечественное производство, которые осуществляют местные предприниматели, а вслед за ними – иностранные компании. Население стран, вставших на путь развития собственного производства, должно быть убеждено, что неизбежное (хотя, возможно, и временное) сужение потребительского выбора, дороговизна импортных продуктов – жертва, которая окупится в будущем, когда местные производители наладят производство качественных товаров, не уступающих зарубежным аналогам. При этом отечественных предпринимателей необходимо отучить от порочной практики инвестировать только в те отрасли, которые дают максимальную выгоду в короткой перспективе (например, в производство необработанного сырья и в торговлю).

С политической точки зрения подобный разворот выглядит крайне рискованным: призывы к новым экономическим жертвам вряд будут поддержаны населением, а политика принуждения экономической элиты к инвестициям в отечественное производство в текущих обстоятельствах вызовет с ее стороны протест и ответную реакцию, направленную на подрыв провозглашенного курса. Политический субъект, объявляющий политику диверсификации, должен иметь безусловную политическую поддержку, причем не только в широких слоях населения, но и в классе чиновников, обладать моральным авторитетом, позволяющим заключать социальный контракт с обществом и экономическими элитами на новых условиях. Речь идет не просто о принуждении, а о существенном реформировании существующих социальных и экономических институтов, чтобы они защищали права граждан, охраняли права собственности и обеспечивали сохранность инвестиций, включая защиту от институциональных предпринимателей, имеющих поддержку силового блока. Политика диверсификация столкнется, кроме того, с противодействием международных игроков, которые будут рассматривать попытку российской власти преодолеть сырьевую зависимость, создавать в стране развитые производства как вызов существующему экономическому порядку, нарушение сложившегося в мировой экономике разделения труда, в котором России отводится роль производителя сырья и потребителя продукции высокого передела, производимой в Европе и Азии¹.

¹ М. Кивинен, вероятно, знает прецедент, когда в 2007 г. российское правительство приняло решение повысить экспортную пошлину на вывоз необработанной древесины в Финляндию, где многие фирмы специализируются на ее переработке. Между двумя странами, вполне дружественными, возник экономический конфликт, который разрешился компромиссом: Россия отказалась от ограничительных мер, а финские компании согласились инвестировать 1 млрд долл. в обработку древесины в РФ (Россию и Финляндию разделил лес // Коммерсантъ. 30.05.2007).

Несложно видеть, что в текущих обстоятельствах курс на диверсификацию сомнителен по причинам политико-экономического характера. Разворот к диверсификации потребовал бы серьезных институциональных реформ в интересах большинства населения, существенных изменений в сложившейся системе распределения, которые на сегодняшний день рассматриваются ключевыми инстанциями, принимающими решения, как неприемлемые.

Из этого вытекают и другие соображения, касающиеся вызовов, приводимых авторами книги «Российская модернизация». Рассмотрим, в частности, второй из приводимых в книге вызовов – выбор между консервативной политикой сохранения курса на демонтаж социального государства и конструктивной политикой его реформирования в интересах большинства населения.

После распада СССР социалистическая система государственной поддержки населения подверглась скорым изменениям, а социальная политика – постоянным пересмотрам. Модернизация в этой сфере и связанные с ней институциональные реформы привели к результатам, радикально отличающимся от ожидаемых. Постсоветские российские институты социальной поддержки оказались слабыми, способными предоставлять только услуги низкого качества. Между тем, полагают авторы «Модернизации», перед Россией стоит задача осовременить эту область социальной жизни, создать условия, при которых российское социальное государство сможет функционировать по принципам, считающимся общепринятыми в развитых странах Европы. Таким образом, дилемма, которая должна рассматриваться в России инстанциями, принимающими решения, сформирована контрастом между сегодняшним плачевным состоянием социальной сферы, с одной стороны, и стандартами, которые необходимо соблюдать, если государство и общество претендуют на вхождение в современность, – с другой.

Авторы монографии считают, что процесс модернизации социальной сферы возможен, если двигаться в двух направлениях. Первое состоит в том, чтобы привлекать по мере возможности к обсуждению социальной политики и принципов строительства социального государства агентов, действительно заинтересованных в улучшении положения дел. В этом ряду должны быть профсоюзы, защищающие права работников, общественные организации, вынужденно компенсирующие просчеты государственной политики, и политические партии, представляющие интересы значительной части населения. Второе направление заключается в повышении эффективности системы и, прежде всего, в обеспечении согласованности между разными ее уровнями, а также между постановкой целей и средствами, которые выделяются на их достижение.

Авторы «Российской модернизации» исходят при этом из тех же допущений, что и при анализе первого вызова: в российском обществе есть субъект, заинтересованный в модернизации социальной политики по европейским образцам и понимающий, что без реформ в этой области, без реального учета интересов большинства населения вхождение страны в состояние модерна невозможно. Но именно этот пункт рассуждений вызывает серьезные сомнения.

Субъектом, осуществляющим реформы социальной сферы России (как и иные реформы), всегда было государство и его ведомства. Как правило, реформы в этой сфере – будь то многочисленные попытки осовременить пенсионную систему или реформа сферы медицинского обслуживания – не выносились на всеобщее обсуждение. Возможно, это связано с тем, что из всех возможных вариантов реформирования социальной сферы уже в 1990-е, на заре рыночной эпохи был выбран не «европейский», а «американский», ставящий коммерциализацию в центр реализуемого курса. Иными словами, модернизация, если ее рассматривать как отход от принципов социалистического распределения советской эпохи, рассматривалась не как создание ситуации, которая устраивала бы большинство населения, а как жесткое принуждение неолиберального типа, ставящее во главу угла монетарность, с одной стороны, и бюрократический Паноптикон, регулирующий поведение в социальной сфере, – с другой.

Одним из аспектов реформы была «оптимизация», вылившаяся в демонтаж существовавшей в России с 1920-х гг. системы Семашко в пользу создания здравоохранения, способного оказывать высокотехнологичные услуги. Реформы здравоохранения привели к сокращению числа лечебных учреждений, больничных коек, врачей-специалистов и, соответственно, увеличению нагрузки на тех, кто остался в системе. При этом, парадоксальным образом, вместо улучшения положения дел в медицине последовала ее серьезная деградация: услуги врачей-специалистов стали дефицитными, а во многих населенных пунктах в разряд фактически недостижимых попала в некоторых случаях и скорая медицинская помощь. В сумме реформа здравоохранения, начавшаяся в 2010 г., привела к росту смертности в большинстве наиболее населенных регионов РФ и заметно повысила риски для населения, связанные с эксклюзивией и доступностью медицины. «Российская система выгодна состоятельным слоям населения, но тех, кто в ней более всего нуждается, она обрекает на получение услуг низкого качества. В принципе государственное здравоохранение по-прежнему якобы бесплатное, при этом состоятельные слои населения или привилегированные чиновники получают самые современные услуги по ценам, которые ниже тех, что платит население за услуги низкого качества» [Russian Modernization, 2021: 117]. Иными словами, в здравоохранении доминируют нормы, формальные и неформальные, воспроизводящие крайние формы неравенства, ставшие последствием неолиберальных реформ.

Точно такие же неравенства обнаруживают себя и в других областях общественной жизни, например, в образовании или в доступе к социальным услугам, сфере досуга или на рынке труда. Речь идет не о временных отклонениях от нормы, а о системных качествах, сложившихся институтах, которые могут меняться только постепенно и только в длительной перспективе, вровень с изменениями в общественном сознании, связанными со сменой поколений.

Рассуждения авторов «Российской модернизации» невольно наводят на мысль, что значение понятия «модернизация» может иметь разное значение для разных программ реформирования. Авторы вкладывают в понятие модернизации политический смысл, подразумевая, что движение к модерну происходит в тех случаях, когда политические игроки принимают правильные решения, делают выбор в пользу диверсификации, демократии, сотрудничества с европейскими партнерами. Между тем в современной социологии модернизация может рассматриваться и в ином смысле – как постепенное движение общества в сторону цивилизации в том смысле, в котором понимал этот процесс Норберт Элиас [Элиас, 2001]. Этот социолог полагал, что модернизация – процесс, растянутый во времени, подразумевающий постепенное, шаг за шагом преобразование повседневных практик, определяемых культурными образцами. Трансформацию культуры, вследствие которой перенастраиваются так называемые фигурационные, структурирующие общество, связи между людьми, следует рассматривать, считал он, как истинный цивилизационный процесс, приводящий общество, не сразу, а в течение десятилетий, к новому состоянию.

Было бы неверно полагать, что «фигурационные» процессы, о которых идет речь, обходят российское общество стороной, ничего не меняя в российской повседневности. Российское общество находится в мобильном состоянии. В мелких повседневных практиках постоянно происходят изменения, никак не отмечаемые теми, кто в них участвует, но вызывающие изумление тех, кто приезжает сюда после длительного перерыва. Повсеместное использование цифровых технологий, технологий удаленной связи, бесконтактные платежи, которыми пользуются не только молодые люди, но и старшее поколение, водители, которые еще недавно не замечали пешеходов, а теперь останавливаются перед «зеброй», пропуская их, – все это кажется на первый взгляд чем-то малозначительным, но в дальнейшей, накапливаясь, приводит к тем самым долгосрочным цивилизующим сдвигам, которые и составляют истинную суть модернизационного процесса. Вымытый подъезд, отремонтированная изгородь, способность к самостоятельности и рациональное, а иногда и критическое, отношение к государству и его политике – это тоже

модернизация, но только постепенная, пошаговая, не ощущаемая в текущем моменте, однако оттого не менее реальная, чем то, что инспирируется политическими изменениями.

В российском контексте два фактора способны оказывать существенное влияние на цивилизационный процесс.

Первый фактор – рационализация и коммерциализация разных сторон жизни, побуждающая граждан к расчетливости и монетизации, затрагивающей большинство сфер жизни. Именно этим движением к более рациональному, осознаваемому миру можно объяснить то, что россияне, отвечая на вопрос, на кого они готовы положиться в трудной ситуации, указывают только на самих себя, на собственные «капиталы» – экономический, социальный, культурный. У рационализации и коммерциализации по-российски есть, разумеется, немалые издержки, связанные, к примеру, с широким распространением коррупционных практик. Краткосрочная личная выгода преобладает в этом случае над долговременными всеобщими интересами, но в дальней перспективе, в рациональной среде, которую формирует образованное, «считающее» население, осознающее на примере других развитых стран, как на самом деле должны строиться отношения между государством и обществом, коррупционные практики будут все чаще рассматриваться как вызов обществу и его будущему.

И это связано в том числе и со вторым важным фактором, обуславливающим процесс. История обществ, в том числе российского, свидетельствует, что цивилизационный процесс в значительной степени определяется характером ресурсной базы общества, развивается вровень с исчерпанием прежних ресурсов развития и обретением новых. В наследство современной России достались превосходящие пределы современного использования культурный, квалификационный и научный капиталы, избыточные по отношению к национальным нуждам природные ресурсы, прибыльно продаваемые за рубеж. Однако эти ресурсы, как показывает практика, исчерпаемы. И вот уже в стране, где совсем недавно наблюдалось перепроизводство квалифицированных кадров, инженеров и квалифицированных рабочих, их стало не хватать. Можно, разумеется, ввозить неквалифицированную дешевую рабочую силу из ближнего зарубежья, обучать этих работников на скорую руку, платить им минимальные заработные платы и таким способом смягчать напряжения, возникающие на рынках труда. Однако и этот ресурс, в конечном итоге, исчерпаем, а низкая производительность труда и низкий уровень заработных плат сделают, в конце концов, российский рынок труда малопривлекательным даже для этих категорий приезжих.

При сохранении текущей политики не менее острые проблемы будут возникать поочередно или одновременно и в тех областях общественной жизни, где заменить российских граждан на дешевых импортных рабочих будет практически невозможно. Нельзя, например, отсылать талантливых молодых ученых за рубеж, ссылаясь, не вполне искренно, на то, что современная наука глобальна. Подобное отношение к национальной науке приведет к тому, что она перестанет воспроизводиться, что следующее поколение ученых будет некому готовить. Рано или поздно речь пойдет о том, чтобы сделать выбор: либо «закрыть проект» российской науки, либо изменить отношение к ней в сторону более уважительного. Аналогичные кризисы «исчерпаемости» рано или поздно выведут в сферу политики и проблему наполнения реальным содержанием конституционной нормы «социальности» государства.

В большинстве случаев импульсы к изменениям будут исходить из самого общества, из его изменяющейся структуры и мотивационных приоритетов. Как правило, такие изменения имеют длительный, долговременный характер и связаны с трансформацией общественного сознания в поколенческом измерении. В этой перспективе процесс «расколдовывания» общественной жизни и ее рационализации (как процесса индивидуализации целей и средств их достижения) продолжится, сближая Россию с другими европейскими обществами. Политический выбор, о котором пишут авторы «Российской модернизации», безусловно важен, хотя и в значительной степени предсказуем. Но все же важнее то, что

происходит в сфере повседневности, в той области, которая конфигурируется рутинными практиками – не только политическими и не только относящимися к формированию политического курса нынешней элитой. Происходящие здесь изменения не сразу, но в перспективе снимут дилеммы модерна. Именно они сделают реформы функциональной необходимостью, меняя само качество общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. СПб.: Академ. проект, 2002. [Kivinen M. (2002) Progress and chaos. Sociological analysis of the past and future of Russia. St. Petersburg: Academ. projekt. (In Russ.)]
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 1. М.: Универ. библиотека, 2001. [Elias N. (2001) On the Process of Civilization. Vol. 1. Moscow: Univer. biblioteka. (In Russ.)]
- Giddens A. (1976) *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. New York: Basic Books.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, Polity Press.
- Johnson D. (2018) *The Wealth of a Nation. A History of Trade Politics in America*. Oxford University Press.
- Piketty T. (2014) *Capital in the 21st Century*. Cambridge.
- Russian Modernization. A New Paradigm. (2021) Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Routledge: London–New York.
- Skocpol T. (1992) *Protecting Soldiers and Mothers: The Political Origins of Social Policy in the United States*. Harvard: Harvard University Press.

Статья поступила: 23.04.21. Финальная версия: 25.05.21. Подписана к печати: 28.05.21.

MODERNIZATION RE-VISITED: SEARCHING FOR A NEW CONCEPTUAL SCHEME

CHERNYSH M.F.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Russia

Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Sociol.), Corresponding Member of the RAS, Acting Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia (mfche@yandex.ru).

Abstract. The article reviews a monograph devoted to modernization in Russia. The monograph consists of chapters prepared by an international collective of researchers. The monograph introduces a new paradigm of research targeting social change in the Russian society. The paradigm is based on Anthony Giddens' theory of structuration. The theory allows to expand the number of actors capable to affect the situation in the country. The theory incorporates three levels of analysis – the general one, reflecting on the basic structural characteristics of a society, a local one aiming at theorizing in the middle-range context and an empirical one, amassing and analyzing data, attempting thereby to confirm or reject the hypotheses related to reproduction and change. The prospects of the Russian society are presented as an inevitable choice between several scenarios of further evolution. The structuration theory approach has both advantages and obvious constraints. It leaves out a problem of real actors of social change understood as modernization. In the current situation the Russian society faces a consensus between the elites and a large part of the population that guarantees relative stability of the social order and social system. Devoid of obvious agents, modernization in Russia is likely to assume the form of a gradual, «cultural» evolution that includes a gradual transformation of the basic values and norms of behavior.

Keywords: modernization, reforms, social structure, the ruling elite, social institutions.

Received: 23.04.21. Final version: 25.05.21. Accepted: 28.05.21.

К НОВОМУ КОНЦЕПТУ ОБЩЕСТВА: ДОМЕНЫ ИНСТИТУТОВ, РЕЖИМЫ НЕРАВЕНСТВ, СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭРЫ

УОЛБИ Сильвия – профессор социологии, директор центра «Насилие и общество» Университета Сити, Лондон, Великобритания (sylvia.walby@city.ac.uk).

Аннотация. Статья углубляет концепт общества. Новые трансграничные и глобальные процессы обнажили недостатки истолкования концепта общества как государства-нации, не отражающего различия институциональных сфер-доменов (экономика, политика, гражданское общество, насилие) и режимов неравенства (класс, гендер, этничность). В статье на основе обобщения анализа социологами общества как макроконцепта раскрыты два комплекса подходов – дифференциация институтов и отношения неравенства. Концепты общества и социетализации углублены путем гибридизации этих двух подходов, а не выбора одного из них. С этой целью автор, опираясь на развившуюся из синергетических подходов «науку о сложности», проработала концепт системы. Предлагаемый подход позволяет параллельно анализировать различные домены институтов и многие режимы неравенств без редукционизма, что обеспечивает свободное теоретизирование вариантов временного и территориального диапазонов социальных систем.

Ключевые слова: комплексные системы • институты • режимы • социальная система • социальная теория • социетализация • общество

DOI: 10.31857/S013216250015533-9

Введение. «Общество» – стержневой концепт социологической науки. Он предлагает уникальный подход к крупномасштабным общественным переменам, позволяя концептуализировать взаимосвязи социальной жизни, когда перемены в одном аспекте социальных отношений меняют другие их аспекты. Но концепт общества стоит перед вызовом – как быть с пространством, с новыми границами и с новыми масштабами процессов глобализации, колонизации и европеизации, решая вопрос о напряжениях между трансграничными исследованиями и теориями общества [Go, 2016; Weiss, 2005; 2017]. Требуется ответ на вопрос о специфике единиц, между которыми есть границы. Каковы эти единицы с учетом концепта общества? Как лучше понять общество: как набор институциональных доменов или как набор отношений неравенства – или как одновременно то и другое? Как теоретизировать различия временных и территориальных социальных отношений? Как новые способы мышления систем – систем сложных, комплексных – помогают переосмыслить концепт «общество»?

Обращение к вызову теоризования несовпадений социальных отношений требует обратиться к доменам институтов и отношениям неравенства. Хотя большая часть работ социологов об «обществе» опирается на наследие Маркса, Вебера и Дюркгейма, в современной социологии есть и иные подходы, в том числе два ключевых: дифференциация институтов и отношения неравенства [Schwinn, 1998] связаны с разными подходами к социальной структуре – институциональным и реляционным [López, Scott, 2000]. Теории модерна сфокусированы на дифференциации институтов [Beck, 1992; Eisenstadt, 2002; Giddens, 1990; Luhmann, 1995] при опоре на Дюркгейма, иногда на Вебера. Теория мир-систем сосредоточена на отношениях неравенства [Arrighi, 2007; Chase-Dunn, 1988; Dunaway, 2014a; 2014b; Wallerstein, 1974] с опорой на Маркса и Вебера. При первом подходе

варианты модерна связаны с развитием и дифференциацией [Beck, 1992; Giddens, 1990; Luhmann, 1995], включая множественные модерны разных пространств [Eisenstadt, 2002]. Второй подход – концепт общества как мир-системы [Wallerstein, 1974] или глобальной общественной формации [Chase-Dunn, 1988] с глобальной системой отношений неравенства и с положением в мир-системе, зависящим от положения в ядре или на периферии, а также от природы капиталиста-гегемона [Arrighi, 2007]. Каждый подход дает не только что-то важное концепту общества, но и ограничения. Сторонники постколониализма и феминизма требуют обращаться к более широкому набору неравенств [Alatas, Sinha, 2017; Bhambra, 2007; Boatcă, 2015; Go, 2016; Rodriguez et al., 2016].

В идеале концепт общества должен охватить и традиции дифференциации институтов и отношения неравенства, должен сочетать эти два подхода, открывать теоретическую возможность изучать перемены и в конфигурации институтов, и в отношениях неравенства. Как добиться этого – вот ядро этой статьи. Важность дифференциации институтов анализируется через концепт институциональных доменов, четыре главные формы которых – это экономика, политика, насилие и гражданское общество. Суть отношений неравенства разработана с помощью концепта «режимы неравенства», главные виды которых – класс, гендер и этничность. Важны и институциональные домены, и режимы неравенства.

Вызовы концепту общества имеют место, когда дифференцированные институты и множественные отношения пространственных неравенств не совпадают. Ревизия концепта общества требует обратиться сразу к трем вызовам – это дифференциация институтов, отношения неравенства и фактор пространства.

Путь к работе с этими вызовами концепту «общество» зависит от способа использования концепта «система». Традиционные его версии затрудняют анализ этих вызовов. Путь вперед – разработка концепта «система», его использование социологами с опорой на достижения науки о сложности, которая предлагает концептуальный инструмент, нужный для использования концепта «система» в социологии. Статья содержит некий переделанный концепт системы с этой целью.

Для развития концепта «общество» предложен новый концепт социальной системы, опирающийся на науку о сложности, – концепт социетализация. Социетализация – процесс движения к большему выравниванию социальных систем. Но процесс социетализации редко достигает полного выравнивания доменов институтов и режимов неравенства во времени и в пространстве, что подразумевается концептом общества.

Статья знакомит с вызовами пространственности и с параллельным анализом дифференциации и неравенства, показывая, как наука сложности может предложить некий новый концепт социальной системы. Анализируется продуктивность теорий модернизации и мир-систем, раскрыты их трудности при обращении одновременно к дифференциации институтов и к отношениям неравенства. Предложена альтернативная теория общества – обновленный концепт системы, опирающийся на разработки науки о сложности.

Вызовы. Общество и пространство. Общество не есть нация-государство, но оно не стало и полностью глобальным. Как это отражено в социальной теории?

Нация-государство как общество – миф, но миф очень мощный [Walby, 2003]. Тожество нации-государства и общества давно прочно представлено в социологии [Bruce, Voas, 2004; Giddens, 1990; Mann, 1997; Meyer et al., 1997]. Идея нации-государства/общества и есть «контейнер» гармоничных, четко разграниченных институтов экономики, политики, насилия и гражданского общества. Эту позицию критиковали с разных сторон, рассматривая глобальный диапазон действия капитала [Hardt, Negri, 2000; Harvey, 2005; Wallerstein, 1974], связь проблем границ и безопасности [Anderson, 2013; Anderson, O'Dowd, 1999; Folli, 2012; Vaughan-Williams, 2015]. Те, кто пишут о европеизации, встречались с подобными теоретическими вызовами, так как они тоже касаются незавершенной, нестабильной сплоченности обществ в Европе, где есть несколько типов непересекающихся политических устройств – от наций и государств до империй и

организованных религий [Zielonka, 2006]. Эту критику подхватили сторонники постколониализма, бросая вызов Европе как центру модерна [Chakrabarty, 2000]. Они показали, что эксплуатация и неравенства, созданные колониализмом, – часть современности, нынешнего модерна, и потребовали признать важность социальных практик и Юга, и Севера [Alatas, Sinha, 2017; Rodriguez et al., 2016].

Ковид-пандемия показала, что вариации временного и территориального различия релевантны системе: вирус глобален, передаваясь на расстоянии менее 2 метров; системы здравоохранения часто национальны; смертность неравномерно распределена по системам неравенств; больницы в некоторые периоды времени оказались перегруженными, кризис ворвался в реальную экономику разных темпоральностей.

Традиционным теоретизациям общества, предполагающим наличие границ между социальными единицами, где пространство, политика и социум аккуратно наложены друг на друга, брошен вызов эмпирическими свидетельствами того, что мир и не полностью разделен на отдельные разграниченные общества, и не полностью глобален во всех институтах.

Частичное совпадение неукорененных социальных систем разных диапазонов пространства и времени, которые не заполнили свою территорию, бросает вызов традиционным идеям общества, построенным на простых концептах системы [Walby, 2009]. Их нужно переосмыслить.

Институциональная дифференциация и отношения неравенства. Важно обратиться к синхронному сосуществованию множественных форм современности, множеству вариантов капитализма и других режимов неравенства в мире. Требуется параллельное теоретизирование дифференцированных институций и разных режимов неравенства, что редко достижимо. Швинн [1998] заметил: социология стремится делать одно или другое, но не то и другое вместе; одна традиция фокусируется на дифференциации институций, другая – на неравенстве.

Теория модернизации тщательно и нюансированно дифференцирует институты, но тяготеет к расплывчатой проблематизации множества неравенств. Мир-система жестко ставит неравенства в рамку классов, но сужает фокус до институтов с приоритетом политической экономии. А постколониальная теория обращена по преимуществу к глобальным неравенствам сквозь призму культуры.

Главные подходы к дифференциации и неравенству столкнулись с проблемой множества пересекающихся неравенств, связанных с (пост-)колониальными отношениями и гендером [Boatcă, 2015; Chakrabarty, 2000; Chatterjee, 1986], не говоря уже об одновременном сосуществовании их с дифференциацией институтов. Чакрабарти подчеркивает важность колониальных и тем самым глобальных отношений в поиске того, чем учреждается общество, указывая при этом на необходимость вытеснения Европы с позиции главной референтной точки. Необходимость обратиться к множеству пересекающихся неравенств [Crenshaw, 1991; McCall, 2001] может вести к фокусировке на микроуровне и на конкретных ситуациях [Butler, 1990], что недостаточно для обращения к проблемам глобального уровня. Пробелы обоих подходов нужно учесть в концептуализации общества.

Концепт системы как основа этих дебатов сам стал частью проблемы. Традиционный концепт системы, как основа концепта общества, слишком прост; он очень затрудняет теоретизацию глобальных процессов, крупных социальных перемен и множественных неравенств. Традиционное понимание современного общества как нации-государства предполагает некое простое представление о системе, где части (экономика, политика, насилие и гражданское общество) образуют целое, а их границы – общие во времени и в пространстве [Giddens, 1990; Walby, 2019; Mann, 1997; Meyer et al., 1997]. В глобальную эпоху становится ясным, что эти границы разные. Как понятие общества как социальной системы решает этот вызов?

Один ответ на вызов концептуализации общества как системы – отказ от макроуровневого концепта общества как некой социальной системы в духе постструктурализма и постмодернизма

[Latour, 2005; Lyotard, 1978] и создание альтернативных концептов «сеть» [Castells, 1996] и «сборка» [Deleuze, Guattari, 1987; Latour, 2005]. Этот отказ постструктуралистов и постмодернистов связан с отказом от традиционной концепции системы [Deleuze, Guattari, 1987; Latour, 2005; Lyotard, 1978]. Попытки использовать концепты среднего уровня для выхода на глобальное [Quark, 2013] хотя и информативны, но тоже могут отходить от концепта общества. Неопределенность с концептом социальной системы, встречающуюся в постколониальной литературе, приписывают влиянию гуманитарных дисциплин [Go, 2016].

Я считаю эти альтернативы концепта общества – «сети» и «сборки» – недостаточными для передачи крупномасштабной, глубокой и системной взаимосвязи социальных институций и социальных неравенств в пространстве. Нужна некая иная концептуализация. Цель этой статьи – не отрицать концепт общества, а скорее его пересмотреть, включая реформирование концепта системы, на чем построен концепт общества.

Кросс-дисциплинарное поле науки сложности в потенции предлагает концепты для такой реформы [Maturana, Varela, 1980; von Bertalanffy, 1968]. Некоторые шаги вперед в теоретизации систем признаны и использованы социальной наукой [Luhmann, 1995; Pierson, 2000; Urry, 2003; Wallerstein, 1974], но недостаточно глубоко для одновременной теоретизации институциональных доменов и режимов неравенства – основ концепта общества. Социологии нужно переосмыслить концепт системы, чтобы перестроить концепт общества.

Путь вперед: социологии нужно переосмыслить концепт системы, чтобы переделать концепт общества. Наука сложности по-новому выстроила концепт системы в точных науках. Она предложила концептуальный набор инструментов, которым социология может перестроить концепт социальной системы – основу концепта общества [Carga, 1997; Castellani, Hafferty, 2009; Eldredge, 1986; Maturana, Varela, 1980; von Bertalanffy, 1968]. Такой концепт социальной системы может быть создан путем обновления концепта системы, включая воспроизводство системы, систему и её окружение, ненасыщенность, множество точек равновесия, зависимость от пути развития, позитивную обратную связь, нелинейность, внезапные и постепенные перемены.

Ядро понятия системы – автономное воспроизводство системами самих себя [Maturana, Varela, 1980]. Системы самоорганизуются, им не нужен дополнительный стимул воспроизводства во времени. Термин «система» – это термин-дженерик, способный охватить широкий спектр типов систем. В социологии «институции», как и «режимы», можно считать системами. Концепт «система» применим на разных уровнях: дом – это система, школа – тоже система, и гендерный режим – система, и занятость – система.

Всякая система считает все другие системы своим окружением [von Bertalanffy, 1968]. Такая концептуализация заменила представление, что «части» образуют некое «целое», обеспечив большую гибкость анализа без потери идеи системы. Социальные системы могут частью совпадать, быть неукорененными, не насыщать данную территорию. Этот подход к системам делает возможным теоретизировать социальные системы как обладающие разными временными и территориальными диапазонами. Например, некая экономика может иметь больший территориальный диапазон влияния, чем политика; политея (католической церкви) может иметь больший территориальный диапазон, чем другие политические системы на её территории (светские государства); финансовый капитал имеет временной и территориальный диапазоны влияния большие, чем капитал индустриальный; варианты гендерного режима могут не вписаться в версию капитализма.

В комплексном анализе эти системы не обязательно насыщают данное пространство. Множество систем могут влиять на одно пространство. Теоретически это возможно, ибо при нашем подходе каждая система считает все другие своей окружающей средой. Это позволяет аналитически делить домены институций и режимы неравенства на одном пространстве. Это позволяет теоретизировать множественные пересечения режимов неравенства, не идентифицируя каждое с отдельным институтом и не редуцируя один к другому [Walby, 2007]. Например, множество режимов неравенств по классу, гендеру и этничности могут структурировать конкретный институт занятости. Эта теоретическая

способность различать институциональные домены и режимы неравенства появилась только при новом способе мыслить системы. Поскольку каждая система считает все иные системы средой существования, ограниченность старого концепта системы преодолена. Больше нет трудного выбора между теорией общества на базе дифференциации институций и теорией на основе режимов неравенства: социология может пользоваться обеими.

По теории сложных систем есть много возможных точек равновесия системы. Это отменяет старое представление, будто у системы только одна точка равновесия, к которой она тяготеет. Множество равновесий делает возможным теоретизировать множественные модерны [Eisenstadt, 2002], варианты капитализма [Hall, Soskice, 2001] и гендерного режима [Walby, 2009]. Можно отбросить мысль, что есть одна универсальная форма, сохранив при этом объяснительную силу концепта системы. Больше нет трудного выбора между объяснительной силой концепта системы и недостатками ложного универсализма: социолог примет и то, и другое.

Замена понятия единой точки равновесия понятием множества таких точек связана с понятием множества путей развития. Существует не один путь развития, а множество зависимых от пути предшествующего развития траекторий перемен в социальной системе [Pierson, 2000]. Значит, особо важны условия в точке старта. К примеру, зависимое от пути развитие капитализма в разных локациях формируется событиями его ранних лет, так что использование систем порабощения в давние годы повлияло на этническое структурирование отношений занятости позднее. Не нужен трудный выбор между объяснительной силой концепта системы и историческими нюансами разных путей развития; социология воспользуется обоими.

Быстрая, как и постепенная, переменна может теоретизироваться комплексным системным анализом. Социальные системы имеют позитивные и негативные петли обратных связей [Arthur, 1994]. Петля негативной обратной связи может восстановить равновесие системы, петли позитивной обратной связи лишают ее равновесия. Это означает: можно забыть мысль, что социальные системы должны вернуться к равновесию, не расставаясь с концептом системы. Таким образом, проблематичная черта «функционализма» преодолена; стало легче теоретизировать экономическую и финансовую нестабильность [Minsky, 1986] и кризисы [Walby, 2015], где петли позитивной обратной связи могут лишать финансовую систему состояния равновесия. Больше нет трудного выбора между объяснительной силой концепта системы и признанием нестабильности: социология может пользоваться обеими. В системе возможны и нелинейная, и линейная переменны. Малая переменна может иметь большие следствия; причина и результат не обязательно прямо пропорциональны. По ходу взаимодействия систем они взаимно адаптируются, что может вести к нелинейным переменам, которые сложнее пропорциональных линейных перемен [Urry, 2003]. Например, природа вызванных человеком перемен климата не линейна. Перемены в системах могут быть внезапными и постепенными [Eldredge, 1986]. Возможны точки опрокидывания – кризисы, революции. Перемена может идти волнами, не в форме постепенного накопления [Walby, 2009]: например, распространение проектов феминисток и крайне правых имеет форму глобальных волн с разными последствиями в результате взаимодействий с обществами. Больше нет трудного выбора между объяснительной силой концепта системы и признанием внезапных неровных перемен: социология может пользоваться обоими.

Вариативное включение этих процессов в теорию систем отразилось на концепте и теории общества, о чем речь ниже.

Существующие подходы к обществу и системе показывают последствия вариативного включения процессов в теорию систем для концепта и теории общества. Проблемы, созданные прежним понятием системы, контрастируют с легкостью теоретизации при использовании нового подхода – подхода с позиции сложных систем.

Дифференциация и модерности. В теории модернизации часто всплывает посылка о *связанных обществах*, где социальные структуры налагаются одна на другую

одновременно и в одном месте. По мере развития обществ эти институции дифференцируются и изменяются. В некоторых версиях перемены теоретизируются как траектория во времени, по которой должно якобы развиваться большинство обществ. Классические модели разрабатывались с Дюркгейма, новые версии этой традиции имеют несколько направлений.

Модерн – ключевая тема трудов Гидденса [1990] и Бека [1992]. Они, под сильным влиянием Вебера, понимали перемены в форме модерна темпорально, различая позднюю, вторую и рефлексивную версии. Во многих работах о модернизации четко выражено или скрыто проявляется тенденция к универсализму с отсылками – весьма редкими – на специфику пространства. Иногда она эксплицитна [Domingues, 2012]: автор пишет о модерне как о глобальном процессе, хотя приводит и эмпирические случаи, данные о региональных вариантах. Часто институты модерна, считающиеся центральными, сведены к экономике или культуре, что спорно. Манн в работе [1986] сделал шаг вперед, добавив армию к триаде «экономика, государство, культура» как институтам, являющимся источниками власти в обществе. Но, несмотря на его анализ империй прежних эпох, он в работе 1987 г. отстаивал концепт общества как нации-государства нынешней эпохи и считал отсутствие выравнивания военной и экономической силы в США нелогичным исключением [Манн, 2003]. Хотя неравенство отмечено в этом комплексе трудов, различия между формами общественного неравенства почти не уточняются; есть тенденция понимать неравенство через призму мягко определяемых классовых отношений. Эксплицитно есть небольшие дискуссии и работы о концепте системы как основе концепта общества.

Второе направление (в центре его Луман [1995]) предлагает филигранно проработанный вариант комплексной дифференциации подсистем социальной системы, в центре которого находится логика коммуникации. Труды Лумана развивали концепт общества как системы под влиянием успехов науки о теории сложных систем, особенно работ Матураны и Варелы [1980]. Это позволило Луману уйти от посылки, что системы укоренены и конгруэнтны. Потенциально такой подход обеспечил большую гибкость и нюансировку теоретизации общества в пространстве, но уровень абстракции, на котором изложена эта теория, показывает, что он не использовал такую возможность. Анализ неравенства почти отсутствует. Узкая фокусировка на логике систем и коммуникации ведет к сосредоточению на идеологических проблемах и пренебрежению властью, особенно в экономических формах.

Третье направление выделяет множественные модерны, позволяя тем самым варьировать формы современных обществ в пространстве и времени [Eisenstadt, 2002]. Такой подход – часть более общей пост- или деколониальной традиции, вытесняющей Европу из центра анализа мира и модерна [Boatcă, 2015; Chakrabarty, 2000; Chatterjee, 1986]. Множественные модерны переплетены – с комплексом последствий для каждого из них – не в последнюю очередь благодаря колониальным и постколониальным формам неравенства. Чакрабарты [2000] не против универсализма, но полагает, что то, что считается универсальным, на деле нестабильно, всегда находится под влиянием актуальной локации и связанной с нею истории. Потенциально такой подход дает рамку, позволяющую видеть различия отношений неравенств, одновременно различая домены институтов. На практике же часто анализ узко ограничен ценностями и культурой, оставляя вне поля зрения роль экономики, политического строя и насилия. Несмотря на интерес к новым формам неравенств постколониальной эпохи, это редко дает полноту рассмотрению неравенств.

В заключение отметим: дифференциация как подход лишь частично отвечает на вызов исследований приграничья и глобализации, брошенный концепту общества, в основном из-за трудности изучения дифференцированных институтов одновременно с множественными неравенствами. Самые сильные труды о дифференциации институтов слабы в части неравенств. Дифференциация институтов является основой социетальных различий – от мягкой политической экономии, переплетенной с наукой [Гидденс, Бек], до сильного культурализма [Луман, Айзенштадт]. Дифференциация институций наиболее

разработана в теории систем Лумана. Анализ всего диапазона неравенств – генетический или мягко классовый [Гидденс, Бек] – не развит или почти отсутствует [Луман, Айзенштадт].

Теория модерна использует ряд подходов к концепту системы. Простой давний концепт системы, считающий, что целое состоит из частей, в основном использован Гидденсом, Бекком, Манном, ограничив возможности изучать как дифференциацию институтов, так и множественные неравенства. Эйзенштадт взял одну новацию из теории систем – понятие множества точек равновесия – для подкрепления анализа множества сосуществующих модернов, но дальше почти не развивал её. Луман использовал более широкий набор концептов сложных систем, но остановился перед применением их в анализе неравенств. Потенциально у Лумана был концептуальный инструмент дальнейшего развития теории систем, но он остановился на традиции дифференциации институтов, не добавив ответ на вызов анализа множественных отношений неравенства.

Слабая концептуализация системы в первом и третьем направлениях затрудняет теоретизацию и дифференцированных институтов, и множественных неравенств. Но второе направление (Луман) использует концепт системы, обладающий потенциалом решить обе эти задачи, однако не делает этого.

Отношения неравенства и мир-система. Отношения неравенства находятся в центре мир-системного подхода к обществу. Этот подход к осмыслению вызова глобализации концепту общества начинается со стороны, обратной подходу отмеченных выше теоретиков глобализации. Считается, что общество (скорее, социальная формация) уже изначально глобально. Границы между странами – это скорее не границы между обществами, а просто раздельные линии между некими формами регуляции. Теория мир-систем посвящена тому, как соединены части единой мировой формации, но не отношениям множества разных обществ. В таком подходе анализ неравенств становится драйвером анализа институтов и пространства.

Теория мир-систем, в центре которой находится политэкономия, создана Валлерстайном (1974) на базе наследия Маркса, Вебера и Броделя, в дальнейшем развита Чейз-Данном (1988) и Арриги (2007). В теории мир-систем класс – самое важное отношение неравенства. Процессы накопления капитала формируют главные социальные отношения, определяемые классовым положением. Накопление капитала – это глобальный процесс, его центр находится не в отдельных странах. Прибавочная стоимость извлекается во время производства и проходит по цепи от периферии к ядру. В каждом звене цепи производства товара классовые отношения на местах структурируют этот процесс, содействуя извлечению прибавочной стоимости. Прибыль возникает, когда конкретные формы капитала получают позиции монополии, наделив её силой формировать рынки в своих интересах.

Мир-системный анализ выступает за то, чтобы в своей теории отразить отношения всех неравенства, помимо классовых, несмотря на неоднократные эмпирические свидетельства их существования. Делается это из-за узкой интерпретации процесса извлечения прибавочной стоимости с тенденцией ограничить этот процесс точкой производства при рыночных отношениях и тенденцией видеть основу динамики перемен в процессе извлечения прибавочной стоимости. Тем не менее есть значимые попытки в этих рамках изучать вызовы, связанные с гендерными и колониальными неравенствами [Voatsă, 2015; Dunaway, 2014b; Moghadam, 1993].

У Валлерстайна (1974) расизм и сексизм локализованы в идеологии, а не в политической экономии. Хотя эксплуатация периферии ядром – фундамент отношений этнического неравенства в масштабе мира, этничность он понимает как присвоение посредством концепта класса, а не этничности. Это контрастирует с мнением Рекса [1973], понимавшим политэкономии империи как конструирование «расы». О гендере, считая гендерное неравенство важным, Валлерстайн говорит, что домохозяйства «объединяют» свой доход из разных источников, не являясь местом гендерной эксплуатации [Wallerstein, Smith, 1992].

Он не концептуализирует гендерные отношения в домохозяйстве как отношения присвоения прибавочной стоимости.

Хотя этничность и гендер отданы культуре и оказались на полях большинства трудов о мир-системах, это – неизбежная черта не всего мир-системного анализа, а лишь его важных текстов [Boatcă, 2015]. Например, [Dunaway, 2014a; 2014b] анализирует перенос прибавочной стоимости от женщин в гендерном звене цепи товарной цепочки, осторожно показывая, как это становится важным источником прибавочной стоимости глобального капитала и передается из одной локации в другую. Но эта часть давней традиции анализа политэкономии гендера в мировом масштабе [Mies, 1986; Moghadam, 1993; Schreier, 1911] остается маргинальной в теории мир-систем.

Теория мир-систем, сосредоточенная на политэкономии, имеет тенденцию оставлять в стороне гражданское общество и насилие. Гражданское общество, культура и идеология подаются так, будто они маргинальны и одновременно стоят в центре производства гендерных отношений; война и насилие – как побочные явления, возникшие в моменты кризиса политической экономии. Государства понимаются прежде всего как «платформы» системы капитализма.

Работа в поле анализа мир-систем и над ним в вопросе сравнительной важности институциональных доменов – помимо политической экономии – имела последствия для представлений, что есть единая мир-система. Пост(де)колониальная критика рефреймирует проблемы культуры [Boatcă, 2015], одновременно поднимая ее важность в социальной теории и выразив сомнения в существовании единой мир-системы. Спор об условиях производства контргегемонистских движений перефреймирует проблемы гражданского общества, так как потенциально это может преобразовать систему [Chase-Dunn, 1988]. Школа регулирования развития капитализма идентифицировала ряд институтов, устанавливающих условия режима накопления [Aglietta, 1979], которые потенциально могут варьироваться по регионам. Результат процессов соперничества за глобальные стандарты регулирования конкретных отраслей производства формируется рядом процессов [Quark, 2013]. Идея гегемонов-соперников оспаривает наличие единого глобального гегемона единой мир-системы [Arrighi, 2007; Pieterse, 2018]. Мысль, что несколько версий капитализма могут сосуществовать во времени в разных пространственных локациях, противоречит понятию единой мир-системы. Предположение о совпадении во времени/пространстве политической экономии с другими социальными институтами натянуто до точки разрыва и за ней.

На противопоставление кросс-границных исследований традиционным концептам замкнутых обществ следует ответ со стороны аналитиков мир-системы, которые сводят понятие «граница» от водораздела между обществами до разделительной линии режимов малозначимой регуляции. В мир-системном анализе единица анализа – это мир-система, а не отдельные страны. Связи – следствие процессов накопления капитала, аккумуляция которого посредством товарных цепочек охватывает весь мир. Существуют пространственные различия, прежде всего между ядром, полупериферией и периферией, отдельные страны могут перемещаться между этими уровнями.

Но когда фокус внимания сдвинут от узкого интереса к накоплению капитала, то одна-единственная глобальная единица вызывает сомнения. Соревнование гегемонов идет в форме множества режимов накопления. Поиск движений против гегемонов обязательно вступит в контакт с разными гражданскими обществами. Валлерстайнова версия теории мир-системы преувеличивает размах, с которым политэкономия насыщает глобальное пространство. Отсюда вывод: некоторые виды накопления капитала почти глобальны, а другие институты этой социальной формации – нет.

Валлерстайн приветствовал дополнения концепта системы, порожденные наукой о сложности. Он использует некоторые концепты как метафоры, включая кризис. При этом применяются им новые концепты системы неровно и не в полную меру своего потенциала.

Теория мир-системы ошибочно теоретизирует политэкономии как пространственно и темпорально конгруэнтную с системами гражданского общества и насилия. Но понятия сложности системы позволяют теоретизировать различия временных и пространственных диапазонов разных институтов, не требуя настаивать на том, что системы конгруэнтны. Теория мир-системы не адекватно теоретизировала множественные неравенства в политической экономии: отмечая их эмпирически, она низводит расу и гендер до институтов культуры и идеологии. Предполагается, что институциональное пространство политической экономии насыщено классовыми отношениями и не допустит, чтобы отношения этнических, колониальных и гендерных неравенств определяли власть. Но концепты сложности систем не настаивают на насыщении такого рода и допускают теоретизацию множества пересекающихся неравенств.

Итак, теория мир-системы стала ответом на вызов трансграничных исследований конвенциональным различиям между обществами; понимая мир-систему как одно общество, она тем самым понизила статус границы до незначимого. Но если финансовый капитал скорее глобален, то промышленный капитал сохраняет региональные и национальные корни, политические институты находятся на уровнях как национальных, так и глобальных, а насилие и гражданское общество обладают множеством пространственных уровней. Есть разные временные и пространственные диапазоны различий институциональных доменов. Накопление капитала – мощный, но не единственный драйвер глобальных социальных отношений. Теория мир-системы отвечает на вызов оценок отношений неравенства, рассматриваемых как ключевой аспект этой теории общества, но она ограничена в своем отношении к не-классовым отношениям неравенства как к узкому набору институциональных доменов, которые считаются малозначимыми для движения этой системы вперед. Использование концепций сложности системы может содействовать включению этих проблем в ядро данной теоретической рамки.

Мысли о новом подходе к обществу и системе. Новый подход к концептуализации общества, предлагаемый мною, интегрирует анализ дифференцированных институциональных доменов и множественных режимов неравенства. Он включает в себя разные территориальные и временные диапазоны институциональных доменов и режимов неравенства, сохраняя концепт общества как системы. Он опирается на развитие концепта системы в науке сложности. Он вводит концепт социетализации.

Социетализация – процесс, в ходе которого институциональные домены и режимы неравенств стремятся к выравниванию. Есть соперничающие проекты социетализации, построенные вокруг набора определенных социальных отношений. Если довести до конца социетализацию, то получим полностью сформированное общество. Социетализация редко бывает завершена, поэтому полностью сформированные общества редки. Концепт общества – важная веха в социальной теории, даже если его редко реализуют. Социетализация – проект. Его часто рассматривают как «национальный» проект. Есть и не-национальные проекты социетализации (проект Европейского союза, всеобщие права человека и социализм). Один из проектов социетализации может овладеть государством, ставшим средством продвижения его устремлений. Тогда начинается процесс попыток выравнивать и далее наличные социальные институты.

Предложенный выше концепт общества объемлет и институциональные домены, и отношения неравенства. Тенденция делить эти два вида социальной структуры на две отдельные теоретические школы мысли вредит развитию социологической теории. Нужен гибрид двух школ. Путь вперед лежит через понимание, что и институциональные домены, и режимы неравенства – это системы, пусть разнотипные, и обе могут быть включены в концепты социальной системы, общества и социетализации.

Нужно одновременно теоретизировать и множественные неравенства, и множественные домены институтов. Основные подходы к обществу встретились с вызовом таких требований. Они отвечают отделением каждой формы неравенства и переносом ее в отдельный институт. Как правило, класс считается основанным на экономике, а гендер

– на культуре и идеологии. Если наш имплицитный концепт системы стар и прост, это не удивляет. Но допущение, что каждый набор социальных отношений неравенства (класс, гендер, этничность) размещен в своем собственном институте, не доказано, если понять значение множества институтов для каждого режима неравенства и множества режимов неравенства для каждого института. Отвергая это недоказуемое допущение, мы бросаем вызов представлению об обществе как «контейнере», сложенном из конгруэнтных систем неравенств. Гендерные неравенства не совпадают полностью с неравенствами классовыми: варианты гендерных отношений не следуют точно вариациям классовых отношений, хотя и пересекаются [Crenshaw, 1991; Walby et al., 2012].

Нужно одновременно концептуализировать и все институциональные домены (экономика, политика, насилие, гражданское общество), и все отношения неравенства (класс, гендер, этничность и т.д.), не редуцируя одно до другого [Walby, 2009]. Концептуализация должна охватить домены институтов (экономика, политика, насилие, гражданское общество) и режимы неравенства (класс, гендер, этничность), которые частью не полностью совпадают, не укоренены, неконгруэнтны, имеют разные пространственные и временные диапазоны и допускают анализ их взаимосвязей. Это требует нового подхода к концептуализации «общества» путем ревизии концепта социальной «системы», что показано в данной статье.

Анализировать неконгруэнтность институтов (т.е. систем) экономики, политики, гражданского общества и насилия в пространстве и времени лучше в теоретической рамке, в которой всякая система воспринимает все другие системы как свое окружение, а не в рамке, где части системы считаются составными частями целой системы. Это значит, что всякая система экономики, политики, гражданского общества и насилия может лишь частично совпадать, быть неукорененной и не заполнять данную территорию, иметь разные временные и территориальные диапазоны.

Анализировать неконгруэнтности режимов (т.е. систем) неравенства, включая неравенства по классу, гендеру и этничности, тоже лучше посредством теоретической рамки, в которой одна система считает все иные системы своим окружением, где системы могут перекрываться, быть не укоренены, не насыщать свое пространство и иметь разные временные и пространственные диапазоны.

Очень редко встречаются «общества» (если вообще встречаются), в которых есть полная конгруэнтность (выравнивание) институциональных доменов (экономика, политика, насилие, гражданское общество) и режимов неравенства (класс, гендер, этничность, нация). Но есть процессы социетализации, содержащие тенденции такой конгруэнтности, которые на практике всегда прерываются. Много было попыток добиться такого выравнивания – например, проекты националистов создать свое государство, или нынешний проект европеизации. Есть большие или меньшие степени выравнивания институциональных доменов и режимов неравенства. Есть некие тенденции социетализации, в которых процессы в обществе движутся к делению общей территории, есть другие соперничающие процессы, включая проекты-антагонисты, – все это означает, что полное выравнивание трудно-, если вообще, достижимо. Сейчас фактически нет существующих «обществ», в которых все социальные процессы имеют общую границу времени и места.

Проект – это набор практик, ориентированный на перемены в обществе. Обычно укорененные в гражданском обществе, они могут амбициозно применяться в некоторых или во всех доменах институтов. Проект имеет набор ценностей, вокруг которых должно быть организовано общество, участвующее в практических попытках их реализовать. Примерами таких проектов являются проекты националистов, жаждущих создать свое государство для реализации неких целей. Феминистские проекты пытаются переделать гендерные отношения, антирасистские проекты пытаются менять общество. Есть европейский проект с центром в Евросоюзе, стремящийся к миру в Европе. Проекты могут быть локальными или глобальными по размаху. Практика попыток захватить контроль над институтами (государство и т.д.) – путь к получению власти для реформирования

общества. Редко один проект успешно монополизирует все рычаги власти. Многие проекты сосуществуют и соперничают. Процесс движения к социетализации посредством одного проекта часто прерывается другим, не будучи завершен.

Концепт «граница» привлекает внимание к различиям содержания двух систем. Традиционно концепт границы подразумевает что-то пространственное. Но не в нашем случае [Appadurai, 1990], когда речь идет о границах институциональных доменов экономики, политики, насилия, гражданского общества и о границах между режимами неравенства (класс, гендер, этничность). Все эти типы границ значимы, а не только традиционный тип политической границы, проложенной по физической территории. Пространство – лишь одна сторона границы. Концепт пространства противоречив в плане обязательности физического референта. Различия не всегда пространственны. Отношения между социальными категориями и физическим пространством реструктурируются. Иногда концепт границы содержит частичный и оспариваемый компонент пространства. В условиях европеизации политические границы частично детерриториализованы – например, правила отношения к мигрантам в ЕС, их перемещениям и правам [Follis, 2012; Vaughan-Williams, 2015]. Мы не намерены отрицать значение физического пространства в некоторых вопросах, отвергая любое абсолютное выравнивание социальных и пространственных категорий. Главный наш приоритет – различия социальные, не пространственные.

Концепт «общество» полезен как веха, даже если полное выравнивание социальных систем есть редкость. Процесс «социетализации» общий и важный. Он может меняться в разное время по-разному.

В традиционном концепте общества все типы границ конгруэнтны, а варианты форм общества влияют на каждый из его институциональных доменов и режимов неравенства синхронно во времени и по месту. Эмпирически выравнивание случается редко, если вообще достижимо. Соперничество проектов обрывает проекты социетализации. Этот традиционный статичный концепт общества нужно заменить более текучим пониманием процессов социетализации.

Одна из ключевых проблем реконцептуализации «общества» и ответа на вызовы глобализации и множественных неравенств – эксплицитно или имплицитно используемый концепт системы. Переосмысление концепта «система» критически важно для изменения концепта «общество» в социологии и в других социальных науках, в теоретизации современных социальных перемен. Есть вызовы теоретизации ряда институциональных доменов и режимов неравенств, не редуцируя одно до другого и обращая внимание на варианты временных и пространственных диапазонов каждого из них. Здесь нужен концепт «системы» более нюансированный, чем традиционно используемый. Проблема со старым концептом системы в том, что он предполагает укоренение частей некой системы в целом и самоуравновешивающую систему с петлями обратной связи, возвращающими систему к стабильности после нарушений.

Опираясь на омоложенный концепт системы, можно выработать концепт и теорию общества, которая ответит на вызовы пространства, дифференциации институтов и отношений неравенства. Эти успехи теории систем помогают расширить круг теоретизируемых социальных процессов за пределы рамок традиционного концепта системы, позволяя более нюансированно изучать соотношения пространственного и социального, когда устранена предпосылка «насыщения». Уже были эксперименты с внедрением отдельных или всех теоретических новаций в системное мышление ряда социальных наук, включая экономику [Arthur, 1994], политическую науку [Pierson, 2000], социологию [Luhmann, 1995; Urry, 2003; Walby, 2007; 2009; 2015].

Заключение. В статье развит концепт общества путем применения новых способов мыслить системы, взятых из науки сложности, к концепту социальной системы. Этот теоретический шаг нужен как ответ на вызовы глобализации и европеизации, обозначившиеся в напряженных отношениях между «теориями общества» и «трансграничными исследованиями». Потребовался анализ и множественных институциональных доменов, и

множественных отношений неравенства – того и другого вместе, не врознь. Многообразие институциональных доменов требуется во избежание простой редукции отношения неравенства к одному домену, такому как культура. Многообразие отношений неравенства нужно во избежание редукции до одного доминантного отношения неравенства (например, класса). Эмпирические свидетельства показывают, что они не совпадают один с другим во времени и в пространстве. Скорее, у них разный временной и пространственный диапазон. Это влечет за собой гибридизацию двух социологических традиций, сосредоточенных на дифференцированных институтах и на отношениях неравенства, не рассматривая их как альтернативы. Для такого шага нужен более нюансированный и гибкий концепт системы, созданный наукой сложности.

Включение множественных доменов институтов и множественных отношений неравенств в концепт общества, признание, что они не совпадают один с другим во времени и в пространстве, напрягают прежний концепт социальной системы за пределы точки разрыва. Однако не надо реагировать на это отказом от концептов «система» и «общество». Скорее, нужно развивать концепты системы и общества. Концептуальный инструментарий развития концепта «система» заключен в науке о сложности.

Наука сложности предлагает ряд сдвигов в концепте системы, которые позволят развивать концепт общества. Ключевым выступает идея, что система воспринимает все другие системы как свою окружающую среду, а не как состоящую из частей систему. Этот концептуальный сдвиг обеспечивает и гибкость, и нюанс, сохраняя способность теоретизировать. Другие сдвиги – это концепты множества точек равновесия (а не одной), зависимость от пути предшествующего развития (а не универсализм путей), петли позитивной обратной связи, которые уводят всякую систему все дальше от равновесия (а не петли негативной обратной связи, равновесие восстанавливающие), что облегчает теоретизацию развития множества сосуществующих вариантов модерна.

Важное дополнение теоретического словаря – социетализация, процесс движения к выравниванию институтов и отношений неравенства (хотя и обратное тоже возможно). Строительство нации-государства, европеизация и глобализация – это примеры процессов социетализации, строительства дифференцированных институтов и отношений неравенства, движение к конгруэнтности. Но полное выравнивание редко достижимо. Процессы могут уводить в сторону от такого выравнивания. Сохранить, но переосмыслить концепт общества важно для анализа спорных подвижек на границах. С такими теоретическими подвижками можно сохранить концепт общества для продуктивной аналитической работы в социологии и в других социальных дисциплинах.

REFERENCES

- Aglietta M. (1979) *A Theory of Capitalist Regulation*. London: Verso.
- Alatas S.F., Sinha V. (2017) *Sociological Theory Beyond the Canon*. London: Palgrave Macmillan.
- Anderson B. (2013) *Us & Them? The Dangerous Politics of Immigration Control*. Oxford: Oxford University Press.
- Anderson J., O'Dowd L. (1999) Contested borders: Globalization and ethno-national conflict in Ireland. *Regional Studies*. Vol. 33. No. 7: 681–696.
- Appadurai A. (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Theory, Culture & Society*. Vol. 7. No. 2–3: 295–310.
- Arrighi G. (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.
- Arthur B. (1994) *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Beck U. (1992) *Risk Society*. London: Sage.
- Bhambra G. (2007) *Rethinking Modernity*. London: Palgrave Macmillan.
- Boatcă M. (2015) *Global Inequalities Beyond Occidentalism*. London: Routledge.
- Bruce S., Voas D. (2004) The resilience of the nation-state: Religion and politics in the modern era. *Sociology*. Vol. 38. No. 5: 1025–1034.
- Butler J. (1990) *Gender Trouble*. New York: Routledge.
- Capra F. (1997) *The Web of Life*. London: Flamingo.
- Castellani B., Hafferty F. (2009) *Sociology and Complexity Science: A New Field of Inquiry*. Berlin: Springer.

- Castells M. (1996) *The Information Age: The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.
- Chakrabarty D. (2000) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Chase-Dunn C. (1988) *Global Formation: Structures of the World Economy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Chatterjee P. (1986) *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse*. London: Zed Books.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6: 1241–1299.
- Deleuze G., Guattari F. (1987) *A Thousand Plateaus*. New York: Continuum.
- Domingues J.M. (2012) *Global Modernity, Development, and Contemporary Civilization: Towards a Renewal of Critical Theory*. New York: Routledge.
- Dunaway W. (2014a) Bringing commodity chain analysis back to its world-systems roots: Rediscovering women's work and households. *Journal of World-Systems Research*. Vol. 20. No.1: 64–81.
- Dunaway W. (ed.) (2014b) *Gendered Commodity Chains: Seeing Women's Work and Households in Global Production*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Eisenstadt S. (ed.) (2002) *Multiple Modernities*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Eldredge N. (1986) *Time Frames: The Rethinking of Darwinian Evolution and the Theory of Punctuated Equilibria*. London: Heinemann.
- Follis K. (2012) *Building Fortress Europe: The Polish Ukrainian Frontier*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity.
- Go J. (2016) *Postcolonial Thought and Social Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Hall P., Soskice D. (eds) (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Hardt M., Negri A. (2000) *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- López J., Scott J. (2000) *Social Structure*. Buckingham: Open University Press.
- Luhmann N. (1995) *Social Systems*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Lyotard J.-F. (1978) *The Postmodern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- McCall L. (2001) *Complex Inequality: Gender, Class, and Race in the New Economy*. New York: Routledge.
- Mann M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. *The History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M. (1997) Has globalisation ended the rise and rise of the nation-state? *Review of International Political Economy*. Vol. 4. No. 3: 472–496.
- Mann M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.
- Maturana H., Varela F. (1980) *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht: Reidel.
- Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F. (1997) World society and the nation-state. *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 1: 144–181.
- Mies M. (1986) *Patriarchy and Accumulation on a World Scale*. London: Zed.
- Minsky H. (1986) *Stabilizing an Unstable Economy*. New York: McGraw-Hill.
- Moghadam V. (1993) *Modernizing Women*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Pierson P. (2000) Increasing returns, path dependence, and the study of politics. *American Political Science Review*. Vol. 94. No. 2: 251–268.
- Pieterse J.N. (2018) *Multipolar Globalization: Emerging Economies and Development*. Abingdon: Routledge.
- Quark A. (2013) *Global Rivalries: Standards Wars and the Transnational Cotton Trade*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rex J. (1973) *Race, Colonialism and the City*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Rodriguez E.G., Boatcă M., Costa S. (eds) (2016) *Decolonizing European Sociology: Transdisciplinary Approaches*. London: Routledge.
- Schmidt V. (2010) Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists. *Social Science Information*. Vol. 49. No. 4: 511–538.
- Schreiner O. (1911) *Woman and Labour*. London: Unwin.
- Schwinn T. (1998) False connections: Systems and action theories in neofunctionalism and in Jürgen Habermas. *Sociological Theory*. Vol. 16. No. 1: 75–95.
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity.
- Vaughan-Williams N. (2015) *Europe's Border Crisis: Biopolitical Security and Beyond*. Oxford: Oxford University Press.
- von Bertalanffy L. (1968) *General Systems Theory*. New York: George Braziller.

- Walby S. (2003) The myth of the nation-state: Theorizing society and politics in a global era. *Sociology*. Vol. 37. No. 1: 531–548.
- Walby S. (2007) Complexity theory, systems theory and multiple intersecting social inequalities. *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 37. No. 4: 449–470.
- Walby S. (2009) *Globalization and Inequalities: Complexity and Contested Modernities*. London: Sage.
- Walby S (2015) *Crisis*. Cambridge: Polity.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. (2012) Intersectionality: Multiple inequalities in social theory. *Sociology*. Vol. 46. No. 2: 224–240.
- Wallerstein I. (1974) *The Modern World-System*. Berkeley: University of California Press.
- Wallerstein I., Smith J. (1992) Households as an institution of the world economy. In: Smith J., Wallerstein I. (eds) *Creating and Transforming Households: The Constraints of the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Weiss A. (2005) The transnationalization of social inequality: Conceptualizing social positions on a world scale. *Current Sociology*. Vol. 53. No. 4: 707–728.
- Weiss A. (2017) Sociological theories of global inequalities. *Sociology*. Vol. 51. No. 6: 1318–1324.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire*. Oxford: Oxford University Press.

Пер. с англ. Н.В. РОМАНОВСКИЙ, д. ист. н., проф., гл. науч. сотр. Института социологии ФНИСЦ РАН; проф. РГГУ, Москва, Россия (socis@isras.ru).

DEVELOPING THE CONCEPT OF SOCIETY: INSTITUTIONAL DOMAINS, REGIMES OF INEQUALITIES AND COMPLEX SYSTEMS IN A GLOBAL ERA WALBY S.

Sylvia WALBY, Professor of Sociology, and Director of the Violence and Society Centre at City, University of London, London, UK (sylvia.walby@city.ac.uk).

Abstract. This article develops the concept of society to meet the challenge of cross-border and global processes. Global processes have made visible the inadequacy of interpreting the concept of society as if it were a nation-state, since there is a lack of congruence of institutional domains (economy, polity, civil society, violence) and regimes of inequality (class, gender, ethnicity). The article engages with two strands of intellectual heritage in sociological analysis of society as a macro concept: the differentiation of institutions and the relations of inequality. The concepts of society and societalisation are developed by hybridising these two approaches rather than selecting only one or the other. To achieve this, the concept of system is developed by drawing on complexity science. This enables the simultaneous analysis of differentiated institutional domains (economy, polity, violence, civil society) and multiple regimes of inequality without reductionism. In turn, this facilitates the fluent theorisation of variations in the temporal and spatial reach of social systems.

Keywords: complex systems, global, institutions, macro, regimes, social system, social theory, societalisation, society

Transl. by N.V. ROMANOVSKY

Nikolay V. ROMANOVSKY, Dr. Sci. (Hist.), Prof. Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of Russian State University for Humanities, Moscow, Russia (socis@isras.ru).

© 2021 г.

М.С. КАЗ

«МИР ТРУДА» РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ: ДИЛЕММЫ И СМЫСЛЫ

КАЗ Михаил Семенович – доктор экономических наук, профессор кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Томского государственного университета; профессор кафедры экономики Томского университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия (misk3@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе принципов когнитивно-ценностного подхода проведено исследование «мира труда» работающих пенсионеров. С помощью контент-анализа сообщений, представленных в российском сегменте Интернета на одном из наиболее часто посещаемых форумов пенсионеров, и метода многомерного шкалирования данных удалось выявить основные смысловые единицы, формирующие образ трудовой деятельности данной категории сотрудников и его структуру. Показано, что она хорошо описывается вышеуказанной моделью, включающей четыре шкалы. Их содержание также обосновывается в статье. С опорой на выявленные особенности «мира труда» работающих пенсионеров обсуждаются меры, направленные на совершенствование деятельности и улучшение социального самочувствия лиц, находящихся на стадии «позднего развития карьеры», а также возможные направления будущих исследований.

Ключевые слова: трудовая деятельность • пенсия • когнитивно-ценностный подход • работающие пенсионеры

DOI: 10.31857/S013216250013853-1

«Социология сама по себе есть рассказ, но смысл этого рассказа в том, что имеется гораздо больше вариантов рассказывания историй, чем это можно себе представить с позиций наших повседневных повествований...» [Бауман, 2005: 41]

Концепция и методы исследования. Согласно получающей распространение когнитивной парадигме, перед социогуманитарным знанием стоит задача реконструировать и подвергнуть анализу те аспекты действительности, которые конкретный индивид или коллективный субъект признает наиболее существенными и значимыми [Лекторский, 2008]. В полной мере такая «субъектно-ориентированная» точка зрения правомерна и в отношении трудовой сферы. Это обуславливает формирование когнитивно-ценностного подхода к трудовой деятельности, предметом которого становится исследование «мира труда».

Ф. Знанецкий одним из первых среди социологов обратился к проблеме ценности. Он писал: «Ценности более важны, чем вещи, так как они оказывают на жизнь человека, на его деятельность и содержание его стремлений гораздо большее влияние, чем вещи» [Znaniecki, 1971: 11]. В проведенных в 1960-е гг. Дж. Дизом, а затем и другими исследователями экспериментах было показано, что любое понятие может быть представлено через частотный ряд ассоциативных реакций на него. Построение «гнезд слов», имеющих похожие ассоциативные значения, позволило обнаружить, что в своем обыденном

мышлении человек нередко опирается на иные, чем принятые в научном знании, основания классификации. Данный феномен был объяснен тем, что человеческое знание является «ценностно нагруженным». На базе критического осмысления результатов как этого, так и других подобных экспериментов сформировалась когнитивная концепция, согласно которой человек действует в соответствии с тем, что видит, а потому особую важность приобретает исследование вопросов «познания» (*cognitions*, лат.) объекта субъектом.

Обратимся к исследованиям трудовой сферы. Взаимодействие субъекта и объекта (С–О) в них нередко представляют как опосредованное орудиями труда, в то время как субъект-субъектные отношения (С–С) – опосредованными знаковыми средствами. Однако очевидно, что взаимодействие субъекта с объектом также не может обойтись без знакового взаимодействия, а значит без связок С–СО (субъективация объекта) и С–ОС (объективация субъекта¹). При таком подходе удается зафиксировать, что сформированные в сознании работника представления не тождественны внешнему миру. Благодаря наличию ценностной составляющей они обладают «пристрастным характером» или, следуя Ф. Знанецкому, содержат «человеческий коэффициент».

Роль ценностного знания в формировании индивидом сугубо личностных представлений М. Хайдеггером была закреплена в понятии «картина мира». Он писал, что данное выражение означает теперь «конструкт опредмечивающего представления» [Хайдеггер, 1993: 52]. Это позволяет закрепить за рассматриваемым нами явлением понятие «мир труда». Обращаясь к роли ценностей в человеческой деятельности, Ф. Знанецкий отмечает, что «человеческий коэффициент» формирует «культурные данные». Сходные рассуждения присутствуют и в работах М. Хайдеггера. Поэтому, перефразируя известное высказывание Ф. Знанецкого относительно социального знания [Thomas, Znaniecki, 1918: 36], можно утверждать, что понятие «мир труда» фиксирует внимание на приоритетности анализа трудовой сферы (технической и организационной стороны труда) с социокультурной точки зрения [Каз, 2005; 2009].

Сузим поле нашего анализа до одной частной, но крайне важной и вместе с тем малоисследованной группы сотрудников – лиц, выходящих на пенсию, но продолжающих трудиться.

Как проникнуть в мир работающего пенсионера? Не преуменьшая роль интервью в социогуманитарном познании, следует согласиться с тем, что интернет-пространство предоставляет внушительный поток социальной информации, который требует изучения и осмысления. Заметим также, что совершенствование техники работы с указанным массивом данных – важная самостоятельная задача.

Исследование «мира труда» работающих пенсионеров, результаты которого изложены в данной статье, проведено на основе материалов одной из рубрик («Работающие пенсионеры») сайта «Форум молодых пенсионеров», входящего в число наиболее посещаемых в российском сегменте Интернета по данной тематике. Для проведения исследования были отобраны те из них, в которых посетители сайта обсуждали проблемы своей трудовой деятельности и личное отношение к ее завершению (183 сообщения).

Все больше исследователей соглашаются с тем, что выход на пенсию следует рассматривать как длящийся во времени процесс, а не как дискретное событие с установленной законодательством датой [Wang, Shultz, 2010], поэтому было принято решение не исключать из массива данных высказывания лиц, относящихся к предпенсионному возрасту. Таким образом, указанный массив был сформирован из сообщений посетителей форума, которые находятся в сходной жизненной ситуации: в процессе перехода от работы к пенсии с полным прекращением работы.

¹ Объективация субъекта – овеществление деятельности субъекта как в материальных, так и в духовных результатах (к последнему, в частности, относятся мифы организации, ее герои, а также иные элементы корпоративной культуры).

При проведении исследования мы исходили из понимания, что информация по данной теме, содержащаяся в сообщениях пользователей, безусловно, дает представление о «мире работающего пенсионера», однако это представление весьма приблизительное. Тем более оно не может удовлетворить исследовательский интерес, если стоит сложная задача: анализ проблем, доминирующих в сознании указанной группы лиц.

Действительно, с позиций когнитивно-ценностного подхода каждый индивид конструирует собственную систему представлений о трудовой сфере, действуя так же, как исследователь (формулируя гипотезы о внешней среде, проверяя их и отбрасывая ошибочные). Поэтому методике, которая позволяет «взглянуть на мир глазами другого», должны быть присущи «ненавязчивость»; «неструктурированность»; «чувствительность к контексту» [Krippendorff, 2013]. Указанные причины побудили нас использовать инструментарий методов контент-анализа и многомерного шкалирования данных.

Исследование опиралось на индуктивную стратегию и включало следующие фазы: редукция текста; реконструкция смысловых систем; формирование гипотез.

Результаты, полученные на всех этапах исследования (от выделения в тексте необходимых фрагментов, выработки кодов до формирования результатов контент-анализа и многомерного шкалирования), проверялись независимыми экспертами.

В процессе контент-анализа все релевантные суждения (единицы анализа) были редуцированы до следующих ключевых фраз (в скобках указан код каждой категории): «хотят выпроводить на пенсию» (ХВП); «тяжело работать» (ТР); «есть материальная необходимость работать» (МНР); «мизерная зарплата по новому месту работы» (МЗНМ); «наличие здоровья» (ЗДО); «опасение остаться без коллектива» (ОБК); «трудно найти общий язык с коллективом» (ТОЯК); «свободное время» (СвВр); «сокращают» (СОКР); «трудно приспособиться к изменениям на работе» (ИЗМ); «нравится работать» (НР); «мысли о том, что надо уйти на пенсию» (НУ); «мы и они» (МиО); «не одинок» (НОД).

Оценка дистанции между указанными категориями позволила количественно представить соотношения между основными аспектами «мира труда» работающих пенсионеров в виде матрицы. Для этого вначале подсчитывалась совместная встречаемость каждой пары кодов (единица счета) в рамках одного сообщения на форуме (ХВП и ТР, МНР и ЗДО и т.д.), а затем относительная частота их совместной встречаемости во всем проанализированном массиве сообщений.

Итак, полученные в результате указанной обработки данные, согласно принципам когнитивных исследований, характеризуют структуру и тесноту взаимосвязей в сознании респондентов между явлениями, зафиксированными в процессе контент-анализа и редуцированными до кодов [Дэйвисон, 1988: 56, 59–60]. Вместе с тем очевидно, что разная теснота связи между рассматриваемыми смысловыми единицами может быть представлена как дистанция (по аналогии с подходом к оценке социальной дистанции в какой-либо общности как обратной по отношению к оценке тесноты связи между ее членами) [Дэйвисон, 1988: 13]. Поэтому, чтобы определить дистанцию между исследуемыми категориями во всех возможных парах, рассчитанные значения относительных частот вычитались из единицы. Сформированная таким образом матрица дистанций была обработана методом многомерного шкалирования по программе ALSCAL, реализованной в пакете SPSS, с использованием евклидовой метрики.

Метод многомерного шкалирования, как известно, представляет собой: «математический инструментарий, предназначенный для обработки данных об <...> отношениях между анализируемыми объектами с целью представления этих объектов в виде точек некоторого координатного пространства» [Davison, 1988: 5]. Оси данного пространства являются теми латентными признаками, опираясь на которые «респондент мыслит сравниваемые им объекты» [Толстова, 2015: 13].

Четыре измерения «мира труда» работающих пенсионеров. Хорошие результаты, с формальных позиций, дало размещение собранных данных уже в трехмерном пространстве. Однако и модель, полученная при четырехмерном шкалировании, с математической

точки зрения адекватно отражает их структуру. Об этом свидетельствуют показатели «стресса» Крускала (0.08) и R^2 (0.958). Первый фиксирует различие в расстояниях между исследуемыми категориями по результатам модельных расчетов, с одной стороны, и в исходном массиве данных – с другой². Второй показывает долю дисперсии исходных данных, объясняемую полученной моделью (в нашем случае – более 95%).

Вместе с тем результаты четырехмерного шкалирования (рис. 1, 2), как показал последующий анализ, поддаются лучшей содержательной интерпретации.

Проведенное многомерное шкалирование в системе четырех координат позволило обнаружить следующие основные группы проблем, доминирующих в сознании работающих пенсионеров.

Первая группа включает категории, имеющие, по результатам многомерного шкалирования, наибольшие или наименьшие значения, по первой оси (рис. 1, обведены линиями серого цвета³): *мизерная зарплата по новому месту работы (+3.75)*; *материальная необходимость (+1.243)*; *трудно найти общий язык с коллективом (-0.381)*; *свободное время (-1.28)*; *происходят быстрые изменения на работе (-1,628)*; *сокращают (-2.12)*; *не одинок (-1.63)*.

Роль этих смысловых единиц в структуре «мира труда» работающих пенсионеров хорошо передают высказывания постоянных посетителей форума. «Я “ухожу” каждый год, – пишет респондент с ником “Людмила”, – но директору до пенсии два года, и он бы хотел, чтобы я поработала до его пенсии. Все же главный бухгалтер много значит для директорского спокойствия... Еще меня несколько пугает, что пенсионеры вынуждены подрабатывать уборщиками, дворниками и кондукторами в транспорте. Каждый день это вижу и думаю – ну что мне, плохо в моем уютном кабинете сидится? Не от хорошей же жизни эти люди встают ни свет ни заря и работают на этих малоденежных и совсем не престижных местах». Еще один работающий пенсионер подтверждает ее опасения: «Зарплата – унижительная для человека!!! Представьте, что в аванс вам дают в кассе аж 1000 рублей! Недоуменно вертишь их в руках и думаешь: это насмешка или намёк, что ты ничтожество?»

«Есть еще момент, я считаю, важный в жизни работающего пенсионера и человека предпенсионного возраста... – пишет посетитель с ником “Марина”. – Порой не всегда бывает легко найти общий язык с коллективом». С ней соглашается «Лидсана»: «Общаться приходится с трудом. Я много лет отдала госслужбе, и в коллективе вели себя совсем по-другому: полное доверие, доброжелательность, умение вести себя с людьми. А здесь – мат в разговоре (женщины), постоянные сплетни, интриги, вплоть до разборок и ультиматумов. И я как белая ворона. Очень трудно всё это слышать, но хоть какие-то деньги зарабатую на коммуналку. Стерпеть бы до весны. Удручает ещё другое: злость, невоспитанность и отсутствие стремления меняться. Удручает это и пугает».

Многие активные участники форума среди причин, побуждающих их принять решение о выходе на пенсию, указывают на то, что им все труднее приспособиваться к изменениям на работе: «“Старую собаку не научишь новым трюкам” – поняла я, когда на моей должности взвинтили требования, и каждая исполняемая мной новая инструкция стала исключать предыдущую со скоростью “пять штук в секунду”», – пишет одна из них. Другая соглашается: «Требования сейчас просто невероятные, инструкции меняются без конца. Иногда просто не понимаешь, чего от тебя хотят».

Обращаясь к аргументам в пользу прекращения трудовой деятельности после выхода на пенсию, участница форума («Валя») замечает: «Каждый человек должен какую-то

² Показатель «стресса» может принимать значения в диапазоне от 0 до 1. Чем больше величина «стресса», тем хуже полученное решение согласуется с исходными данными.

³ Остальные не включены, несмотря на то что, судя по рис. 1, они располагаются рядом с обведенными линией серого цвета. Объясняется это тем, что на самом деле они имеют большую количественную оценку в абсолютном выражении не по данной шкале. Этот комментарий относится и к кодам, не отнесенным ко второй шкале на рис. 1, а также к кодам, не отнесенным к третьей или четвертой шкалам на рис. 2.

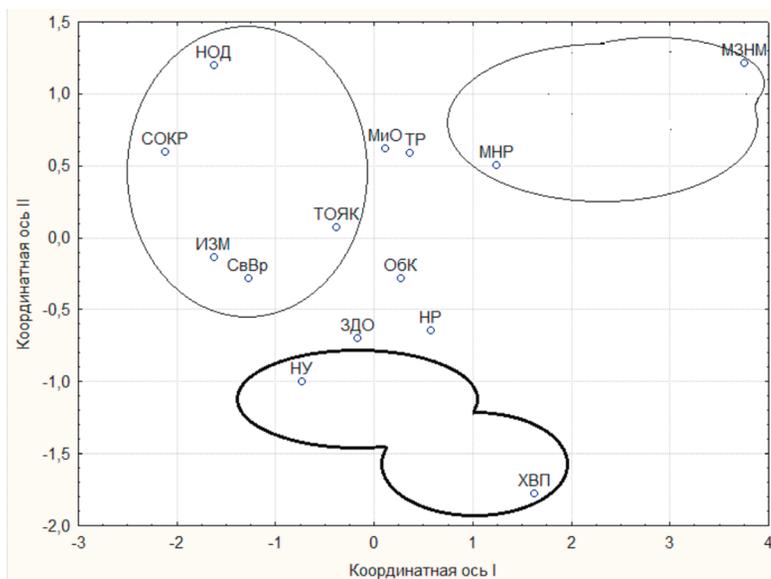

Рис. 1. «Мир труда» работающих пенсионеров (проекция на первую и вторую координатную ось)

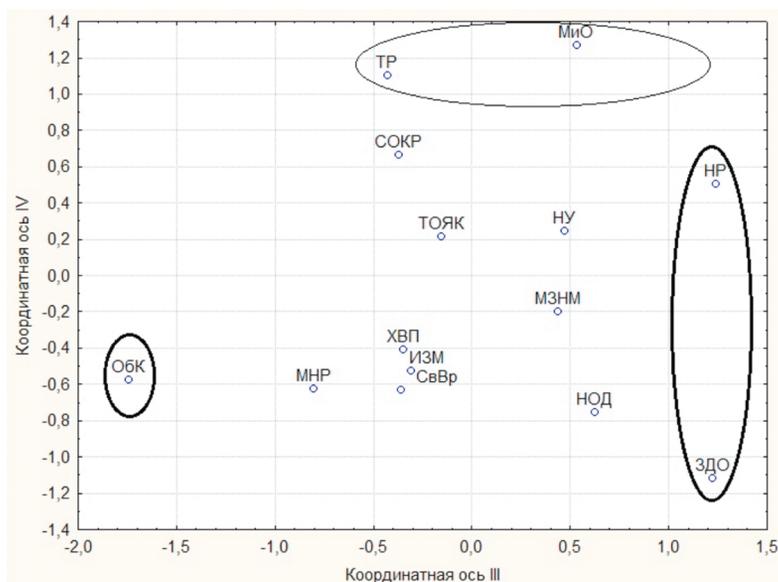

Рис. 2. «Мир труда» работающих пенсионеров (проекция на третью и четвертую координатные оси)

часть своей жизни прожить только для себя. Отойти от суеты». Другая соглашается: «После выхода на пенсию сразу уволилась... Мечтала о свободе!»

Своей причиной, подтолкнувшей принять решение о выходе на пенсию, делится посетитель форума с ником «Елка»: «Я уволилась сама... Предприятие планомерно вели к банкротству. ... Ушла, не жалею, но... А предприятие обанкротили».

Таким образом, положительная область первой шкалы объединяет смысловые единицы, описывающие ряд элементов внешней среды, удовлетворительное состояние которых, по мнению участников форума, вынуждает (или уже вынудило) принять решение о продолжении работы на пенсии (обозначена термином «мотивация на работу»). Отрицательная область в основном объединяет смысловые единицы, описывающие средовые факторы, вынуждающие принять альтернативное решение («мотивация выхода на пенсию»). Поэтому первой шкале присвоено наименование «Мотивация продолжения работы или выхода на пенсию».

Вторая шкала обозначена термином «экзистенциальная тревога». Ее содержание формируют следующие смысловые комплексы (рис. 2, обведены линией черного цвета): *хотя бы выпроводить на пенсию (-1.78); мысли о том, что надо уходить вовремя (-0.997)*.

Роль этих смысловых единиц в системе представлений участников форума хорошо передают высказывания его постоянных посетителей. «У нас на производстве, – пишет участница форума с ником “Татьяна”, – сокращения, и пенсионеров не держат, переживала страшно, но готовилась мысленно, задолго. Летом на участке не скучала, со страхом ждала зимы...» Другая замечает: «Если все работающие пенсионеры уйдут на пенсию, то школу придётся закрывать..., т.к. некому работать. Но я, наверное, поизносилась. В голове только одна мысль: пора на пенсию». С ней соглашается посетительница форума «Света»: «Тяжелая штука привычка. Внушаю себе разные позитивные вещи про новый этап жизни... помогает, а потом подумает – все вроде нормально, и дальше топаешь. А ведь надо когда-нибудь решиться... надо».

«Я сейчас нахожусь в отпуске, – делится своими размышлениями “Львица”. – Сижу с внуками. В пятницу позвонили с работы, попросили прийти... Пошла сегодня утром. Иду по коридору – впереди меня идет работающая пенсионерка, старше меня лет на 5. Смотрю, а она скособочилась, хромает, ноги тяжело передвигает. А была раньше стройная, высокая. Через час иду – вижу двоих, таких как я по возрасту. Идут, ноги припухлые, походка замедленная, взгляд никакой. Дальше – встречаю вообще намного старше – сутулые, обрюзгшие... Мне стало жутко. А как же я выгляжу со стороны? ...в те минуты, когда мне плохо, я, наверное, также шаркаю ногой, на лице печать болезненности, еле плетусь. Надо уходить, – подумала я. – Чтобы меня запомнили стройной, жизнерадостной, изящной, всегда красиво одетой, а не старой и ветхой».

«Экзистенциальная тревога», в избытке присутствующая в этих размышлениях, – явный сигнал того, что их авторы переживают критическую ситуацию в своей жизни. Преодолеть ее возможно, только если «самостоятельно выразить и сформулировать проблему, обнаружить помогающие ему (человеку. – Прим. М.К.) структуры смыслообразования и превратить их в действие» [Орлова, 2015]. Именно о таком «рецепте» ее преодоления пишет форумчанин с ником «Лыжник»: «Даже не знаю, как тебе объяснить. Вот у меня всегда были по жизни обязанности, и я не представляю себе, как вот без них ... если у меня это забрать, то будет пустота». С ним соглашается посетитель с ником «Vladimir», работающий в аграрной компании: «Моя работа непредсказуема с точки зрения текущих результатов. Это требует от меня и генерации новых идей, и иногда новых неожиданных смыслов. Мой успех, если он вообще существует, спрятан где-то далеко в конце извилистого, непредсказуемо ветвистого пути, прыгающего по холмам. Когда я уйду с работы и уеду в город на Волге навсегда, передо мной будет одна ровная гладкая дорога: тихо состариться и умереть от болезней, тоски и никчемности. Ну... так... примерно...».

В совместном исследовании группы сотрудников из университетов Флориды (США) и Лейфана в Люнебурге (Германия) не удалось подтвердить гипотезу о тесной связи финансового положения лиц, выходящих на пенсию, с их решением продолжить работать и после наступления пенсионного возраста [Fasbender et al., 2016]. Полученные нами результаты свидетельствуют в пользу важной роли, которую в ответе на вопрос «остаться или уйти» играет «экзистенциальная тревога» и другие смысловые комплексы, выявленные в процессе исследования.

Как показало наше предыдущее исследование, в структуре «мира труда» сотрудников, которым еще нескоро предстоит выйти на пенсию, велика роль ценностной составляющей. В их восприятии ценностными характеристиками наделяются почти все элементы, которые относятся к группе антропных, а элементы, относящиеся к материальной среде, наделяются ценностными характеристиками более чем в 40% случаев [Каз, 2011: 43; Каз, 2003]. Это подтверждает мысль о том, что «условна сама граница между организмом и внешней средой... внешнее окружение, входящее в этот “расширенный субъект”, содержит в себе как естественные объекты, так и культурные артефакты» [Лекторский, 2008: 13]. Вместе с тем проведенный анализ «мира труда» работающих пенсионеров вскрывает особую роль, которую в его структуре занимает «экзистенциальная тревога». Буквально «обволакивая» другие элементы системы субъективных представлений этой группы сотрудников, относящиеся практически к каждой из размерностей выявленного нами четырехмерного пространства, она придает им особый смысловой оттенок.

У.Л. Орлова обращает внимание на важную роль фактора «проблематизация» в преодолении экзистенциальной тревоги неработающими пенсионерами, у которых: «ресурсы самостоятельности и помощи близких исчерпаны или недостаточны» (живущих в учреждениях интернатного типа). У них «проблематизация» выражается в «переосмыслении прожитого» и «осмыслении своей значимости для чего-либо или кого-либо» [Орлова, 2015: 103–105].

Для лиц пенсионного возраста, не входящих в этот круг, такие ценности, как карьера, социальный статус, придающие осмысленность деятельности большинству сотрудников, также постепенно отходят на задний план, а их место занимает «проблематизация смысла». Однако принципиальное отличие заключается в том, что для многих трудоспособных пенсионеров «проблематизация» проявляется в трансформации смысла работы: она превращается, помимо прочего, в действие по преодолению «экзистенциального вакуума». Этим во многом объясняется, по нашему мнению, содержание третьей оси. Она обозначена как «мотивация к работе» (касается, в основном, личного и социального смысла работы). Его формируют следующие элементы «понятийной сетки» участников форума (рис. 2, обведены линиями черного цвета): *нравится работать* (+1.24); *наличие здоровья* (+1.22); *опасение остаться без коллектива* (-1.74).

Так, посетительница с ником «Лидия» на утверждение одного из участников форума о том, что уход на пенсию без продолжения работы позволяет больше времени уделять себе, замечает: «Я не согласна. А если я не хочу уходить? Если я не найду себя на пенсии, как ты? Если человек привык привлекать работу и не может без этого до конца своей жизни?» С ней соглашается «Татьяна»: «Есть возможность и желание, здоровье позволяет, сомнений не должно быть – РАБОТАТЬ!⁴ Насидеться успеется, впереди вся жизнь».

Автор с ником «Лидсана» сообщает: «Почитала и решила написать свою причину выхода на работу: 1 – деньги дополнительные, 2 – дополнительное общение». С ней солидарна другая форумчанка, заявляющая, что на пенсии продолжаем работать потому, что «боимся стать ненужными».

По нашему мнению, не случайно, что составляющей данного фактора выступает категория «опасение остаться без коллектива». Она фиксирует место, которое в «мире труда» работающих пенсионеров занимает «социальный смысл работы», охватывающий признание и оценку, общение с другими, выполнение их ожиданий, – словом, описывающий чувство принадлежности к определенной группе [Fasbender et al., 2016: 13]. Человек, становясь старше, обычно испытывает больше одиночества, так как теряет свои социальные ресурсы и утрачивает социальную активность. Сотрудник, вполне вероятно, решит продолжить трудиться и после наступления пенсионного возраста, если он воспринимает работу как потребность в социальном взаимодействии, отмечают по результатам проведенного исследования У. Фасбендер с соавторами [Fasbender et al., 2014].

⁴ Здесь и далее заглавными буквами выделено авторами высказываний.

Наконец, следует выделить еще одну группу проблем, занимающих важное место в «мире труда» работающих пенсионеров. В нее включены категории, имеющие, по результатам многомерного шкалирования, наибольшие или наименьшие значения по четвертой оси (рис. 2, обведены линией серого цвета): *тяжело работать* (+1.102); *мы и они* (+1.27).

Обозначение данной оси как «тяжесть работы», или, например, «состояние пенсионеров и нравственность», или «усталость от работы и групповое давление», к сожалению, недостаточно раскрывает все богатство смыслов, скрывающееся за краткими терминами «тяжело работать» и «мы и они», введенными в интересах контент-анализа. Поэтому, прежде всего, обратимся к соответствующим высказываниям участников форума.

«Устала работать, выдохлась физически и морально», – заявляет форумчанка с ником «Январская». «Но что делать, если... невозможно выжить на пенсию? – вступает в дискуссии “Зоя”. – А если еще лечить родного человека? Вот и приходится почти через силу держать себя в форме, ходить на высоких каблуках с высоко поднятой головой и прямой спиной ... и, конечно, профессионально выполнять свои обязанности, ...но если бы вы знали, как хочется уже уйти на пенсию...»

Об аспектах противопоставления «мы» – «они», которые считают важными участники форума, свидетельствуют следующие их высказывания: «После кризиса 2008 года у нас прошло очень большое сокращение – уволили больше половины сотрудников, это коснулось и ИТР. Тем, кто остался, на 50 процентов “урезали” зарплату, отменили премии, питание, оплату проезда и сотовых – в общем, создали такие условия, что многие из оставшихся сами ушли... Пережили мы эти печальные времена, увеличились объемы, появилась необходимость занять некоторые вакансии. Начали искать новые кадры... По очень странному принципу – представительниц женского пола подбирали на вкус управляющего директора, молодых людей – тех, кто начальнику отдела по работе с персоналом приглянется... В результате административный корпус нашего завода – филиал модельного агентства, ни больше, ни меньше... Да бог бы с ними, работать бы хотели... А то из пяти человек у одного в глазах просматривается интерес к работе и понимание того, о чем с ним говорить... А как какое-нибудь серьезное задание – где тут наши корифеи, те, кому за 50...? Давайте-ка мы их нагрузим, да побольше, и пусть они молодежь поучат... Да ради бога – грузите, выдюжим... только вот учиться молодые не шибко спешат. Конечно, не все, но многие...» (ник «Марина»). «А молодые, ты права, учиться, а главное отвечать не очень-то хотят», – соглашается с ней другая участница форума («Светлана»).

Посетительница с ником «Марина» продолжает: «Но меня удивляет отношение БОЛЬШИНСТВА к работе... пофигизм и отсутствие инициативы... Может, я так реагирую на это, потому что для меня самой подобное отношение к делу просто НЕДОПУСТИМО. Есть на предприятии у нас и пенсионеры, и предпенсионного возраста сотрудники, и они так же отзываются о нашей заводской молодежи. Есть и такие молодые сотрудники, которые ждут не дождутся, когда старшее поколение освободит им руководящие посты. И ведут себя иногда очень некрасиво. Вот так и живем». Ее поддерживает «Майя»: «У нас на работе тоже молодёжь пофигистская. Соберутся вместе и обсуждают свои новости, либо делают видимость работы. Но они не специалисты».

По нашему мнению, изложенное свидетельствует, что проблематика, составляющая содержание категорий, расположившихся по результатам многомерного шкалирования вдоль четвертой координаты, позволяет эту ось обозначить термином «витальность и нравственность». С витальностью, как отмечает Н.Н. Козлова, «ассоциируется способность к выживанию, к балансированию... Проблема витальности возникает тогда, когда речь идет о том, чтобы в пограничной ситуации “между жизнью и смертью” остаться на “стороне жизни”» [Козлова, 1998: 95–96]. Именно это (остаться на «стороне жизни»), но не любой ценой, а не нарушив принципы нравственного поведения, объединяет высказывания авторов, относящиеся к четвертому фактору.

Более того, категория «мы и они», как следует из сообщений постоянных участников форума, фиксирует не только нравственное противостояние, но и стремление пожилых сотрудников удовлетворить генеративную потребность. А. Темплер определяет ее как потребность делиться своими знаниями и опытом со следующим поколением и подчеркивает, что она усиливается по мере того, как люди становятся старше [Templer et al., 2010]. Таким образом, категория «мы и они» в таком понимании, так же как и категория «тяжело работать», несет мощный заряд витальности.

Заключение. Проведенное исследование свидетельствует: производственная среда в сознании работников предстает наполненной смысловыми структурами, выработанными в процессе трудового взаимодействия. Понятие «мир труда» фиксирует представление о ней как о «конструкции, создаваемой человеком из наличного... материала» [Ортега-и-Гассет, 1997: 237], а также тот факт, что указанные смысловые структуры выступают не столько в форме понятий, сколько в форме концептов. Последние, в отличие от понятий, «не только мыслятся... Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2004: 43].

М.Ф. Стеге с соавторами [Steger et al., 2012] выделили три фактора в структуре работы, повышающих склонность сотрудника пенсионного возраста принять решение о продолжении работы: наличие позитивного смысла в работе, идентификация работы как основного пути к поиску смысла жизни, восприятие работы как полезной для общего блага. Отдельные составляющие указанных факторов присутствуют и в реконструированной нами системе представлений указанной категории сотрудников. Однако она частично согласуется также с некоторыми аспектами позиции, которой придерживается М.Е. Мор-Барак [Mor-Barak, 1995], выделивший четыре фактора (социальный, личностный, финансовый и генеративный).

По мнению многих исследователей, в деятельности социальных учреждений, осуществляющих долгосрочную заботу о людях преклонного возраста (дома престарелых, пансионаты и т.д.), прослеживаются черты двойственности. С одной стороны, они способствуют поддержанию уровня благополучия пожилых людей на том этапе жизни, когда возможности помощи со стороны близких недостаточны, а ресурсы самостоятельности исчерпаны. С другой – ограничивают личную свободу пожилых людей, способствуют их социальной изоляции [Орлова, 2015: 103]. Наше исследование показывает, что понятие «двойственность», но в контексте ощущений («двойственные ощущения»), применимо и к исследованной нами социальной категории «работающие пенсионеры». В поисках решения дилеммы: продолжать работать на пенсии или нет, либо размышляя об уже ранее принятом решении, они пытаются примирить труднопримиримое (потребность в общении и групповое давление; усталость от работы и материальную необходимость продолжать трудиться; стремление передать накопленный опыт и нежелание сотрудников воспользоваться им; готовность продолжить работу, приносящую удовлетворение в труде, и намерения руководства освободить должность для нового сотрудника и т.д.). Это означает, следуя концепции Леви-Стросса, что значительная их часть находится в поисках трикстера – той реальной, а иногда и мифологической сущности, которая позволит сделать их жизнь более определенной и более осмысленной. Для многих из них таким трикстером становится сама работа.

Мир работающих пенсионеров – это особая сфера жизнедеятельности, требующая специфического инструментария исследования и методов управления. Мы согласны с тем, что занятость после выхода на пенсию следует рассматривать не как прекращение карьеры, а как стадию позднего развития карьеры [Hirschi, Froidevaux, 2019]. Она может включать неполный рабочий день и самостоятельную занятость [Beehr, Bennett, 2015], особую организацию рабочего места и предоставление иных преимуществ. Она требует формирования «поздних карьерных планов» и разработки специфических стратегий набора персонала для групп предпенсионного и пенсионного возраста. В их основу должно быть положено, как показывает проведенный анализ, изучение личностных ценностей

и карьерного опыта сотрудников, вступивших на путь транзита от занятости до выхода на пенсию с полным прекращением трудовой деятельности. Соответствующий инструментарий начинает в последнее время активно разрабатываться в рамках исследовательского направления «Дизайн жизни» [Froidevaux, 2018].

«Мы на каждом шагу пытаемся создавать определенные социальные ценности, – писал Ф. Знанецкий, – не принимая во внимание ценностей, которые уже существуют и от которых зависит результат наших усилий в такой же степени, как и от наших намерений и упорства» [Thomas, Znaniecki, 1918: 52]. Прошло более века, но эти слова известного социолога в полной мере относятся и к современной ситуации, сложившейся в трудовой сфере. Давайте же начнем двигаться по пути ее преодоления, обратив в своих социогуманитарных исследованиях особое внимание на лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Они заслужили это.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Дэйвисон М. Многомерное шкалирование: методы наглядного представления данных. М.: Финансы и статистика, 1988.
- Каз М.С. Динамика экономического знания и мотивация труда: когнитивно-ценностный подход. Томск: ТГУ, 2003.
- Каз М.С. Знак и значение в моделях трудовой деятельности: от истории вещей к истории идей // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 41–52.
- Каз М.С. Мотивация труда: трансформация структуры теоретико-методологического знания и когнитивно-ценностный подход // Вопросы экономики. 2005. № 12. С. 82–95.
- Каз М.С. Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 29–40.
- Козлова Н.Н. Витальность как социально-философская проблема // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 95–106.
- Лекторский В.А. Философия и исследование когнитивных процессов // Когнитивный подход: Философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон+, 2008. С. 5–19.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 1993. Т. 52. №1. С. 3–9.
- Орлова У.Л. Параметры качества жизни пожилых людей, живущих в учреждениях интернатного типа // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 103–110.
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997.
- Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2004.
- Толстова Ю.Н. Математические методы-факторы связи естественных и социально-гуманитарных наук (социологии) // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 12–21.
- Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–63.
- Beehr T.A., Bennett M.M. Working after retirement: Features of bridge employment and research directions // Work, Aging and Retirement. 2015. No. 1. P. 112–128.
- Fasbender U., Deller J., Wang M., Wiernik B.M. Deciding whether to work after retirement: The role of psychological experience of aging // Journal of Vocational Behavior. 2014. No. 84. P. 215–224. DOI: 10.1016/j.jvb.2014.01.006.
- Fasbender U., Wang M., Voltmer J.-B., Deller J. The Meaning of Work for Post-retirement Employment Decisions // Work, Aging and Retirement. 2016. Vol. 2. No. 1. P. 12–23. DOI: 10.1093/workar/wav015.
- Froidevaux A. A Life Design Perspective on the Work to Retirement Transition // New Perspectives on Career Counseling and Guidance in Europe: Building Careers in Changing and Diverse Societies / Eds. by Cohen-Scali V., Rossier J., Nota L. Switzerland: Springer International, 2018. P. 89–104.
- Hirschi A., Froidevaux A. Career counseling // The Routledge Companion to Career Studies / Eds by Gunz H., Lazarova M., Mayrhofer W. London: Routledge, 2019. P. 331–345. DOI: 10.4324/9781315674704.
- Hjaltadottir I., Gustafsdottir M. Quality of Life in Nursing Homes: Perception of Physically Frail Elderly Residents // Scandinavian Journal of Caring Sciences. 2007. No. 21. P. 48–55.
- Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. London: Sage Publications, 2013.
- Miller G.A. Language and communication. N. Y.: McGraw-Hill, 1951.
- Mor-Barak M.E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor // International Journal of Aging and Human Development. 1995. No. 41. P. 325–344.

- Steger M.F., Dik B.J., Duffy R.D. Measuring meaningful work: The work and meaning inventory // *Journal of Career Assessment*. 2012. No. 20. P. 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.
- Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. Antecedents of older workers' motives for continuing to work // *Career Development International*. 2010. No. 15. P. 479–500. DOI: 10.1108/13620431011075349.
- Thomas S., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. Boston: Badger, 1918.
- Wang M., Shultz K.S. Employee retirement: A review and recommendations for future investigation // *Journal of Management*. 2010. No. 36. P. 172–206. DOI: 10.1177/0149206309347957.
- Znaniecki F. *Nauki o kulturze*. Warszawa: PWN, 1971.

Статья поступила: 08.02.21. Финальная версия: 12.05.21. Принята к публикации: 07.06.21.

THE “WORLD OF LABOUR” OF WORKING RETIREES: DILEMMAS AND MEANINGS

KAZ M.S.

Tomsk State University; Tomsk State University Control Systems and Radioelectronics, Russia

Mikhail S. KAZ, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Management and Marketing of Tomsk State University; Department of Economics Tomsk State University Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia (misk3@mail.ru)

Abstract. The article studies the features of the ideas of working retirees about the world of work. Their analysis and meaningful interpretation required a search for adequate methodological attitudes and methodical tools. It was shown that a distinction should be made between the traditional definitions in the field of labour problems and the more general concept of the “world of labour”. The study of the “world of labour” of working retirees allowed us to single out a number of categories that describe their perception of work and the advisability of completely or partially terminating it related with retirement. The source of data for the study were the messages of the participants of one of the most visited Internet forums of pensioners in the Russian-speaking segment. The multidimensional scaling method to the collected data made it possible to place them, without significant loss of information, in a space of lower dimension. It has been established that the “world of labour” of working retirees is well described by a number of key parameters identified in the research process. Their meaningful interpretation is carried out. The applicability of the trickster concept developed by Levi-Strauss to explain the “new role” of labour activity in the system of life priorities of a significant part of working retirees is discussed. The difference in the organization of the semantic sphere of working retirees and pensioners, who have exhausted or almost absent the resources of independence, has been investigated. The world of working retirees, as shown in the article, is an independent sphere of life, and therefore it requires specific approaches to the organization of work of this group of able-bodied population. The article discusses these issues as well.

Keywords: work activity, retirement, cognitive-values approach, working retirees.

REFERENCES

- Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Beehr T.A., & Bennett M.M. (2015). Working after retirement: Features of bridge employment and research directions. *Work, Aging and Retirement*. No. 1: 112–128.
- Davison M.L. (1988) *Multidimensional Scaling*. Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Fasbender U., Deller J., Wang M., Wiernik B. M. (2014). Deciding whether to work after retirement: The role of psychological experience of aging. *Journal of Vocational Behavior*. No. 84: 215–224. DOI:10.1016/j.jvb.2014.01.006.
- Fasbender U., Wang M., Voltmer J.-B., Deller J. (2016) The Meaning of Work for Post-retirement Employment Decisions. *Work, Aging and Retirement*. Vol. 2. No. 1: 12–23. DOI: 0.1093/workar/wav015.
- Froidevaux A. (2018) A Life Design Perspective on the Work to Retirement Transition. In: by Cohen-Scali V., Rossier J., Nota L. (Eds) *New Perspectives on Career Counseling and Guidance in Europe: Building Careers in Changing and Diverse Societies*. Switzerland: Springer: 89–104.
- Heidegger M. (1993) *The Age of the World Picture*. In: Time and Being: articles and speeches. Moscow: Respublika: 41–63. (In Russ.)

- Hirschi A., Froidevaux A. (2019) Career counseling. In: Gunz H., Lazarova M., Mayrhofer W. (Eds.) *The Routledge Companion to Career Studies*. London: Routledge: 331–345. DOI: 10.4324/9781315674704.
- Hjaltadóttir I., Gustafsdóttir M. (2007) Quality of Life in Nursing Homes: Perception of Physically Frail Elderly Residents. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. No. 21: 48–55.
- Kaz M.S. (2003) *Dynamics of Economic Knowledge and Motivation to Work: Cognitive – Value Approach*. Tomsk: TGU. (In Russ.)
- Kaz M.S. (2005) Labor Motivation: Transformation of the Theoretical and Methodological Knowledge Structure and Cognitive and Value Approach. *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 12: 82–95. (In Russ.)
- Kaz M.S. (2009) Why in Economic Researches the Cognitive Approach is Necessary? *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 29–40. (In Russ.)
- Kaz M.S. (2011) Sign and Value in Models of Labour Activity: From History of Things to History of Ideas. *Voprosy Filosofii* [Philosophy Issues]. No. 4: 41–52. (In Russ.)
- Kozlova N.N. (1998) Vitality as a Socio-Philosophical Problem. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 2: 95–106. (In Russ.)
- Krippendorff K. (2013) *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. London: Sage Publications.
- Lektorskij V.A. (2008) Philosophy and Research of Cognitive Processes. In: *Cognitive Approach: Philosophy, Cognitive Science, Cognitive Disciplines*. Moscow: Kanon+: 5–19. (In Russ.)
- Lihachev D.S. Kontseptosfera of Russian language. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. Vol. 52. No. 1: 3–9. (In Russ.)
- Miller G.A. (1951). *Language and communication*. New York: McGraw-Hill.
- Mor-Barak M.E. (1995) The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor. *International Journal of Aging and Human Development*. No. 41: 325–344.
- Orlova U.L. (2015) Factors of Life Quality of Assisted Elderly People. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 103–110. (In Russ.)
- Ortega y Gasset J. (1997) *Selected Writings*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Steger M.F., Dik B.J., Duffy R.D. (2012) Measuring meaningful work: The work and meaning inventory. *Journal of Career Assessment*. No. 20: 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.
- Stepanov Yu. (2004) *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. (2010) Antecedents of older workers' motives for continuing to work. *Career Development International*. No. 15: 479–500. DOI: 10.1108/13620431011075349.
- Thomas S., Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol.1. Boston: Badger.
- Tolstova Yu.N. (2015) Mathematical Methods as Factors Linking Natural with Social and Humanitarian Sciences (Sociology). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 12–21. (In Russ.)
- Wang M., Shultz K.S. (2010) Employee retirement: A review and recommendations for future investigation. *Journal of Management*. No. 36: 172–206. DOI: 10.1177/0149206309347957.
- Znaniecki F. (1971) *Nauki o kulturze*. Warszawa: PWN.

Received: 08.02.21. Final version: 12.05.21. Accepted: 07.06.21.

И.Ю. КИСЕЛЕВ, Н.В. ОВЧИННИКОВА, А.Г. СМИРНОВА, МИНЬ Ю

ТРАЕКТОРИИ ЗАНЯТОСТИ ПРЕДПЕНСИОНЕРОВ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

КИСЕЛЕВ Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой (igkisselev@mail.ru); ОВЧИННИКОВА Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, доцент (nv.lyusina@yandex.ru); СМОРНОВА Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент (agsmirnova2001@mail.ru); МИНЬ Ю – аспирант (261747567@qq.com). Все – кафедра социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования траекторий занятости работников предпенсионного возраста (предпенсионеров) в условиях повышения пенсионного возраста. Полученные данные позволили сделать вывод, что эти работники реализуют пять траекторий в сфере занятости: активные изменения, поддержание статус-кво, вынужденные изменения, отказ от изменений. Отдельную группу составляют «неопределившиеся» – респонденты, у которых отсутствует стратегия адаптации к пенсионной реформе. Установлено, что 21% опрошенных реализуют траектории активных и вынужденных изменений, направленные на сохранение рабочего места, в том числе посредством участия в программах профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста. Вместе с тем большинство респондентов (58,5%) воспринимают повышение пенсионного возраста преимущественно с точки зрения потерь и выбирают траекторию отказа от изменений. Выявлены факторы, влияющие на выбор траектории занятости. Установлено, что готовность к активным изменениям демонстрируют респонденты, намеренные продолжить работу после наступления пенсионного возраста и информированные о деталях пенсионной реформы. Траектории занятости, предполагающие активные и вынужденные изменения, реализуют преимущественно предпенсионеры, относящиеся к категориям «руководители» и «специалисты», занятые в сферах медицины и социальных услуг, образования, профессиональной, научной и технической деятельности.

Ключевые слова: граждане предпенсионного возраста • повышение пенсионного возраста • траектории занятости

DOI: 10.31857/S013216250012149-6

Введение. Проблема повышения пенсионного возраста и осмысления социально-экономических и политических последствий подобной реформы актуальна для целого ряда стран [Domonkos, 2015; Hess, 2017]. С 1 января 2019 г. эти изменения коснулись и России. Для мужчин пенсионный возраст теперь наступает в 65 лет, для женщин – в 60 лет. Как следствие, россияне вынуждены адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям и учитывать целый ряд рисков, связанных с более поздним выходом на пенсию. Согласно опросу, проведенному Фондом «Общественное мнение» в 2018 г., россияне в связи с этим опасались утраты пенсионных накоплений по причине смерти до достижения пенсионного возраста (39%), трудностей в поиске работы (10%), снижения работоспособности (9%), ухудшения состояния здоровья (7%)¹.

В краткосрочной перспективе изменения затронули прежде всего граждан предпенсионного возраста. Согласно Федеральному закону № 350-ФЗ, предпенсионный возраст

Статья подготовлена в рамках Программы развития ЯрГУ на период 2017–2021 гг. Задание № ОП-2Г-14-2019 «Трудовые стратегии предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста».

¹ Повышение пенсионного возраста: реакция граждан. О решении повысить пенсии и его влиянии на отношение к властям. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14057> (дата обращения: 07.05.2021).

настает за пять лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию, в том числе назначаемую досрочно.

Рассматриваемая социальная общность занимает особое место на рынке труда. Уровень безработицы среди граждан предпенсионного возраста ниже по сравнению с другими возрастными группами. По данным Росстата, в 2019 г. количество безработных в предпенсионном возрасте (50–54 лет) составляло 8,8% от общего количества безработных; 55–69 лет – 6,8%; в раннем пенсионном возрасте 60–64 лет – 2,2% [Рабочая сила..., 2020: 114]. Однако, по мнению экспертов, за внешне благополучной статистикой – далеко не высокая востребованность граждан предпенсионного и раннего пенсионного возраста на рынке труда. Как подчеркивают М. Иванова, А. Балаев и Е. Гурвич, работники старше 50 лет зачастую из категории занятых сразу попадают в категорию «неактивных», минуя состояние безработицы [Иванова и др., 2017]. В результате для представителей этих возрастных групп характерна ситуация, когда они были бы готовы продолжить трудовую деятельность, но вынуждены уходить с рынка труда, так как не могут найти работу.

Трудности обусловлены тем, что работодатели не готовы трудоустраивать «возрастных» сотрудников. Так, согласно данным исследования, проведенного Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН в 2017 и 2018 гг., предпенсионеры составили заметную долю тех, кто обращается в службу занятости. При этом большинство обращений (56%) связано с невозможностью самостоятельно найти работу [Александрова, 2020: 108]. Кроме того, они легко теряют работу, являясь «первыми кандидатами на увольнение в случае сокращения штатов, реорганизации и ликвидации предприятия» [Александрова, 2020: 108–109].

Опасения, связанные с потерей работы, возрастают в периоды экономических кризисов. Результаты исследований Института социологии РАН показывают, что от последствий экономического кризиса 2014–2016 гг. в России больше всего пострадали представители средних и старших возрастов, в том числе предпенсионеры, которые столкнулись с так называемой застойной безработицей [Российское общество..., 2017: 373], ощутили ухудшение своего материального положения [там же: 63]. Кроме того, в группе респондентов 51–60 лет наблюдалась самая большая доля пессимистов, которые не уверены ни в своем будущем, ни в будущем страны (16%) [там же: 317].

Пандемия коронавирусной инфекции, последовавшая за ней экономический спад и безработица способствовали нарастанию тревожности среди представителей данной группы. По данным Фонда «Общественное мнение», полученным в рамках исследовательского проекта КоронаФОМ, чаще других беспокойство относительно возможной потери работы выражали работники старшей возрастной группы (46–60 лет), к числу которых принадлежат и предпенсионеры².

Статус предпенсионеров как «социально уязвимой группы» [Васильева, Николаенко, 2020: 148] обусловил необходимость разработки особых мер социальной поддержки, направленных на смягчение рисков, с которыми они сталкиваются на рынке труда в условиях пенсионной реформы. Разработан национальный проект «Старшее поколение» в рамках национального проекта «Демография». Содержание проекта предусматривает ряд мер по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста. Кроме того, предусмотрены мероприятия, позволяющие представителям старшего поколения реализовать накопленный профессиональный потенциал (например, чемпионат профессионального мастерства по стандартам WorldSkills для людей старше пятидесяти лет «Навыки мудрых», Всероссийский форум «Наставник»).

² Россияне – о своих трудовых перспективах в январе. Как изменились доли опасющихся потерять работу и трудовые доходы. 26 февраля 2021 г. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rossiyane-o-svoih-trudovyh-perspektivah-v-yanvare> (дата обращения: 07.05.2021).

В условиях субъективно оцениваемых возможностей и рисков гражданам предпенсионного возраста предстоит так спланировать свои траектории занятости³, чтобы дольше оставаться на рынке труда, в зависимости от года выхода на пенсию. Фактически им предстоит определить, предпочтут ли они работать после выхода на пенсию? Будут ли предпринимать какие-либо меры для сохранения работы? И какие? Настроены ли они на переобучение, освоение новых профессиональных компетенций или новой профессии? Готовы ли воспользоваться предоставляемым гражданам предпенсионного возраста правом пройти профессиональное обучение, в том числе в рамках программ содействия занятости?

В связи с этим социологическое исследование ставит целью описание траекторий занятости, которые выбируют граждане предпенсионного возраста в условиях адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям в связи с более поздним выходом на пенсию, и выявление факторов, от которых зависит выбор траекторий занятости.

Методика исследования. Для изучения траекторий занятости предпенсионеров в период с 1 ноября по 1 декабря 2019 г. сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова проведено социологическое исследование методом анкетирования, с применением квотной выборки с учетом пола и возраста респондентов. В исследовании приняли участие трудоспособные граждане предпенсионного возраста – жители Ярославской области. Опрошено 696 человек: 354 женщины в возрасте 50–55 лет и 342 мужчины в возрасте 55–60 лет⁴.

Большинство опрошенных (91,4%) имели работу, 8,6% на момент исследования не работали. У 46,1% есть высшее образование. Участники опроса заняты в основном в следующих сферах экономической деятельности: «торговля оптовая и розничная; ремонт транспортных средств и мотоциклов» – 15%; «образование» – 13,6%; «обрабатывающие производства» – 13,2%; «деятельность профессиональная, научная и техническая» – 12,2%; «деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги» – 11%; «транспортировка и хранение» – 9,2%; «деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» – 8,2%. Среди работающих большинство относится к категории специалистов (42,1%) и рабочих (33,1%). Руководители составляют 14,4% опрошенных; служащие – 9,2%; самозанятые – 0,7%; предприниматели – 0,5%.

Авторская анкета включала следующие смысловые блоки: вопросы *первого блока* направлены на выявление отношения к повышению пенсионного возраста, *второго* – на определение траекторий занятости; *третий* предполагал выявление осведомленности о правах и льготах для предпенсионеров, *четвертый* – информированности о мерах содействия занятости в рамках национального проекта «Демография».

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 25 посредством составления частотных распределений и таблиц сопряженности с применением критерия непараметрической статистики χ^2 Пирсона.

Траектории занятости граждан предпенсионного возраста. Для решения поставленных задач составлена классификация траекторий занятости предпенсионеров. Описав основания классификации.

Первое основание отражает готовность респондентов прилагать усилия для того, чтобы сохранить свое рабочее место на длительный срок⁵. *Второе основание* раскрывает перечень мер, которые предпринимают респонденты для сохранения рабочего места в условиях повышения пенсионного возраста. Так, дифференцированы установки,

³ Под траекторией занятости в исследовании понимается последовательность позиций (наличие работы/потеря работы, работа по профессии/смена профессии, работа на прежнем месте/смена места работа и т.д.), которые индивид занимает в профессиональной сфере, в условиях социально-экономических трансформаций, вызванных проведением пенсионной реформы.

⁴ Для расчета квот применялись данные Всероссийской переписи населения 2010 г. по Ярославской области.

⁵ Определялась на основе ответов на вопрос: «Делаете ли вы сейчас что-то для того, чтобы сохранить свое рабочее место на длительный срок и иметь преимущество перед другими кандидатами на ваше место?» (закрытый вопрос).

с одной стороны, на приобретение принципиально новых компетенций посредством получения еще одного образования или прохождения профессиональной переподготовки. С другой стороны, выделены меры, которые позволяют повысить уровень владения компетенциями в рамках существующей профессии посредством повышения квалификации, высокого качества исполнения своих обязанностей, карьерного роста⁶. Третье основание – участие респондентов в программах профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста⁷. Оно введено с целью избежать возможного смещения результатов, обусловленного тем, что для целого ряда профессий повышение квалификации является необходимым требованием. Респонденты могут ссылаться на повышение квалификации в рамках своей профессиональной деятельности (второе основание классификации) и при этом принять участие в программах профессионального обучения для предпенсионеров, рассматривая их как дополнительную возможность сохранить работу в условиях повышения пенсионного возраста.

Вопросы, позволяющие выявить установки на сохранение рабочего места и участие в программах профессионального обучения для предпенсионеров, были заранее включены в анкету. Ответы респондентов по перечисленным основаниям сопоставлены посредством метода логического прямоугольника (см.: [Татарова, 1999]). Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

«Логический прямоугольник» для определения траектории занятости граждан предпенсионного возраста

Траектория занятости	Готовность предпринимать меры для сохранения рабочего места	Меры для сохранения работы	Участие в программах профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста	%
«Активные изменения»	Да	Профессиональная переподготовка <i>и/или</i> Получение нового образования	Да	13,1
«Поддержание стаус-кво»	Да	Повышение квалификации, <i>и/или</i> посещение тренинговых программ, <i>и/или</i> карьерный рост, <i>и/или</i> готовность хорошо выполнять обязанности	Нет	17,1
«Неопределившиеся»	Да	Нет	Нет	3,4
«Отказ от изменений»	Нет	Нет	Нет	58,5
«Вынужденные изменения»	Нет	Нет	Да	7,9

⁶ Анализ ответов на полузакрытый вопрос: «Что именно вы делаете [чтобы сохранить свое рабочее место на длительный срок и иметь преимущество перед другими кандидатами на ваше место]?»

⁷ «Принимали ли вы участие в мероприятиях по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста?» (закрытый вопрос).

Остановимся на основных характеристиках траекторий. Работники, ориентированные на *активные изменения*, намерены прилагать усилия, чтобы сохранить свое рабочее место на длительный срок. По их мнению, сохранение рабочего места возможно благодаря профессиональной переподготовке или получению еще одного образования в дополнение к основному. Кроме того, они приняли участие в программах профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста. Участие в подобных программах зачастую имело инициативный характер. Так, 36,4% респондентов, выбравших траекторию активных изменений, прошли профессиональное обучение сами; еще 20,4% – по инициативе работодателя, однако сами выбрали программу.

Отметим, что 45,1% тех, кто реализует траекторию активных изменений, ожидали, что профессиональное обучение для предпенсионеров поможет им сохранить работу или найти новую в случае увольнения. В результате 22% подтвердили справедливость подобных ожиданий. Половина (50,6%) реализующих такую траекторию рассматривают возможность освоения роли наставника для молодых сотрудников организации или предприятия.

Участники исследования, выбравшие траекторию, направленную на *поддержание статуса-кво*, так же как и те, кто нацелены на активные изменения, намерены предпринять действия по сохранению рабочего места на длительный срок. Однако при этом они отдадут предпочтение мерам, позволяющим выполнять прежнюю работу на том же предприятии или в организации: повышать квалификацию, добросовестно исполнять свои обязанности. Эти респонденты не принимали участие в программах профессионального обучения для предпенсионеров, а если получали подобное предложение от работодателя, то отказались от него (9,7%). При этом 56%, придерживающихся этой траектории, могли бы рекомендовать себя в качестве наставников на своем предприятии или в организации. Таким образом, данная группа работников заинтересована в приобретении нового статуса в организации даже больше, чем сторонники активных изменений в своей занятости. Можем предположить, что наставничество позволяет им остаться работать на своем предприятии или в организации, реализовывать имеющиеся профессиональные компетенции в новом статусе.

Третью траекторию реализуют респонденты, которые не продемонстрировали намерения прилагать усилия для сохранения своего рабочего места на длительный срок. Соответственно они не совершали конкретных шагов в данном направлении. В то же время они приняли участие в программе профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста. Отметим, что большинство (56,6%) сделали это по инициативе работодателя. В связи с этим траектория подобных респондентов определена как «*вынужденные изменения*».

По ряду установок эта группа близка к тем, кто выбрал траекторию активных изменений, это касается и положительного отношения к возможности выступить в качестве наставников для молодых сотрудников организации или предприятия (54,5%). Есть и различия. Например, большинство реализующих траекторию вынужденных изменений (64,8%) не следят за ситуацией на рынке труда, востребованными профессиями. Можно сделать вывод о том, что эти работники скорее адаптируются под воздействием внешних обстоятельств, нежели испытывают внутреннюю потребность в изменениях.

Четвертая траектория определена как *отрицание изменений*: придерживающиеся ее работники не предпринимали действий для сохранения рабочего места. Так, они не принимали участие в программе профессионального обучения для граждан предпенсионного возраста. При этом 7,3% отказались от подобного предложения работодателя, в то время как остальные не получали его. Кроме того, эти работники не следят за тем, какие профессии востребованы на рынке труда (72,6%). Большинство из них не видят себя в качестве наставников для молодых сотрудников (56,1%). Очевидно, что разработанные государством меры по содействию занятости граждан предпенсионного возраста оказались не востребованными в данной группе занятых.

Пятая траектория характерна для тех, кто намерен предпринять усилия для сохранения своего рабочего места, однако не конкретизирует их. Мы можем описать таких

респондентов как «неопределившихся». Они не следят за тем, какие профессии наиболее востребованы на рынке труда (65,2%). Кроме того, 41,7% из них не хотели бы попробовать себя в качестве наставников для молодых сотрудников на предприятии или в организации.

Выявленные нами траектории объединены в две группы на основе установки респондентов на адаптацию к изменениям, связанным с повышением пенсионного возраста. В первую вошли те из них, которые направлены на сохранение рабочего места или поиск нового в условиях повышения возраста выхода на пенсию. В их числе траектории, предполагающие ориентацию на активные изменения, вынужденные изменения и сохранение статус-кво.

Вторая группа предполагает отказ от изменения трудового поведения, в том числе в рамках мер содействия занятости граждан предпенсионного возраста, которые предложены в рамках федерального проекта «Старшее поколение». Ее составляют большинство опрошенных (61,9%). Неготовность предпенсионеров существенно корректировать трудовое поведение с целью минимизировать риски потери работы подтверждается результатами и других исследований. Так, О.А. Александрова отмечает, что даже при обращении в службу занятости такие работники, имеющие 20-летний и 30-летний стаж работы, болезненнее, чем в среднем по выборке, относятся к предложению работать не по специальности и заметно чаще (на уровне 50%) не готовы переквалифицироваться в соответствии с предлагаемыми вакансиями [Александрова, 2020: 108].

Подобные установки могут быть объяснены с точки зрения особенностей трудовой мотивации предпенсионеров. Согласно результатам исследования М.В. Прохоровой и В.М. Прохорова, работники в возрасте старше 50 лет относятся к группе «завершающих карьеру». Их трудовую мотивацию отличают существенно выраженные мотивы материального вознаграждения и избегания неудач, стремление избегать критики и низкие показатели потребности в самореализации. При этом работники этой возрастной группы демонстрируют нацеленность на процесс работы, продвижение по службе [Прохорова, Прохоров, 2015: 62–63]. Отмеченные особенности позволяют сделать вывод, что предпенсионеры заинтересованы в сохранении работы. В то же время они предпочли бы избегать ситуаций, в которых возможны переживание неудач, критики. Именно подобные переживания могут возникнуть в условиях переобучения, освоения новых видов деятельности, поиска новой работы.

Таким образом, на этапе завершения карьеры предпенсионеры преимущественно придерживаются намерения «спокойно доработать» на прежнем рабочем месте. Вместе с тем траектории занятости, предполагающие изменения, реализуют 38,1% опрошенных. Объяснения, связанные с особенностями трудовой мотивации, должны быть дополнены анализом и других факторов, которые влияют на выбор траектории занятости гражданами предпенсионного возраста. Остановимся на рассмотрении некоторых из них.

Факторы выбора траекторий занятости гражданами предпенсионного возраста.

Существенную роль играет установка респондентов *продолжить работать* после наступления пенсионного возраста. Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df = 16)} = 49,829$; $p < 0,001$. Согласно полученным данным, 33,4% дают положительный ответ на вопрос, намерены ли они продолжить работать после наступления пенсионного возраста. Однако распределение ответов отличается у респондентов, реализующих разные траектории занятости. Чаще всего намерение продолжить работать выражают те, кто придерживается траектории вынужденных изменений (50,9%), активных изменений (47,3%) и поддержания статус-кво (42%). В свою очередь, только 21,7% неопределившихся и 26% тех, кто выбрал траекторию отрицания изменений, хотели бы продолжить работать после достижения пенсионного возраста. Таким образом, планирование более продолжительной карьеры обуславливает выбор траектории занятости, предполагающей адаптацию к изменениям, которые связаны с повышением пенсионного возраста, посредством профессионального обучения и участия в программе наставничества.

Выбор траектории занятости зависит также от *осведомленности* граждан о правах и льготах, которые предусмотрены законом о повышении пенсионного возраста (см. табл. 2).

Таблица 2

Информированность о мерах социальной поддержки граждан в условиях повышения пенсионного возраста (в % от ответивших, N = 696)

«Знаете ли вы, что...»	Траектории занятости	Варианты ответа			χ^2
		слышу впервые	что-то слышал	знаю	
гражданам предпенсионного возраста при потере работы выплачивается пособие на длительный срок	<i>Активные изменения</i>	38,9	28,9	32,2	$\chi^2_{(df=8)} = 32,807;$ $p < 0,001$
	<i>Поддержка статус-кво</i>	52,1	29,4	18,5	
	<i>Отрицание изменений</i>	53,3	31,9	14,8	
	<i>Вынужденные изменения</i>	25,5	45,5	29	
	<i>Неопределившиеся</i>	69,6	21,7	8,7	
гражданам предпенсионного возраста можно пройти переобучение за счет государства	<i>Активные изменения</i>	18,9	20	61,1	$\chi^2_{(df=8)} = 48,214;$ $p < 0,001$
	<i>Поддержка статус-кво</i>	26,3	34,7	39	
	<i>Отрицание изменений</i>	40	33,6	26,4	
	<i>Вынужденные изменения</i>	25,5	30,9	43,6	
	<i>Неопределившиеся</i>	45,8	29,2	25	
граждане предпенсионного возраста имеют право на освобождение от работы на два рабочих дня один раз в год для прохождения диспансеризации	<i>Активные изменения</i>	23,3	12,2	64,4	$\chi^2_{(df=8)} = 55,369;$ $p < 0,001$
	<i>Поддержка статус-кво</i>	33,6	29,4	37	
	<i>Отрицание изменений</i>	44,3	25,4	30,3	
	<i>Вынужденные изменения</i>	18,2	18,2	63,6	
	<i>Неопределившиеся</i>	37,5	25	37,5	

Так, респонденты, которые реализуют траектории активных и вынужденных изменений, знают о том, что им можно пройти обучение за счет государства. Кроме того, они информированы о возможности получить пособие на длительный срок в случае потери работы. Те же, кто отрицает изменения, как правило, хуже осведомлены о правах и льготах. Различия статистически значимы. Таким образом, выбор траекторий занятости, которые не предполагают изменений трудового поведения в условиях повышения пенсионного возраста, зависит от того, что респонденты плохо осведомлены о деталях реформы.

Разные группы работников (руководители, специалисты, служащие, рабочие) выбирают отличающиеся траектории занятости. Различия статистически значимы: $\chi^2_{(df=12)} = 31,827;$ $p = 0,001$. Во всех этих группах преобладает траектория занятости, предполагающая отрицание изменений. При этом реже всего этой траектории следуют руководители, чаще всего – рабочие. Напротив, траекторию активных изменений чаще других предпочитают руководители и реже – представители рабочих профессий. Последние не стремятся к приобретению дополнительных компетенций посредством участия в программах профессионального обучения для предпенсионеров. Однако если они и проходят обучение, то приобретают навыки, позволяющие претендовать на должности специалиста (навыки работы на компьютере, бухгалтерский учет, управленческая деятельность, педагогическая деятельность). В свою очередь, руководители осваивают программы в области управленческой деятельности, охраны труда, педагогики, работы на компьютере.

Траекторию вынужденных изменений чаще других реализуют специалисты (11,6%), при этом активные изменения предпринимают 16,6%, столько же – траекторию, связанную с поддержанием статус-кво. Если эта группа работников проходит профессиональное обучение для предпенсионеров, то выбираемые программы связаны с содержанием осуществляемой деятельности: социальная работа, медицинская деятельность, бухгалтерский учет, педагогическая деятельность. Но могут осваиваться и дополнительные компетенции в области работы на компьютере, управления, охраны труда. Можем предположить, что подобная траектория занятости позволяет сохранить прежнее место работы и профессию за счет карьерного роста и приобретения дополнительных навыков.

Выбор траекторий занятости разными категориями персонала отличается в зависимости от сферы экономической деятельности. Так, занятые на обрабатывающих производствах в основном придерживаются стратегии отрицания изменений (52,6%) либо стремятся поддержать статус-кво (19,7%). Меньшинство среди них составляют неопределившиеся (5,3%) и те, кто реализует стратегию вынужденных изменений (9,2%). При этом 13,2% следуют по пути активных изменений. Различия статистически значимые: $\chi^2_{(df=4)} = 52,4$; $p < 0,001$. Таким образом, предпенсионеры, занятые на обрабатывающих производствах, стремятся реализовать «осмотрительную» трудовую стратегию, исключаящую существенные изменения в области профессиональной деятельности. Кроме того, они чаще других (46,1%) готовы рекомендовать себя в качестве наставников для молодых сотрудников предприятий. Выбор подобной стратегии соответствует ситуации на рынке труда. По данным опроса «Авито. Работа», возрастные соискатели востребованы в отраслях тяжелой промышленности, часто занимают вакансии рабочих профессий⁸.

Не сталкиваясь с конкуренцией со стороны более молодых, предпенсионеры, занятые на обрабатывающих производствах, реализуют траектории занятости, которые не предполагают существенных изменений трудового поведения. Занятые в торговле также придерживаются траекторий занятости, основанных преимущественно на отрицании изменений (68,8%) и поддержании статус-кво (20,9%)⁹. Схожие установки разделяют и занятые в сфере транспортировки и хранения. Другое соотношение траекторий занятости наблюдается у занятых в сферах образования, здравоохранения и социальных услуг, профессиональной, научной и технической деятельности. Треть респондентов стремятся следовать траекториям, которые предполагают активные или вынужденные изменения. Чаще всего их выбирают работники здравоохранения и социальных услуг (40,5%). При этом они осваивают компетенции, связанные с основной профессиональной деятельностью (медициной и социальной работой), приобретают навыки работы на компьютере. Среди работников образования траектории, связанные с активными или вынужденными изменениями, реализуют 33,5% опрошенных. Посредством программ профессионального обучения для предпенсионеров они осваивают компетенции в области педагогической деятельности, социальной работы, управленческой деятельности, работы на компьютере, медицинской деятельности, охраны труда. Схожие установки в занятости выбирают предпенсионеры, работающие в сфере профессиональной¹⁰, научной и технической деятельности.

Более выраженная установка на приобретение дополнительных компетенций в отмеченных сферах деятельности объясняется в том числе и необходимостью сохранять рабочее место в ситуации конкуренции на рынке труда¹¹. Приобретение дополнительных компетенций может рассматриваться работниками в качестве конкурентного преимущества.

Выводы. Результаты исследования позволяют говорить о том, что граждане предпенсионного возраста, независимо от сферы занятости и принадлежности к социально-профессиональной группе, преимущественно реализуют траектории занятости, которые не предполагают адаптацию к изменениям, связанным с повышением пенсионного возраста. В то же время те из них, кто планирует работать после достижения пенсионного возраста,

⁸ Приведено по: На просторах России // ДемоскопWeekly 2019. № 831-832. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0831/rossia01.php#13> (дата обращения 24.06.2020).

⁹ Одно из объяснений связано с тем, что предпенсионеры занимают вакансии в сфере интернет-торговли. См. там же.

¹⁰ Профессиональная сфера – сфера экономической деятельности по классификатору видов экономической деятельности, куда входят юристы, бухгалтеры, инженеры и т.д.

¹¹ Так, на 1 января 2020 г. в Ярославской области для профессий, относящихся к рассматриваемым видам деятельности («экономисты», «юристконсульты, адвокаты, судьи», «социальные работники», «руководители различных предприятий и организаций», «бухгалтеры», «менеджеры»), количество предложений на рынке труда превышает количество открытых вакансий. См.: Спрос и предложение рабочей силы на рынке труда по группам должностей и профессий по состоянию на 1 января 2020 г. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dgszn/Pages/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%20%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5.aspx> (дата обращения 30.03.2021).

демонстрируют установку на адаптацию к изменениям, в том числе посредством освоения новых профессиональных компетенций. Более активной установкой на адаптацию к изменениям, связанным с повышением пенсионного возраста, может способствовать распространение информации о возможностях предпенсионеров в сложившейся ситуации как на уровне работодателей и служб занятости, так и на государственном уровне, пропаганда активной трудовой деятельности лиц предпенсионного возраста в СМИ.

Неотъемлемым элементом построения карьеры становится непрерывное освоение новых компетенций, в том числе посредством информационно-коммуникационных технологий, освоения онлайн-курсов. Важно понимать, какие профессии и соответствующие им компетенции востребованы в регионах и какие переобучающие программы позволяют их освоить. Результаты исследования позволили установить, что граждане предпенсионного возраста редко связывают возможность сохранения рабочего места или поиск нового с прохождением профессионального переобучения. У большинства есть образование и большой стаж работы в выбранной области профессиональной деятельности, и переобучение в качестве меры содействия занятости выглядит малоэффективным. Данное обстоятельство указывает в том числе и на то, что предлагаемые программы переобучения, их содержание не вполне соответствуют ситуации на рынке труда. Важно выстроить подобное соответствие и учесть при этом особенности занятости разных возрастных групп, а не только граждан предпенсионного возраста в контексте ситуации в регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О.А. Предпенсионеры: перспективы трудоустройства на столичном рынке труда // Архитектура финансов: форсаж-развитие экономики в условиях внешних шоков и внутренних противоречий. Сборник материалов X Юбилейной международной научно-практической конференции / Под ред. И.А. Максимцевой, Е.А. Горбашко, В.Г. Шубаевой. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 107–110.
- Васильева Е.Г., Николаенко Н.А. Кто такие предпенсионеры? К вопросу о социальном статусе группы // Logos et Praxis. 2020. Т. 19. № 1. С. 147–159.
- Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 22–39.
- Прохорова М.В., Прохоров В.М. Возрастная динамика внутренней и внешней мотивации трудовой деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Т. 8. № 3. С. 57–64.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. М.: Росстат, 2020.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.
- Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTABENE, 1999.
- Domonkos S. Promoting a Higher Retirement Age: A Prospect-theoretical Approach // International Journal of Social Welfare. 2015. Vol. 24. No. 2: 133–144.
- Hess M. Rising Preferred Retirement Age in Europe – Are Europe’s Future Pensioners Adapting to Pension System Reforms? // Journal of Aging & Social Policy. 2017. Vol. 29. No. 3: 245–261.

Статья поступила: 09.10.20. Финальная версия: 05.04.21. Принята к публикации: 24.05.21.

PRE-PENSIONERS' EMPLOYMENT TRAJECTORIES UNDER CONDITIONS OF RISING RETIREMENT AGE

KISELEV I.YU.*, OVCHINNIKOVA N.V.*, SMIRNOVA A.G.*, MIN YOU*

*Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Russia

Igor Yu. KISELEV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair (igkisselev@mail.ru); Natalia V. OVCHINNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (nv.lyusina@yandex.ru); Anna G. SMIRNOVA, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (agsmirnova2001@mail.ru); Min You, Graduate Student (261747567@qq.com). All – Chair of Sociology, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia.

Abstract. In the article the results of sociological survey, directed to description of pre-pensioners' employment trajectories in the situation of retirement age' increase, are under consideration. To reveal the employment trajectories the sociological survey was conducted in Yaroslavl region in November-December, 2019. The men and women of pre-retirement age were questioned (n = 696). To identify the employment trajectories by means of the method of logical rectangle the respondents' answers to the following questions were generalized: 1) are pre-pensioners ready to make efforts to keep their working place or find a new one; 2) what exactly they are ready to do in order to preserve their employment (to attend additional educational courses, professional retraining, to raise professional qualification); 3) did the respondents take part in the programs of professional retraining. It is established, that pre-pensioners follow five employment trajectories: active changes, support of status quo, the forced changes, refusal of changes. The separate category constitutes the so-called "undetermined pre-pensioners" who do not demonstrate the strategies of adaptation. It is revealed that 21% of pre-pensioners actualized the trajectories of active or forced changes to keep their further employment, including changes by means of participation in the programs of professional retraining, tutorship. At the same time, the majority of respondents (58,5%) are not inclined to adapt themselves to the changing socio-economic circumstances, dealing with the retirement age increase, and chose the trajectory of refusal from changes. The factors, which influence the choice of employment trajectory, are fixed: readiness to be employed after the retirement age, their awareness of rights and privileges for the citizens of pre-pension age. This is firm stated, that the willingness to active changes in the situation of retirement age' increase, is demonstrated by the respondents 1) who intend to keep employment after retirement; 2) who are knowledgeable about details of pension reform. The trajectories of employment, which presuppose active and forced changes, prefer to realize the pre-pensioners who belong to the categories "director" and "specialist" in the spheres of medicine, social services, education, professional, scientific and technical activities.

Keywords: pre-pensioners, citizens of pre-retirement age, increase of retirement age, employment trajectories, trajectory of active changes, support of status quo, trajectory of the forced changes, trajectory of refusal of changes, the undetermined trajectory.

REFERENCES

- Aleksandrova O.A. (2020) Employees of Pre-Retirement Age: Perspectives of Employment on the Labor Market of Russian Capital. In: Maksimceva I.A., Gorbashko E.A., Shubaeva V.G. (eds) *Architecture of Finances: Forcing Development of Economics in Conditions of External Shocks and Internal Contradictions*. Collected Articles of X Anniversary Theoretical and Practical Conference. St. Petersburg: SPbGEU. (In Russ.)
- Domonkos S. (2015) Promoting a Higher Retirement Age: A Prospect-theoretical Approach. *International Journal of Social Welfare*. Vol. 24. No. 2: 133–144.
- Russian Society and Challenges of Times. 5th book. (2017) Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Hess M. (2017) Rising Preferred Retirement Age in Europe – Are Europe's Future Pensioners Adapting to Pension System Reforms? *Journal of Aging & Social Policy*. Vol. 29. No. 3: 245–261.
- Ivanova M., Balaev A., Gurchik E. (2017) Implication of Higher Retirement Age for The Labor Market. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues]. No. 3: 22–39. (In Russ.)
- Labor Force, Employment and Unemployment in Russia (on Materials of Sampling Observation of Labor Force) (2020) Statistic Digest. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Prokhorova M.V., Prokhorov V.M. (2015). The Age Dynamic of Intrinsic and Extrinsic Work Motivation. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Psikhologiya"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"]. No. 8(3): 57–64. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (1999) *Methodology of Data Analysis in Sociology (Introduction)*. Moscow: Notabene. (In Russ.)
- Vasileva E.G., Nikolaenko N.A. (2020) Who are Pre-retirees? To the Question of the Social Status of the Group. *Logos et Praxis*. Vol. 19. No. 1: 147–159. (In Russ.)

Received: 09.10.20. Final version: 05.04.21. Accepted: 24.05.21.

С.Г. КЛИМОВА, И.А. КЛИМОВ

ОПЫТ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ НА УДАЛЕННУЮ РАБОТУ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

КЛИМОВА Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (sgklimova@mail.ru); КЛИМОВ Иван Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник того же института, доцент факультета социальных наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (iklimov@hse.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты изучения опыта экстренного перехода на удалённую работу российских организаций и предприятий весной 2020 г. Основная цель исследования – проанализировать, как локдаун изменил стратегии управления коллективами: как руководители определяли самые насущные задачи и какие технические возможности, организационные и коммуникативные приемы использовали для их решения. Перевод сотрудников на удаленную работу сопровождался снижением эффективности коллективного труда при увеличении объема рабочего времени; опасениями людей по поводу стабильности своей работы; трудностями делового взаимодействия. Тем компаниям, которые успели до локдауна создать IT-платформы и каналы коммуникации, удалось сравнительно быстро решить производственные задачи. Но проблемы мотивации, вовлеченности, доверия, взаимопонимания и др. не могли оперативно решаться. Кризис сравнительно успешно прошли те организации, которые уже имели в репертуаре своей корпоративной культуры эти навыки. Опыт преодоления трудностей локдауна показал, что эффективная работа вне офиса возможна, если используются управленческие решения, мотивирующие сотрудников на инициативу и кооперацию, на поиск оптимального баланса между контролем и доверием. Следствием стал запрос на корпоративную культуру, предполагающую горизонтальное взаимодействие, сочетание стабильности и изменчивости правил коммуникации, инструменты обратной связи.

Ключевые слова: локдаун • удаленная работа • IT-системы • рабочее время • деловые коммуникации • корпоративная культура • кооперация • мотивация • вовлеченность • доверие

DOI: 10.31857/S013216250014470-0

Актуальность темы. Экстренный массовый перевод на удаленную работу весной 2020 г. привел к серьезным изменениям в деятельности компаний и в представлениях работников о таких понятиях, как офис, рабочее место, рабочий день, трудовой коллектив. Масштабы и характер изменений показывают данные ВЦИОМ. На май 2020 г. не изменили режим своей работы 40% российских работников. К июню вернулись на свои рабочие места еще 9%. Продолжали работать на своем обычном рабочем месте 49% бюджетников и почти столько же (53%) работников коммерческой сферы. Весной 2020 г. остались на своих рабочих местах примерно три четверти квалифицированных и неквалифицированных рабочих и треть специалистов с высшим образованием как в коммерческом секторе, так и в бюджетных организациях¹.

В мае 2020 г. увеличилось число работников, отправленных в неоплачиваемые отпуска; участились случаи перевода работников на сокращенный рабочий день, неполную

¹ Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Труд и занятость» (№ 1). 2020. С. 56. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

рабочую неделю по инициативе администрации². Соответственно, снизились заработки. По данным интернет-опроса, проведенного В. Гимпельсоном и Р. Капелюшниковым, о снижении зарплаты в мае 2020 г. говорили 40% работников³. Вместе с тем в критической ситуации некоторые проблемы занятости были в большей или меньшей степени сглажены, компенсированы совместными усилиями работников и руководителей. Данные ВЦИОМ показывают, что общая проблема пандемии заставила всех мобилизоваться, решить даже те проблемы трудовых отношений и организации труда, которые прежде не решались или решались не в полной мере. Дезорганизация весной 2020 г. оказалась кратковременной. Трудовая ситуация к лету по некоторым параметрам либо вошла в доковидную норму, либо даже несколько улучшилась. В частности, не увеличилась доля упоминаний задержек заработной платы; работники реже стали упоминать угрозу массовых сокращений, конфликты с администрацией и другими работниками⁴.

Ситуацию весны 2020 г. зафиксировало исследование, проведенное с 3 апреля по 20 мая 2020 г. методом онлайн-интервью о том, какие проблемы пришлось решать руководителям, чтобы сохранить дееспособность своих компаний⁵. Фокусированное полуструктурированное интервью включало обсуждение пяти тем: 1) Что предпринимали респонденты в связи с переходом на удаленную работу. 2) Какие возникли барьеры и сложности в этом процессе. 3) Как оценивают руководители стратегию цифровизации бизнес-процессов компании. 4) Как сотрудники компании справляются с адаптацией к новым условиям. 5) Как руководители видят будущее компании и какую стратегию занятости выбирают в условиях пандемии. Интервью продолжались от 30 минут до 1,5 часа. Наше исследование было нацелено на то, чтобы понять: а) как руководители меняли бизнес-процессы своей компании, чтобы минимизировать экономические и социальные последствия локдауна весной 2020 г.; б) какую стратегию в организации труда и в трудовых отношениях они выбирали; в) какие управленческие уроки извлекались из опыта экстренного перехода на удаленную работу. Среди задач исследования были вопросы об организации взаимодействия и коммуникации в трудовых коллективах, перешедших на удаленную работу; о трудностях и их преодолении; о способах компенсации потерь; о том, какие свойства корпоративной культуры оказались наиболее востребованы в ситуации удаленной работы.

На наш взгляд, актуальность этих вопросов не исчерпывается ситуацией локдауна не только потому, что удаленная работа распространяется на все большее число рабочих мест вне чрезвычайных ситуаций, но и потому, что этот кризис проявил проблемы в трудовых отношениях, которые существовали прежде, но не были столь явными.

Проблемы, вызванные удаленкой. Основная проблема была связана с вопросом о принципиальной возможности сохранить трудовой коллектив и бизнес в целом. Периодические потрясения на мировых рынках и в отечественной экономике сформировали

² Там же, с. 69.

³ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Рынок труда под натиском коронавируса. Центр трудовых исследований ВШЭ, 2020. С.1. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения 12.02.2021).

⁴ Расширенная подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску «Труд и занятость» (№1). 2020. С. 58. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rashirennaya_podborka_dannyh_wciom.pdf (дата обращения: 12.02.2021).

⁵ Исследование проведено при поддержке Ward Howell Talent Equity Institute (И. Климов). В исследовании приняли участие руководители 114 компаний, относящихся к крупному (34) и среднему (80) бизнесу. К числу региональных можно отнести 47 компаний и еще 8 – российские представительства международных корпораций. Наши собеседники представляли следующие отрасли (в скобках число компаний): ритейл (16), IT и телеком (12), промышленное производство (8), фармацевтика (6), сфера услуг и развлечений (8), нефть и газ (5), финансовый сектор (6), пищевая промышленность (4), а также девелопмент и строительство, транспорт и логистика, сельскохозяйственное производство, медиа, образование и др. Кроме того, удалось обсудить ситуацию с представителями трех государственных организаций – общефедеральной структуры и региональной администрации.

у руководителей компаний набор представлений о репертуаре возможных действий в кризис: 1) сохранить весь коллектив или наиболее ценных сотрудников, несмотря на материальные трудности. «Мы не сокращаем ни одного человека, хотим сохранить команду для работы после карантина. Лучшим тренерам делаем продвижение в сетях, чтобы могли найти клиентов для занятий онлайн. Заработанные деньги они оставляют себе» (1)⁶. 2) Уволить/отправить в неоплачиваемый отпуск. «Мы хотели замерить KPI, нужно ли иметь такое большое число сотрудников. Ковид вынудил» (2). 3) Сделать удаленку постоянной, попутно сократив число работников. «Мы заинтересованы больше использовать удаленку для офисной работы и экономить до 15%. Этой экономии интересно достичь» (3).

Решение по максимуму сохранить коллектив при допустимости вынужденного сокращения зарплаты большинство опрошенных руководителей считает оптимальным. О том, что это решение типичное, апробированное предыдущими кризисными ситуациями, говорят и эксперты, опрошенные Фондом «Общественное мнение». Сокращение рабочих мест, увольнения считаются более радикальными и менее приемлемыми решениями [Социология пандемии, 2021: 192, 256].

Базовым условием для сохранения трудового коллектива или по крайней мере его ядра в условиях локдауна было наличие информационных платформ. «Все топы очень довольны IT, это был даже сюрприз, насколько все сработало. Но сейчас надо решать про производство. Решаем со спальными местами на работе, если люди не смогут уходить, и рабочая столовая» (4). Соответственно, те компании, которые не имели готовых IT-систем, были вынуждены уволить сотрудников и закрыться. «Платформы нет, и ничего не было готово под такой поворот событий. Ключевых сотрудников перевести на удаленку не получилось. Очную часть переговоров заменить удаленкой не удалось и не удастся. Всем предложили уволиться, чтоб получать пособие по безработице» (5).

Вместе с тем опыт экстренного перевода многих работников на удаленку показал, что только работоспособности IT-систем недостаточно. Важны и другие компоненты: перестроенные бизнес-процессы, набор вспомогательных сервисов, система индикаторов операционной деятельности, внутренняя нормативная документация, контроль и безопасность. Те организации, которые еще раньше создали инструменты для организации распределенной работы, дистанционной выработки и принятия решений, согласования документов, контроля и оценки эффективности работы, безопасности, не ощутили больших проблем от перехода на удаленку. Но работающие технические и технологические системы не решили всех проблем эффективного труда в условиях удаленной работы.

Как свидетельствуют материалы интервью, работа на удаленке оказалась для руководителей организаций «стрессовым полевым экспериментом», показавшим жизнеспособность правил и управленческих практик, определяющих порядок взаимодействия между сотрудниками. «Работаем в военном режиме, и это вскрывает все наши болячки и недоработки и создает новые» (6).

В компаниях резко выросло число задач по управлению персоналом. Нужно было прорабатывать и быстро реализовывать самые разные решения: удержать на работе во что бы то ни стало одних работников, сократить – других; организовать самоизоляцию для групп риска; обеспечить соблюдение гигиенических требований для тех, кто остается работать на предприятии, стройке, в магазине, и пр.; изменить зарплатные схемы и многое другое.

Руководители признавали, что на удаленке эффективность работы снижается, но не всегда были готовы сформулировать причину и, соответственно, решение этой проблемы. Те, кто такие формулировки находил, говорили о старых проблемах, актуализированных экстраординарной ситуацией. «Удаленно самоорганизация не происходит. Нельзя офлайн-новые приемы просто перенести на онлайн. Что-то перестает работать. Причина – очевидные коммуникативные провалы, слабый контроль и вовлеченность людей» (7).

⁶ В скобках указан номер в списке авторов цитируемых высказываний (см. приложение к статье).

На основании материалов интервью мы выделили три основные проблемные зоны и, соответственно, три базовых условия успешной удаленной работы. 1) *Организационная*: четкая схема взаимодействий, деловых коммуникаций, соответствующая технологии производственного процесса. 2) *Управленческая*: навыки работы в «гибкой» команде, «тиминговые» компетенции, стимулирование и контроль. 3) *Социально-психологическая*: особенности корпоративной культуры: механизмы мотивации, вовлеченности, доверия, поддержки эффективности.

Организация взаимодействий и деловых коммуникаций. Взаимодействие между сотрудниками; согласование усилий работников на производстве (в офисе) и тех, кто ушел на удаленку, – темы, которые руководители упоминали прежде всего, когда рассказывали о своих управленческих усилиях в начальный период локдауна. «...Вечером – “в газете”, а утром мы уже должны все отработать! HR-ы вообще оказались одним из ключевых инструментов в кризис. Они должны знать и понимать бизнес, видеть социальную ситуацию внутри компании, удерживать контакт с сотрудниками. Соединять понимание бизнес-процессов и текущей экономической ситуации в кризисе. Группы риска отправляем в изоляцию, обеспечиваем продуктами, а тех, кто работает, надо и защищать, и температуру мерить. Мы нанимаем людей, и нужно быстро учить их и смотреть, как они адаптируются. И постоянно надо понимать, что тревожит людей, страхи и перегруз у всех» (8).

Это высказывание означает, что организация распределенной работы – не только конвейер функций. Большинство современных производств – это в первую очередь деловые коммуникации – обмен информацией, совещания, переговоры. Обычные управленческие задачи на удаленке актуализировались, стали настоятельно необходимыми из-за того, что возникли «провалы» в коммуникациях. Например: контекст сообщения понимается неполно или неправильно; смыслы реинтерпретируются; сообщения запаздывают или приходят не по адресу; значимость того или иного элемента деловой ситуации подвергается субъективным интерпретациям и пр⁷. Даже в тех компаниях, которые осознавали, что эти проблемы обостряются, не удалось избежать *коммуникативных провалов*. Их причины в ситуации онлайн-общения – объективные трудности и отсутствие специфических навыков, которые в одночасье не могли приобрести участники онлайн-обсуждений. Объективные трудности возникают из-за недостатка важных элементов фонового знания о производственной ситуации, плохих условий для работы дома. Специфические проблемы, возникающие в ситуации онлайн-коммуникаций, это отсутствие коммуникативных навыков формулирования коротких и ясных сообщений; неадекватное или неполное понимание партнера; неправильное приписывание смыслов высказываний и пр. [Широких, 2016: 89–90]. В ситуации личного общения эти проблемы во многом компенсируются за счет фоновых знаний, почерпнутых из многообразных и часто неформальных источников; использования невербальных средств общения; менее жесткой временной и нормативной регламентации деловых обсуждений.

Руководители в интервью отмечали лишь наиболее острые проблемы онлайн-общения. Это, во-первых, трудности, вызванные отсутствием условий для работы из дома. Руководители с очевидностью гордились своей готовностью создать такие условия. «<IT-компания> дала сотрудникам дней десять на то, чтобы организовать рабочую обстановку дома. Ведь ясно, что там и быт, и дети, и готовка, и прочее. Людям нужно научиться друг с другом выживать в замкнутом пространстве, отладить режим. Стресс, страх, выгорание хуже, чем простой» (9). Вслед за работниками менеджеры перемещали домой их рабочие места. «Привезли, где бы ты ни находился, твоё рабочее место. Даже стулья – у многих дома нет, а спина – считай, что рабочий инструмент» (10).

Во-вторых, провалы в коммуникациях возникали из-за проблем временной синхронизации действий. «Основные трудности – организация синхронизации между подразделениями и внутри подразделений. <Этот> вопрос решали организацией операционного

⁷ О процессах кодирования и декодирования сообщений в коммуникациях см.: [Hall, 2001].

ритма встреч: ввели ежедневные планерки-чекапы» (11). В-третьих, руководители оказались перегруженными, поэтому меньше времени стали уделять взаимодействию с подчиненными. Из-за этого резко снизились качество и эффективность деловых коммуникаций. *«Производство и логистика перегружены. Трудности, которые считаю очень серьезными, – overloading руководства. Стоит больших усилий поддерживать коммуникацию внутри, и все равно – недостаточно»* (12).

Причины коммуникативных провалов не исчерпываются упомянутыми в беседах. Очевидно, что тема деловых коммуникаций в условиях удаленной работы требует рефлексий и выработки особых процедур и навыков в предположении, что эта практика станет массовой.

Технология деловых коммуникаций – наиболее очевидная, но не единственная проблема организации коллективной работы на удаленке. Из материалов интервью следует, что актуальным оказался широкий круг вопросов, связанных с корпоративной культурой. Темы, казавшиеся прежде второстепенными в номенклатуре управленческих компетенций, оказались требующими операционализации и немедленного решения. Вопрос о том, какие именно аспекты корпоративной культуры стали востребованными в ситуации удаленной работы, интересен, потому что показывает не только ситуативную, но и устойчивую значимость упомянутых элементов. Как видно из материалов интервью, актуализированными оказались, прежде всего, представления о должном (приемлемом, желательном) поведении в иерархическом и горизонтальном деловом взаимодействии. Трудности стали возникать из-за отсутствия или неопределенности важных элементов корпоративной культуры: норм, взаимных ожиданий, повседневных практик, воплощенных в навыках командной (коллективной) работы; лидерских компетенциях, доверии и вовлеченности. Отметим те навыки, которые чаще других упоминались в интервью.

Умения работать в «гибкой» команде, «тиминговые» компетенции, лидерство.

IT-компании не теряли времени на то, чтобы «расширить» пропускные возможности платформ и каналов коммуникации. Естественно, что они оказались и способными это сделать *«практически мгновенно»*: *«Утром следующего дня не работало, а к обеду все смогли работать»* (13). Достаточно быстро они сформулировали задачи мобилизации навыков командной работы (так называемые тиминговые компетенции), существовавшие прежде в фоновом режиме⁸. *«Мы довольно быстро сообразили, что нам обязательно нужен Team-feedback. Это не просто миграция проектов на удаленку, но и рост нагрузки, и это накладывается на множество других проблем, переплетаются семья, личные и рабочие <проблемы>. Поэтому задействуем разные способы – от разговоров с “тимлидами”, шутильных опросов и до неформальных онлайн-посиделок раз в неделю по вечерам, подключаем психологическую поддержку»* (10).

Так быстро и удачно перестроиться на удаленке, похоже, удалось далеко не всем. Некоторые наши собеседники (6 компаний – IT, телеком, e-commerce, образование, сервисы доставки) признавали, что при организации удаленной работы эффективность как отдельных сотрудников, так и компании в целом заметно снижалась, а рабочие нагрузки неоправданно росли. Судя по интервью, сложности вызваны, наряду с технологическими обстоятельствами, дефектами в организации коллективного труда на удаленке: несформированной культурой работы в распределенных командах⁹; неготовностью сотрудников и руководителей взаимодействовать исключительно онлайн.

На удаленке снизилось число коротких, неформальных встреч и разговоров между сотрудниками, поэтому возникло ощущение оторванности от того, что происходит в компании. *«Подвисли»* ритуалы совместной работы в офисе – планерки, постановка задач,

⁸ Понятие «teaming» предложила Эми Эдмонсон как обозначение групповой работы, коллаборации, нацеленной на решение совершенно определенной задачи, достижение конкретного результата и не предполагающей избыточного погружения в «тим-билдинг» [Edmondson, 2012].

⁹ Распределенная команда – группа сотрудников, физически находящихся в разных местах, работающих над общей задачей в рамках единого бизнес-процесса.

координация проектной работы. «Оказалось, что онлайн не может полноценно заменить множество функций офлайн-овых ритуалов – объединяющих, вовлекающих и мотивирующих. И для топ-менеджмента они важны не меньше, чем для <рядовых> сотрудников» (14).

Руководители, которые продемонстрировали готовность к полноценному лидерству, быстро мобилизовали свои компетенции. Инструменты для организации распределенной работы, выработки и принятия решений, согласования документов, контроля и оценки эффективности дополнялись набором разнообразных практик, основанных на soft-skills¹⁰. И это сочетание готовности руководителей к принятию на себя ответственности и одновременному делегированию инициативы сильно помогло поддерживать сотрудников, сохранять «позитивный настрой и командность» (атмосферу сотрудничества). В этой части компании оказались довольно изобретательными: вводили опросы как инструмент обратной связи; вечерние *small-talks* в разном составе; инициировали неформальное горизонтальное общение и знакомства; запускали «челленджи» (в данном случае – инициатива-вызов для решения какой-либо задачи); анализировали уровень переработок сотрудников и помогали индивидуально выстроить приемлемый «*life-work balance*». «В столовой была практика подходить, знакомиться и общаться за обедом. В онлайн-е тоже организован “coffee talk” – заполняешь сперва небольшую анкету, затем во время твоего перерыва тебе рандомно предлагают компанию для поболтать» (10) (крупная IT-компания).

Как особую компетенцию, связанную с организацией командной работы и востребованную ситуацией удаленки, руководители упоминали темы, связанные с доверием и вовлеченностью. Чаще других собеседники называли два барьера: доминирование «вертикальных» отношений в коллективах – в ущерб горизонтальным – и стремление ко все более сильному контролю за действиями сотрудников. Вместе это подрывает основания доверия между сотрудниками и руководителями, рождает ощущение неконтролируемого развития ситуации, деформацию взаимных ожиданий. Как следствие – вовлеченность сотрудников оказывается слабее, чем было бы нужно в условиях объективной невозможности усиления контроля.

О необходимости формирования атмосферы доверия для успеха удаленной работы шла речь практически во всех интервью: «Доверие – очень важный фактор, доверие – основа эффективной команды. Это большая дополнительная нагрузка на тимлидеров. От них зависит ощущение коллаборации, общей работы и поддержки» (15). Тема доверия рассматривалась респондентами как альтернативная управленческая задача относительно контроля. Но какие деловые задачи и управленческие проблемы имели в виду руководители, когда говорили о доверии, было не очевидно. Социологические концепции анализируют тему доверия с точки зрения идеи о базовой потребности людей в долгосрочных отношениях, основанных на общепризнанных ценностях, позволяющих предсказывать развитие событий в совместных действиях [Селигмен, 2002: 8]. Помимо ценностной составляющей, в теме доверия присутствует и когнитивная компонента. Об этом упоминал А. Шюц, описывая механизмы возникновения общих смыслов в межличностном взаимодействии. Он утверждал: «Любые формы социальных взаимодействий основаны на ранее описанных конструктах, относящихся к пониманию другого и образцов действий вообще» [Шюц, 2004: 24]. Знания, касающиеся орудий труда, процедур, социальных институтов, обычаев, символических систем, предполагает похожие знания у других людей и определяет поведение. Соответственно, «задачей философической социологии является изучение модификаций, которым подвергаются общие или схожие системы релевантностей» [Шюц, 2008: 87]. Третий компонент темы доверия – эмотивный. Ж.Т. Тощенко обращает внимание на то, что результатом взаимодействия является не только совместное понимание смыслов событий и действий, но и совместное переживание:

¹⁰ Soft-skills – «гибкие навыки». Навыки, относящиеся не к базовым профессиональным знаниям и опыту, а к умению организовывать командную работу, вести переговоры и договариваться с коллегами, креативность, способность учиться и адаптироваться к изменениям.

чувственные и эмоциональные оценки общественных процессов и природных явлений [Тощенко, 2016: 8]. Э. Гидденс ввел еще два различия в теме доверия: доверие к институционализированным личностным связям и «доверие к абстрактным системам» [Giddens, 1990: 114, 119–120].

Наши респонденты, говоря о проблемах доверия в контексте удаленки, чаще имели в виду доверие к институционализированным личностным связям. В интервью отмечены отношения, основанные на доверии между руководителями разных компаний, и отношения между сотрудниками, руководителями и подчиненным в рамках компании. Основанные на доверии взаимодействия между разными компаниями получили быстрое и широкое распространение и оказались эффективными. Более того, эти взаимодействия стали прологом для формирования профессиональных сообществ. Неформальная помощь в экстренной ситуации приобрела в ряде случаев статус устойчивой практики, основанной на формализованных договоренностях. Об этом говорят и наши информанты, и респонденты Фонда «Общественное мнение» [Социология пандемии, 2021: 203–205]. Практики сотрудничества между компаниями, основанные на «джентльменских соглашениях», включают сотрудничество между компаниями по взаимно дополняющим функциям, востребованным в ситуации пандемии; обмен персоналом; создание профессиональных сообществ для совместных проектов; межрегиональную кооперацию профессионалов; солидарные действия в защиту общих интересов.

Судя по материалам интервью, внутри компаний, между работниками и руководством отношения сотрудничества, основанные на доверии, складываются не так гладко. Наши собеседники описывали ситуации в своих компаниях и говорили о множестве признаков, свидетельствующих о «культурных конфликтах», о «недостаточной зрелости» сотрудников, их низкой самостоятельности, ответственности, низкой инициативности. С другой стороны, в интервью обнаружилось много свидетельств того, что и управленческие практики не проходят испытания удаленной работой, осложненной эпидемией и самоизоляцией. *«Линейные менеджеры начали “закручивать гайки”, включать тотальный контроль и слежку, поэтому приходится обучать их обратной связи и управлению эффективностью подчиненных. Мы раньше этого так остро не осознавали»* (16).

Как показывают материалы интервью, доверие в рамках компании, в первичных трудовых коллективах (командах) подрывалось, прежде всего, сомнениями руководителей относительно дисциплинированности сотрудников. *«Тех. платформа – все хорошо, дистанционно все отлично. Но руководство не готово, есть ощущение, что сложно контролировать сотрудников»* (17).

Мы не знаем, насколько обоснованными были эти сомнения. Возможно, основания находились в прежних фактах нарушений трудовой дисциплины, а возможно проблема была в ограниченности репертуара компетенций руководителей, в частности в отсутствии других, кроме контроля, навыков управления коллективами. Поскольку нашими респондентами были первые руководители компаний, они подчас вменяли в обязанность линейным менеджерам доверять подчиненным. *«Не все сотрудники были готовы самоорганизоваться, и низка дисциплинированность – от этого тревожность, снижение настроения и эффективности. Мы увидели неготовность линейных менеджеров доверять своим сотрудниками, идет перекокс в сторону гиперконтроля»* (16).

Соотношение функций контроля и мотивации, основанной на доверии, – это один из «вечных» вопросов эффективного управления персоналом. Один из наших собеседников довольно емко сформулировал двойственность стоящей задачи: *«Надо иметь большую дисциплину и научиться доверять сотрудникам. Нужен хороший микс, который сохранит динамику команды и синергию»* (2). На наш взгляд, именно в этом и состоит основной вызов сегодняшнего кризиса: нужно пересмотреть основания доверия и инструменты, которыми оно достигается.

Спешный переход на удаленку показал всю актуальность этой дилеммы, но в материалах интервью мы не увидели примеров решения. Похоже, руководители не были готовы

их предъявить. Их образование, жизненный и профессиональный опыт, мода на постфордистскую идеологию персональной конкуренции как альтернативу архаичному советскому коллективизму – все это не давало знаний о том, как доверять сотрудникам и при этом добиваться эффективности. *«Дискуссия о контроле сотрудников пошла по новой. Как обеспечить не просто удобное цифровое рабочее место, а как общаться, как оставаться в процессах компании. Руководство всегда выступало за контроль. Сейчас коронавирус создал уникальную ситуацию. Сотрудники толерантны к экспериментам и открыты к коллаборациям»* (6).

Материалы интервью позволяют предположить, что переход от концепции безличной функциональности к «человеческим отношениям», основанным на сотрудничестве и доверии, не вызывают подозрений в манипуляциях и, вероятно, соответствуют ожиданиям работников. Оказалось, что внимание к сотрудникам, их мнениям и оценкам дает мультиплицированный эффект – и для бизнес-результатов, и для настроения людей, и приносит личное удовлетворение руководителю. *«Каждую неделю я провожу телеконференцию со всей компанией и чувствую, сколько она дает сотрудникам и мне самому. Спрашивается – почему я не делал этого до удаленки?»* (17).

Осмысление кризисного опыта и перспективы онлайн-работы. Анализ срочного и массового перехода на работу в онлайн-режиме весной 2020 г. показал, что удаленная работа вполне может быть регулярным элементом трудовых отношений. Если прежде это казалось трудно реализуемой и очень далекой задачей, то спустя год удаленка (со своими плюсами и минусами) стала фактом корпоративной жизни. «Пространство возможного» очень сильно расширилось. И первоначальный, и последующий опыт жизни и работы в условиях карантинных ограничений позволяет сформулировать несколько выводов и обобщений.

1. Опыт удаленки, вызванный чрезвычайной ситуацией пандемии, показал, что эта практика возможна для многих видов трудовой деятельности. Одновременно удаленка оказалась не вполне «благом», поскольку сопряжена со стрессом, вызванным опасениями в отношении стабильности своей должности и статусных перспектив; сложностями деловых взаимодействий; сочетанием работы и домашних дел, беспокойством о своем физическом здоровье и материальном благополучии. Потенциал удаленной работы может быть реализован в том случае, если опасения и негативный опыт как руководителей, так и сотрудников будут преобразованы в позитивные и взаимоприемлемые решения, а представления об «экстраординарности» уступят место техничным алгоритмам эффективной работы вне офиса.

2. Удаленка стала катализатором новых запросов к работе и трудовым отношениям. В частности, актуализировались ценности, связанные с неформальными коллективистскими отношениями на работе (*team-feedback*), которые прежде выглядели не слишком обязательной, а то и архаичной управленческой задачей, противоречащей «современному» принципу персональной конкуренции (например, рейтинги или другие символические знаки статуса). Эти запросы могут быть ситуативными, мобилизуемыми в случае потрясений (например, решение по максимуму сохранить коллектив при допустимости вынужденного сокращения зарплат), но также и долговременными, ориентированными на кооперацию, сотрудничество, горизонтальное взаимодействие при решении сложных производственных задач (например, групповая работа над автономными проектами). Особенно актуальна эта задача для компаний, занятых развитием бизнеса или инновационной деятельностью.

3. Опыт удаленки стимулировал опасения многих работников относительно угроз нестабильной занятости. Эти опасения во многом снял Закон № 407-ФЗ, который вступил в силу с 1 января 2021 г.¹¹ Поправки в ТК уравнили понятия «дистанционная» и «удаленная» работа. Были закреплены три формы удаленной работы: постоянная, оговоренная

¹¹ Закон № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». URL: <https://rg.ru/2020/12/11/udalenska-dok.html> (дата обращения: 12.02.2021).

условиями найма; временная (вынужденный перевод на удаленку по инициативе администрации в случае природной или техногенной аварии или эпидемии); периодическая, если сотрудник проводит рабочее время и в офисе, и за его пределами (ст. 312 ТК).

4. Несмотря на то что руководители зачастую говорили о необходимости поиска баланса между контролем и доверием, эта идея не стала доминирующей. Руководители опасаются утратить возможность эффективно управлять сотрудниками и обдумывают более или менее масштабные системы цифрового контроля. По косвенным данным можно заключить, что и сотрудники зачастую утрачивают адекватное представление о намерениях руководителей, их мотивации и видении текущей ситуации, а также о положении компании в целом. Похоже, что кризис обостряет конфликт между различными доминантами корпоративной культуры. Это не только *стабильность vs изменчивость*, но также и *иерархия vs гибкость*; *конкуренция vs сотрудничество*, *контроль vs ответственность*. Мы можем говорить о том, что во многих российских компаниях масштабный эксперимент с формами удаленной работы побудит переосмыслить и переустановить «основания доверия», на которых строилось взаимодействие между сотрудниками и руководителями. В ближайшем будущем мы увидим, что соотношение между практиками контроля и практиками инициативы и самоорганизации сотрудников будет переосмысляться и переопределяться. Такое переопределение не связано напрямую с ситуацией удаленки, хотя и стимулировано ею. Массовый переход работников на удаленную работу сформулировал задачу поиска баланса между офлайн- и онлайн-инструментами управления. Окрепла уверенность в необходимости особых управленческих компетенций для организации коллективной работы и поддержания ценностно-нормативного каркаса эффективных команд: мотивации, вовлеченности, доверия, стимулирования инициативы и развития горизонтальных связей.

5. Практические задачи информационного обмена в ситуации коллективной работы могут решаться на базе современных социологических концепций. В частности, М. Кастельс показал, что в сетевых сообществах власть как организующий принцип не исчезает. Существенным образом меняется ее природа. Атрибуты и символы статуса и иерархии (кабинет, костюм, машина) становятся все менее наглядными, зримыми и действенными. Эффективность уходит к лидерству, горизонтальному взаимодействию, сочетанию стабильности и изменчивости правил коммуникации, инструментам обратной связи [Castells, 2011]. Эти наблюдения применимы для описания связи доминант корпоративной культуры и эффективности работы распределенных команд на удаленке. Корпоративная культура оказывается либо барьером, либо хорошим ресурсом для раскрытия потенциала распределенной и удаленной работы. Эффективная удаленная работа «плохо себя чувствует», как выразился один из наших собеседников, в системе жестких иерархических отношений. Она требует иных принципов лидерства и подчинения, инициативы и ответственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Информация о статусе респондентов, высказывания которых приводятся в статье, в порядке первого цитирования

(1) Ген. директор, собственник. Региональная сеть фитнес-клубов, представленная в нескольких регионах (кроме Москвы и Санкт-Петербурга).

(2) Коммерческий директор. Общероссийская компания – непродуктовый ритейл, стройматериалы.

(3) HR-директор. Крупная общероссийская компания – непродуктовый ритейл, электроника.

(4) HR-директор. Крупная общероссийская компания – нефтегазовый сектор.

(5) Генеральный директор регионального подразделения компании – аудиторская служба.

(6) Заместитель генерального директора, директор по развитию сети. Крупная общероссийская компания – продуктовый ритейл.

(7) Заместитель генерального директора. Российская IT-компания, средний бизнес.

- (8) HR-директор. Крупная общероссийская компания – продуктовый ритейл.
- (9) HR-директор. Международная IT-компания, российское представительство.
- (10) Заместитель генерального директора по юридической работе. Крупная российская IT-компания.
- (11) IT-директор. Российская инжиниринговая компания, средний бизнес.
- (12) HR-директор. Российская фармацевтическая компания.
- (13) Заместитель генерального директора – исполнительный директор. Крупная российская телекоммуникационная компания.
- (14) Заместитель генерального директора – директор по организационному развитию. Крупная российская промышленная компания.
- (15) HR-директор. Российская IT-компания, средний бизнес.
- (16) Заместитель генерального директора, HR-директор. Международная фармацевтическая компания.
- (17) IT-директор. Региональная компания – промышленное производство, средний бизнес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Селигмен А. Проблема доверия / Пер с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-пресс, 2002.
- Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. кол. А. Ослон. М.: ИнФОМ, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. №1. С. 6–17.
- Тощенко Ж.Т. Зоны уязвимости в пространстве возможностей // Ядовские чтения: Перспективы социологии. Сборник научных докладов конференции 14–16 декабря 2015 г. / Под ред. О.Б. Божкова и др. СПб.: ЭЙДОС, 2016. С. 182–191.
- Широких Е.А. Причины коммуникативных неудач в интернет-дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 3. С. 86–92.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. В.Г. Николаев, С.В. Ромашко. М.: РОССПЭН, 2004.
- Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 72–87.
- Castells M. A network theory of power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 773–787.
- Edmondson A.C. Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy. Jossey-Bass, 2012.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.
- Hall S. Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works / Edited by M.G. Durham and D.M. Kellner. L.: Blackwell Publishers, 2001. P. 163–173.

Статья поступила: 30.03.21. Принята к публикации: 24.06.21.

EXPERIENCE OF RUSSIAN COMPANIES IN TRANSITION TO REMOTE WORK IN THE PANDEMIC SITUATION

KLIMOVA S.G.*, KLIMOV I.A.*,**

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; **National Research University Higher School of Economics, Russia

Svetlana G. KLIMOVA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (sgklimova@mail.ru); Ivan A. KLIMOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher, the same Institute, International Laboratory for Applied Network Analysis, National Research University Higher School of Economics (iklimov@hse.ru). Both – Moscow Russia.

Abstract. This article presents the results of a study of the experience gained from Russian organizations and enterprises' emergency transition to remote work in the spring of 2020. The main objective of the study is to analyze the team management strategies used in the lockdown conditions in the spring of 2020: circumstances determining the effectiveness of joint work, organizational and

communicative particularities, and properties of corporative culture. The transfer of employees to remote work entailed a decrease in the effectiveness of collective work with an increase in worktime. Stresses caused by concerns of people about the stability of their work proved to be justified and widespread. These concerns were partly alleviated thanks by employers' efforts to retain workers. The authorities promptly adopted Law No. 407 on remote work. This also eased the fears of employees. Companies that managed to create workable IT systems and auxiliary services were able to quickly mobilize employees to accomplish production tasks. But teaming competencies such as problems of motivation, involvement, trust, mutual understanding and some others could not be promptly resolved. Accordingly, the crisis was surmounted successfully enough in those organizations that had these skills in the repertoire of their corporate culture. The lockdown experience shows that remote work can be a regular element of workplace relations. This requires algorithms of efficient work out of the office and the use of managerial decisions motivating employees for cooperation, trust, involvement, creativity, the ability to learn and adapt to change.

Keywords: lockdown, remote work, IT systems, worktime, business communications, corporate culture, cooperation, motivation, involvement, trust.

REFERENCES

- Castells M. (2011) A network theory of power. *International Journal of Communication*. Los Angeles (CA). Vol. 5: 773–787.
- Edmondson A.C. *Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy*. Jossey-Bass, 2012.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press.
- Hall S. (2001) Encoding/Decoding. In: *Media and Cultural Studies*. Key Works Revised Edition. Ed. by M.G. Durham, D.M. Kellner. London: Blackwell Publishers: 163–173.
- Schütz A. (2004) *The world glowing with meaning*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Schütz A. (2008) Some structures of the life-world. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Questions of social theory]. Vol. II. Iss. 1 (2): 72–87. (In Russ.)
- Seligmen A. (2002) *The problem of trust*. Trans. from Eng. I.I. Myurberg, L.V. Soboleva. Moscow: Ideya-press. (In Russ.)
- Shirokikh E.A. (2016) Causes of communication failures in Internet discourse. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and philology]. Vol. 26. Iss. 3: 86–92. (In Russ.)
- Sociology of a pandemic. Project CrownFOM*. (2021) Ed. by A. Oslon. Moscow: InFOM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2016b) Zones of vulnerability in the space of opportunities. In: *Yadov's Readings: Perspectives of Sociology. Collection of scientific reports of the conference December 14–16, 2015*. Ed. by S. Bozhkov et al. St. Petersburg: EIDOS: 182–191. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2016a) Life world and its meanings. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–17. (In Russ.)

Received: 30.03.21. Accepted: 24.06.21.

А.В. КАРАВАЙ

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ЗАНЯТОСТИ РОССИЯН В КОНЦЕ 2010-х годов

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (karavayav@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматривается влияние состояния здоровья индивидов на вероятность их занятости. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимой связи между занятостью человека и состоянием его здоровья, а также о целесообразности включения в соответствующие регрессионные модели его индикаторов. Оптимальной при этом выступает комбинация объективных (например, наличие инвалидности) и субъективных (самооценка здоровья) индикаторов. Выявлено место уровня здоровья среди других факторов занятости, выделены ключевые из них, в том числе отдельно для мужчин и женщин. Показано, что слабое здоровье даже без потери трудоспособности заметно ограничивает шансы на занятость, и эта ситуация сохраняется неизменной по меньшей мере с середины 1990-х гг. В то же время хорошее состояние здоровья в сравнении с ситуацией середины 2000-х гг. стало увеличивать вероятность трудоустройства. При этом элементы здорового образа жизни, связанные с питанием и физической активностью, не получили достаточного распространения, хотя приверженцев вредных привычек среди россиян становится все меньше.

Ключевые слова: здоровье россиян • рабочая сила • здоровый образ жизни • факторы занятости • гендерные стереотипы

DOI: 10.31857/S013216250014454-2

В условиях следующих друг за другом экономических кризисов россиянам приходится постоянно искать способы поддержания приемлемого уровня благосостояния. Исследования показывают, что эту задачу большинство решает за счет наращивания трудовых нагрузок [Каравай, 2019]. В связи с этим здоровье остается для них одним из основных ресурсов, позволяющих поддерживать или повышать свой уровень жизни [Stronks et al., 1997]. Насколько значимо влияет состояние здоровья россиян на их доступ к занятости? Какие именно его изменения сильнее всего сказываются на вероятности ее отсутствия? Изменилась ли ситуация в этой области за последние полтора-два десятилетия? Наконец, на какие именно объективные и субъективные показатели состояния здоровья индивидов нужно в первую очередь ориентироваться при изучении этого влияния? В данной статье предпринята попытка получения ответов на эти вопросы. Целью исследования выступала оценка влияния состояния здоровья на вероятность занятости россиян в конце 2010-х гг., накануне пандемии COVID-19 и начала связанного с ней спада экономики, выступающих в интересующем нас контексте как искажающие типичную картину факторы бифуркации. Предметом исследования стало наличие занятости у россиян с разным состоянием здоровья, в том числе в рамках гендерных и возрастных социальных групп.

При выработке теоретико-методологических оснований анализа мы старались учесть особенности экономических и социологических трактовок здоровья. То есть исследование изначально реализовывалось как междисциплинарное. С точки зрения экономистов, здоровье – ресурс, приносящий определенные ренты и требующий временных и материальных

инвестиций в самосохранительные практики. Являясь частью человеческого потенциала страны, здоровье ее граждан непосредственно и, как показывают исследования, значимо влияет на динамику ее экономических показателей [Fogel, 2004]. Так, Я. Мадсен [Madsen, 2018] на данных 21 страны ОЭСР показал, что одно только улучшение питания и гигиены сократило распространенность паразитарных и инфекционных заболеваний, повлекло за собой рост в рассматриваемых странах производительности труда и экономики в целом. Совокупный непосредственный вклад улучшения здоровья в рост производительности труда он и другие исследователи оценили примерно в 30–40%. Нельзя забывать и о мультипликативном эффекте, поскольку укрепление здоровья граждан влечет за собой рост уровня образования, объема сбережений и влияет на развитие инновационных процессов, в совокупности оказывая положительное влияние на экономический рост.

Улучшение здоровья населения входит в национальные цели развития нашей страны. Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение в 2010-х гг. составляли 3–4% ВВП¹. В непростых экономических условиях этого десятилетия для России стабильность говорит о важности задачи сохранения здоровья населения на фоне многих стоящих перед страной проблем. И хотя показатели расходов на здравоохранение в России отстают от развитых стран (в 2016 г. соответствующие расходы Великобритании составили 7,8% ВВП, Германии – 9,4%, США – 14,0%²), соответствуя, скорее, уровню развивающихся стран (Китай – 2,9%, ЮАР – 4,4%, Турция – 3,4%³), тем не менее вплоть до начала пандемии можно было говорить об улучшениях в охвате населения медицинской диагностикой и о росте продолжительности жизни россиян. В то же время динамика оценок россиянами состояния своего здоровья значительных изменений в этот период не показала [Журавлева, Лаконова, 2018; Каравай, 2020]. Российские исследователи [Журавлева, 2013; Кузьмич, Рощин, 2008] объясняют это рядом факторов, в том числе и институционального характера: отсутствием идеологии здоровья и системы воспитания, обучения заботе о здоровье, «реактивной» моделью поведения россиян в отношении здоровья, предполагающей обращение к медицинской помощи в кризисной ситуации вместо предупреждения заболеваний.

Занимающиеся данной проблематикой социологи подчеркивают: здоровье для населения России – одна из базовых витальных ценностей, которая устойчиво называется также среди признаков жизненного успеха. В условиях, когда физиологическое состояние во многом предопределяет жизненные шансы человека, возможности для него разнообразной и полноценной жизни, это неудивительно. Слабое здоровье не только повышает риск эксклюзии, но может вести к маргинализации индивидов [Cookson et al., 2016; Тихонова, 2008; Русинова, 2019]. Ряд исследований демонстрируют и такие последствия неравенства в состоянии здоровья, как его влияние на положение индивидов в социальной иерархии общества [Модель доходной стратификации..., 2018: 254; и др.]. Это связано с тем, что у представителей малообеспеченных слоев доступ к высокотехнологичной и качественной медицинской помощи в сравнении, например, со средним классом ограничен [Тихонова, 2008]; им меньше свойственна забота о своем здоровье с помощью самосохранительных практик.

Таким образом, состояние здоровья определяет разные стороны жизни человека. Ключевым среди форм его влияния на конкретные аспекты повседневного бытия выступает необходимость поиска компромисса между трудовыми нагрузками и своими возможностями их выдержать, когда плохое состояние здоровья ограничивает шансы на высокооплачиваемую работу, нередко высоко интенсивную и напряженную. Ограничивает оно и общие возможности успешной социально-экономической адаптации к меняющимся внешним условиям, особенно учитывая отсутствие других видов адаптационных ресурсов у большинства представителей массовых слоев населения [Каравай, 2019]. Все

¹ Здравоохранение в России – 2015. URL: http://gks.ru/bgd/regl/B15_34/; Здравоохранение в России – 2019. URL: http://gks.ru/bgd/regl/b19_34/ (дата обращения: 18.05.2021).

² Там же.

³ Там же.

это свидетельствует о значимости и актуальности анализа степени и характера влияния состояния здоровья на занятость населения современной России.

Влияние состояния здоровья на вероятность занятости россиян. В 2008 г. анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ⁴ (далее РМЭЗ) за 1994–2004 гг. выявил влияние объективных и субъективных показателей здоровья на возможности занятости россиян [Кузьмич, Рошин, 2008]. Выяснилось, что при построении моделей в тот момент не имело особого значения, какие использовать показатели – объективные (наличие диагностированных заболеваний) или субъективные (самооценки). При этом было показано, что плохое здоровье оказывает значимое влияние на вероятность занятости и уровень оплаты труда. Наш замысел состоял в том, чтобы проследить изменения в данной сфере с момента проведения этого исследования до конца 2010-х гг. и оценить влияние здоровья на вероятность занятости в ряду других ее факторов спустя 15 лет, т.е. в 2019 г. Эмпирической базой данного исследования выступила репрезентативная версия 28 волны РМЭЗ (октябрь–декабрь 2019 г., $N = 9916$ респондентов от 18 лет и старше).

В фокусе нашего внимания были россияне, которых на момент опроса можно было отнести к работающим в соответствии с методикой Росстата⁵. Методически это означало, что в качестве зависимой при построении логистических регрессий была избрана переменная, отражающая наличие у респондентов в течение 30 дней до момента опроса приносящей доход деятельности. Таким образом, в состав работающих нами были включены лица, не только имеющие основную работу ($N = 5105$), но и имевшие разовые приработки в течение 30 дней до момента опроса ($N = 532$). Помимо объективных (инвалидность, диагностированные хронические заболевания и другие «сбои» в работе организма⁶) и субъективных показателей состояния здоровья (самооценки его респондентами) мы включили в модель факторы, которые также могут влиять на вероятность занятости. При этом мы опирались на результаты исследований, которые показывают, что на эту вероятность помимо здоровья влияют аскриптивные характеристики (пол и возраст), а также материальное положение домохозяйства, уровень образования, состав семьи, статус учащегося или пенсионера, тип поселения по месту проживания как индикатор особенностей локальных рынков труда.

Мы построили пять основных моделей. В первую вошли ключевые факторы, которые, судя по данным других авторов, могут влиять на вероятность занятости, за исключением показателей, отражающих состояние здоровья. Эта модель стала основой для построения всех остальных.

Во второй модели, включающей в себя, наряду с переменными из первой спецификации, также все объективные индикаторы здоровья⁷, было выявлено много незначимых

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 18.05.2021).

⁵ Классификация статистических данных о составе рабочей силы, экономической активности и статусе в занятости. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000080r.htm (дата обращения: 18.05.2021).

⁶ В РМЭЗ большой блок вопросов посвящен здоровью. Он содержит перечень наиболее распространенных заболеваний и различных патологических состояний, включая нервные расстройства и депрессии. Полностью этот список приведен в исследованиях [Кузьмич, Рошин, 2008; Каравай, 2020].

⁷ При предварительном анализе данных мы проверили попарные корреляции между факторами, которые предполагалось включить в каждую из представленных моделей. Только для двух пар переменных был выявлен высокий уровень корреляции (свыше 0,7 при уровне значимости менее 0,05). Во-первых, это наличие хронических заболеваний эндокринной системы, включая диабет, и показатель когда-либо диагностированного повышенного сахара. Во-вторых, это хроническая гипертоническая болезнь и когда-либо диагностированное врачами повышенное давление. В обоих случаях мы оставили в моделях вторые показатели (повышенный сахар и повышенное давление), поскольку они охватывали большее количество респондентов и слабо коррелировали со статусом пенсионера.

переменных, и они последовательно удалялись, не войдя в итоговую спецификацию. В результате у окончательной версии второй модели по сравнению с первой стала чуть выше объясняющая способность (процент правильно объясненных случаев) (табл. 1). Кроме того, для нее снизились показатели информационных критериев (BIC и AIC). Это означает, что включение объективных показателей состояния здоровья было оправдано и различные заболевания значимо влияют на шансы индивида иметь работу.

Таблица 1

Результаты проверки качества построенных моделей

Модель	Log- правдоподобие	Pseudo R ²		BIC	AIC	Верно классифи- цированные случаи, %
		Кокса и Снелла	Нэйджелкерка			
1	-7495,66	0,444	0,595	-20571,9	-20393,2	84,1
2	-7282,13	0,456	0,612	-21139,5	-20637,0	84,8
3	-7376,74	0,451	0,604	-20764,3	-20574,5	84,5
4	-7301,17	0,453	0,608	-20746,6	-20545,7	84,7
5	-7246,56	0,456	0,612	-20836,0	-20623,9	85,0

В третьей модели мы оставили только один объективный индикатор здоровья – оформленная инвалидность. По сравнению со второй моделью ее объясняющая сила снизилась, а значения информационных критериев повысились. Это означает, что при моделировании влияния объективных индикаторов здоровья на вероятность занятости только информации о наличии инвалидности, при отсутствии других объективных его показателей, недостаточно.

Четвертая модель отличалась от предыдущих тем, что в нее в качестве индикатора состояния здоровья вошли только субъективные его оценки индивидами. Объясняющая способность этой модели была достаточно высокой, одновременно заметно сократились значения информационных критериев, то есть при прочих равных показатель субъективных самооценок здоровья может быть достаточным для объяснения влияния последнего на вероятность занятости.

Однако оптимальной оказалась пятая модель, в которую были включены, наряду с другими характеристиками индивида, также объективный (оформленная инвалидность) и субъективный (самооценки своего здоровья индивидами) индикаторы здоровья. Как показано в таблице 1, при высоком уровне объясняющей способности пятой модели она характеризуется наименьшим значением BIC, низким значением AIC и при этом одними из самых высоких значений pseudo R² по сравнению с остальными моделями.

Таким образом, наши результаты говорят о том, что именно сочетание субъективных и объективных индикаторов состояния здоровья наиболее полно отражает его влияние на шансы иметь работу. В то же время разница при использовании отдельно субъективных оценок или объективных показателей состояния здоровья не столь велика, чтобы их заведомо нельзя было использовать по отдельности. Более того, первая модель, не включающая показателей здоровья, также обладает сравнительно высокой объясняющей способностью. Это связано с тем, что результаты других исследований [Кузьмич, Роцин, 2008; Каравай, 2020] показывают, что занятость и здоровье эндогенны по отношению друг к другу, и каждый из них зависит примерно от одинакового набора социально-экономических факторов (пол, возраст, уровень образования и пр.).

Из не относящихся к состоянию здоровья факторов сильнее всего положительно влияют на вероятность занятости россиян наличие профессионального образования

и несовершеннолетних детей. Видимо, наличие профессионального образования облегчает поиск работы и повышает шансы стабильной занятости, а наличие несовершеннолетних детей вынуждает, особенно мужчин, выходить на работу (табл. 2). Естественно, что негативно связаны с вероятностью иметь работу статусы пенсионера или учащегося, а также предполагающее достаточно большой объем домашней работы наличие одновременно постоянного партнера и несовершеннолетних детей.

Таблица 2

Результаты построения регрессионных моделей

Факторы	Номер модели				
	1	2	3	4	5
Ковариаты					
Возраст	0,955***	0,960***	0,953***	0,961***	0,959***
Логарифм среднедушевого дохода в домохозяйстве	4,294***	4,258***	4,267***	4,196***	4,186***
Пол (база – мужской)					
Женский пол	0,700***	0,651***	0,654***	0,692***	0,663***
Уровень образования (база – только школа)					
Начальное профессиональное	2,242***	2,260***	2,237***	2,299***	2,284***
Среднее специальное	2,499***	2,479***	2,449***	2,466***	2,436***
Высшее образование	2,878***	2,771***	2,816***	2,783***	2,764***
Тип и размер поселения проживания (база – села)					
Города до 100 тыс. жителей	1,045	1,093	1,049	1,083	1,074
Города от 100 до 500 тыс. жителей	0,949	1,013	0,969	1,029	1,028
Города от 500 тыс. до 1 млн жителей	0,696***	0,719***	0,700***	0,730***	0,720***
Города от 1 млн жителей и более	0,756***	0,840	0,790**	0,812**	0,822**
Москва	0,298***	0,335***	0,327***	0,309***	0,327***
Семейное положение (база – отсутствие постоянного партнера и детей)					
Проживают с постоянным партнером	1,478***	1,403***	1,428***	1,438***	1,407***
Есть несовершеннолетние дети	2,503***	2,646***	2,638***	2,599***	2,682***
Проживают с постоянным партнером и несовершеннолетними детьми	0,573***	0,562*	0,565***	0,551***	0,549***
Пенсионеры и учащиеся					
Получают пенсию (база – не получают)	0,101***	0,137***	0,134***	0,114***	0,136***
Получают профессиональное образование (база – не учатся)	0,044***	0,046***	0,042***	0,046***	0,044***
Субъективные оценки здоровья (база – среднее)					
Плохое				0,314***	0,378***
Хорошее				1,194***	1,155**

Продолжение таблицы 2

Факторы	Номер модели				
	1	2	3	4	5
Объективные показатели здоровья					
Оформлена инвалидность		0,405***	0,313***		0,427***
Хронические заболевания сердца		0,625***			
Хроническая гипертоническая болезнь, повышенное артериальное давление		0,861***			
Хронические заболевания суставов		0,856***			
Хронические неврологические заболевания		0,766***			
В течение последних 12 месяцев были хирургические операции		0,638***			
Врач ставил диагноз инсульт (кровоизлияние в мозг)		0,573**			
В течение последних 12 месяцев были серьезные нервные расстройства, депрессии		0,781**			

Примечания. Указаны значения условного отношения шансов (exp(B)); показатели выше единицы означают, что соответствующий фактор при прочих равных повышает шансы занятости, меньше единицы – что влияние фактора негативное; знаками *** и ** отмечены соответственно 95- и 90-процентные доверительные интервалы.

Проживание в крупных городах, особенно в Москве, сокращает шансы индивида на занятость, а для жителей сел и малых городов, наоборот, шансы на занятость оказываются относительно выше. Напомним, однако, что в состав работающих мы включили и тех, кто, не имея постоянного места работы, все же имел в течение 30 дней до момента опроса разовые приработки. Дополнительный анализ, предполагавший исключение этих людей из состава работающих, и построение модели по переменной, включающей только тех, у кого есть постоянная работа, показал, что, если не учитывать работников с непостоянной занятостью, характер влияния типа и размера поселения по месту проживания на вероятность наличия *постоянной занятости* меняется на противоположный. В то же время оценки других факторов существенно не изменяются. Это означает, что проживание в средних и крупных городах увеличивает шансы на постоянную занятость, но при этом случайные разовые подработки чаще можно найти в небольших городах и сельской местности.

Что же касается состояния здоровья, то положительные его оценки несколько повышают вероятность занятости, в то время как отрицательные – снижают и очень значительно. При этом далеко не всегда меньше шансов иметь работу только у индивидов с оформленной инвалидностью. Статистически значимо сокращают вероятность занятости при прочих равных также инсульты, хронические сердечно-сосудистые заболевания, сравнительно недавние хирургические вмешательства, проблемы с суставами, неврологические заболевания, нервные расстройства и депрессии. В то же время другие группы болезней (от онкологии до болезней глаз) значимого влияния на шансы иметь работу не оказывают, тем более что особо тяжелые их формы обычно приводят к наличию оформленной инвалидности, связь которой с вероятностью занятости была отдельно учтена в ходе анализа.

Важно, что при оценке влияния субъективных оценок состояния здоровья на вероятность занятости россиян мы получили результаты, лишь отчасти схожие с теми, которые были получены в 2000-х гг. другими исследователями [Кузьмич, Рошин, 2008], что говорит о происходящих в этой области изменениях. Плохое здоровье по сравнению со средним и по нашим выводам негативно сказывается на возможностях занятости индивидов, это влияние значимо и вполне объяснимо. В то же время, в отличие от коллег, в нашей

модели позитивные самооценки положительно сказываются на шансах иметь работу. Возможно, это связано с тем, что при хорошем здоровье проще найти работу, однако возможна и обратная зависимость – сам факт наличия занятости может завышать субъективные оценки состояния здоровья в силу «стремления соответствовать» [Каравай, 2020].

Учитывая, что во всех моделях пол и семейный статус были для вероятности занятости весьма значимы, для понимания влияния состояния здоровья на шансы иметь работу для мужчин и женщин мы построили две дополнительные модели, отдельно для представителей каждого пола. Результаты (табл. 3) подтвердили существование в этой области гендерных различий. Ключевые из них связаны с влиянием на занятость семейных ролей. Так, для мужчин наличие постоянного партнера или несовершеннолетних детей (независимо от того, живут ли дети с ними или нет) является мощной мотивацией иметь работу. Для женщин все не столь однозначно. С одной стороны, несовершеннолетние дети и постоянный партнер сокращают вероятность того, что женщина будет иметь работу. С другой стороны, матерям-одиночкам с несовершеннолетними детьми практически всегда приходится работать. Тем не менее наши результаты говорят, что существующие в российском обществе гендерные стереотипы о «мужчине-добытчике» и «женщине-хранительнице очага» оказывают заметное влияние на вероятность занятости, в том числе при одинаковом состоянии здоровья.

Что касается роли здоровья с учетом гендерных ролей, негативные самооценки состояния здоровья отрицательно сказываются на шансах быть занятыми и для мужчин, и для женщин. Причем, если мужчина готов признать, невзирая на существующий в российской культуре гендерный стереотип мужественности, свое здоровье плохим, вероятность его занятости, хотя бы в виде разовых приработков, будет при прочих равных заметно ниже, чем у женщин. Оценки своего здоровья как хорошего оказались значимы с точки зрения их влияния на вероятность занятости только для мужчин. Если говорить об объективных показателях, то при прочих равных инвалидность для женщин – намного более значимое основание для принятия решения о невыходе на работу, чем для мужчин. И хотя мужчин с оформленной инвалидностью среди населения трудоспособного возраста немногим больше, чем женщин (5 против 3%), шансы иметь работу у мужчины с таким статусом при прочих равных почти вдвое выше. Причины разного влияния инвалидности на вероятность занятости требуют дополнительного анализа – они могут заключаться в особенностях отношения представителей разных полов к своему здоровью, и в специфике болезней, типичных для каждой из этих групп, и в особенностях гендерных социальных ролей мужчин и женщин в российской культуре. Однако сам по себе факт этих различий важен и требует учета и в государственной социальной политике, и в политике занятости.

В целом наши результаты показывают, что существенно ограничивает занятость только критически плохое (хотя зачастую и не предполагающее наличия инвалидности) состояние здоровья, причем разные виды заболеваний играют в этих ограничениях различную роль. Однако хорошее здоровье, при всей его важности, все же не является первоочередным фактором, определяющим вероятность занятости россиян. Для женщин при прочих равных сравнительно большую роль для выхода на работу играет наличие профессионального образования, для мужчин – семейное положение (наличие постоянного партнера и/или несовершеннолетних детей).

В качестве иллюстрации негативного влияния плохого состояния здоровья на трудовую активность можно привести дифференциацию самооценок населения из групп с близкими показателями возраста, но с разным положением на рынке труда⁸, включая тех, кто

⁸ По методологии ФСГС РФ население страны делится на экономически активное (рабочая сила) и экономически неактивное. В основном официальная статистика следит за динамикой рабочей силы, состоящей из занятого и безработного населения, а также раскрывает структуру и характеристики этих групп. Экономически неактивное население – дети, неработающие пенсионеры и студенты учебных заведений профессионального образования, лица, занятые ведением домашнего хозяйства, и т.п., прекратившие поиск работы, но способные и готовые работать, и проч., у которых нет необходимости работать. См. подробнее: Официальный сайт ФСГС РФ. Методика расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда, утвержденная приказом Росстата от 29 сентября 2017 г. № 647. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr647-17.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

не работал, не учился и работу не искал (условно назовем их NLFET⁹). Значимые различия между этими группами обнаруживаются именно в доле негативных самооценок здоровья, которая в группе экономически неактивных в шесть раз выше, чем среди работающих или безработных (по методологии Международной организации труда (МОТ)) (рис.).

Таблица 3

Результаты дополнительных логистических регрессий отдельно для мужчин и женщин

Факторы	Женщины	Мужчины
Ковариаты		
Возраст	0,949***	0,958***
Логарифм среднедушевого дохода в домохозяйстве	4,712***	3,734***
Уровень образования (база – только школа)		
Начальное профессиональное	2,520***	1,950***
Среднее специальное	2,708***	1,858***
Высшее образование	2,957***	2,620***
Тип и размер поселения проживания (база – села)		
Города до 100 тыс. жителей	1,023	1,153
Города от 100 до 500 тыс. жителей	1,106	0,916
Города от 500 тыс. до 1 млн жителей	0,666***	0,837
Города от 1 млн жителей и более	0,763**	0,93
Москва	0,342***	0,271***
Семейное положение (база – отсутствие постоянного партнера и детей)		
Проживают с постоянным партнером	–	3,403***
Есть несовершеннолетние дети	2,172***	3,085***
Проживают с постоянным партнером и несовершеннолетними детьми	0,451***	–
Пенсионеры и учащиеся		
Получают пенсию (база – не получают)	0,182***	0,069***
Получают профессиональное образование (база – не учатся)	0,045***	0,039***
Субъективные оценки здоровья (база – среднее)		
Плохое	0,420***	0,318***
Хорошее	1,121	1,197*
Объективные показатели здоровья (база – без инвалидности)		
Оформлена инвалидность	0,361***	0,635**

Примечания. Указаны значения условного отношения шансов (exp(B)), знаками *** и ** отмечены соответственно 95- и 90-процентные доверительные интервалы; прочерки означают, что переменная статистически незначима и поэтому не вошла в итоговую спецификацию данной модели.

⁹ “Neither in the labour force nor in education or training” (NLFET) – группа, выделенная в докладе МОТ в 2013 г. и объединяющая, как следует из названия, индивидов трудоспособного возраста, исключенных из рабочей силы. См.: Global Employment Trends For Youth 2013. P. 40. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_345429.pdf (дата обращения: 18.05.2021).

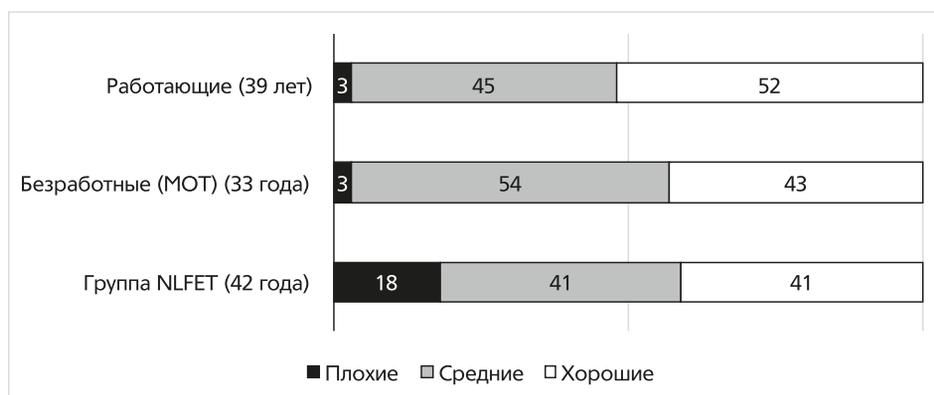

Рис. Самооценки состояния здоровья среди россиян трудоспособного возраста с разным отношением к рынку труда, РМЭЗ, %

Примечание. В скобках указан медианный возраст в соответствующей группе, на рисунке не представлены получающие профессиональное образование неработающие, поскольку их медианный возраст составлял 19 лет, и их ситуация со здоровьем в корне отличается от всех остальных россиян трудоспособного возраста

Анализ объективных показателей состояния здоровья также свидетельствует, что серьезные проблемы с ним вынуждают индивидов прекращать трудовую активность задолго до наступления пенсионного возраста (табл. 4). При этом причины разных типов незанятости из-за проблем со здоровьем, которые не различали между собой приведенные выше логистические регрессии, оказываются при разделении всех незанятых на входящих в рабочую силу и находящихся вне ее, различны. Так, у находящихся вне рынка труда россиян (группа NLFET) намного чаще встречаются заболевания сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата, а также проблемы с артериальным давлением и нарушения психоневрологического характера.

Таблица 4

Объективные показатели состояния здоровья населения трудоспособного возраста с разным положением на рынке труда РМЭЗ, 2019 г., %

Показатель	Население трудоспособного возраста		
	работающие	безработные (МОТ)	группа NLFET
Оформлена инвалидность	2	5	20
Проблемы с артериальным давлением	23	20	30
Хронические заболевания суставов	9	11	18
Хронические неврологические заболевания	4	8	12
Хронические заболевания позвоночника	12	13	19
В течение последних 12 месяцев были серьезные нервные расстройства, депрессии	6	12	13
Хронические заболевания сердца	4	4	9

Примечание. Различия значимы при $\alpha < 0,05$.

Показанное нами значимое влияние состояния здоровья вообще и отдельных заболеваний в частности на возможности трудоустройства и продолжительность трудовой деятельности, казалось бы, предполагает временные и материальные инвестиции индивидов в свое здоровье. Медицинские исследования (см., напр., [Nyberg et al., 2020]) также

показывают, что соблюдение принципов здорового образа жизни (умеренная физическая активность, отсутствие вредных привычек, контроль веса) повышают шансы индивида дожить до 70 лет без серьезных хронических заболеваний, в том числе диабета и проблем с сердечно-сосудистой системой. К сожалению, несмотря на очевидные плюсы инвестиций в поддержание хорошего состояния здоровья, россияне пока не считают его значимым фактором своего стабильного положения на рынке труда. Об этом свидетельствуют и результаты анализа распространенности самосохранительных практик среди взрослых россиян. Так, среди населения трудоспособного возраста в конце 2019 г., по данным РМЭЗ, 72% не занимались физической культурой, у 43% соотношения массы тела и роста превышали норму¹⁰. В то же время 58% употребляли алкоголь не чаще нескольких раз в год или не употребляли его вообще, а 52% никогда не курили. Таким образом, отсутствие физических нагрузок и избыточный вес у большинства трудоспособных россиян влекут за собой в перспективе раннее возникновение хронических заболеваний, сокращающих шансы на длительную занятость, хотя в отношении вредных для здоровья привычек (употребление алкоголя или курение) ситуация не так плоха.

Заключение. Тезис о том, что наиболее значимым ресурсом для процветания любой страны являются люди, неоднократно был подтвержден исследователями из самых разных областей социальных наук. Улучшение здоровья и качества жизни населения влечет за собой не только увеличение рабочей силы, но и рост объема множества других материальных и нематериальных ресурсов государства – сбережений, накапливаемых знаний, инноваций и т.п. Не менее важно, что на микроуровне хорошее состояние здоровья повышает шансы индивида на высокое качество жизни и стабильное социально-экономическое положение. Это предполагает, что в интересах самих индивидов инвестировать свои время и средства в сохранение хорошего здоровья на максимально длительном жизненном интервале.

Еще в середине нулевых годов исследователями на данных 1994–2004 гг. было зафиксировано, что плохое состояние здоровья – значимый фактор, при прочих равных серьезно ограничивающий предложение на российском рынке труда, хотя хорошее его состояние сравнительно слабо влияет на вероятность занятости, не приносит дополнительных рент и, как следствие, не оправдывает временных и материальных инвестиций в здоровье. Наши результаты показали, что за прошедшие годы ситуация отчасти изменилась, и хотя в современной России плохое состояние здоровья по-прежнему в зависимости от способа его измерения (по самооценкам, наличию инвалидности или серьезных хронических заболеваний) в 2–4 раза сокращает при прочих равных шансы индивида на занятость, хорошее состояние здоровья теперь положительно связано с вероятностью занятости.

С методической точки зрения наш анализ показал, что индикаторы состояния здоровья нужно включать в число факторов, определяющих вероятность трудоустройства индивидов, несмотря на существующую проблему эндогенности. При этом лучше комбинировать объективные показатели, связанные с диагностированными заболеваниями, с субъективными самооценками здоровья. В то же время не обязательно учитывать все возможные виды заболеваний, поскольку самооценки населения своего здоровья точно отражают их тяжесть, но целесообразно добавлять в анализ наличие оформленной инвалидности.

Сравнительный анализ показал, что в российском обществе сохраняется дифференциация факторов, влияющих на занятость мужчин и женщин. Это связано прежде всего с гендерными стереотипами – наши результаты показали, что сильны стандартные представления о «мужчине-добытчике» и «женщине-хранительнице очага». Видимо, в силу этого даже при наличии оформленной инвалидности мужчины гораздо чаще женщин выходят на работу.

¹⁰ Для оценки использовался Индекс массы тела – отношение массы тела, выраженной в килограммах, к квадрату роста, выраженному в метрах. Эта расчетная величина используется в медицине для оценки избыточной массы тела человека. Нормой считается ИМТ 18–25,5 единицы, значения выше этих границ свидетельствуют об избыточном весе и ожирении разной степени.

Еще одним важным результатом исследования стал вывод, что элементы здорового образа жизни пока не получили распространения. Причем основная опасность исходит даже не от того, что многие россияне подвержены пагубным привычкам, их становится меньше, а в том, что около половины населения трудоспособного возраста имеют проблемы с лишним весом, при этом физическая активность распространена сравнительно мало. Учитывая характер заболеваний, представляющих основную угрозу занятости, а также связь этих заболеваний с малоподвижным образом жизни и избыточным весом, это означает, что можно ожидать не только ухудшения ситуации со здоровьем многих россиян, но и ухудшения качества человеческого потенциала населения страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 163–176.
- Журавлева И.В., Лакомов Н.В. Здоровье и благополучие россиян в европейском контексте // Социология медицины. 2018. №1. С. 35–42. DOI: 10.18821/1728-2810-2018-17-1-35-42.
- Каравай А.В. Динамика состояния здоровья россиян в 2003–2018 гг.: взаимосвязь объективных и субъективных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 69–87. DOI: 0.19181/snsp.2020.8.4.7657.
- Каравай А.В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. 2019. № 3. С. 128–145.
- Кузьмич О.С., Рошин С.Ю. Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. № 1. С. 29–55.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-история, 2018.
- Русинова Н.Л. Социальные неравенства в здоровье: посредническая роль материальных лишений и психологических ресурсов // Демографическое обозрение. 2019. № 6 (3). С. 6–30. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9853>.
- Тихонова Н.Е. Состояние здоровья среднего класса в России // Мир России. 2008. Т.17. № 4. С. 90–110.
- Cookson R., Propper C., Asaria M., Raine R. Socio-Economic Inequalities in Health Care in England // Fiscal Studies. 2016. Т. 37. № 3–4. С. 371–403.
- Fogel R.W. Health, nutrition, and economic growth // Economic Development and Cultural Change. 2004. Vol. 52. No 3. P. 643–658.
- Madsen J.B. Health-led growth since 1800 // Macroeconomic Dynamics. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 961–1000. DOI: 10.1017/S1365100516000468.
- Nyberg S.T., Singh-Manoux A., Pentti J. et al. Association of Healthy Lifestyle With Years Lived Without Major Chronic Diseases // JAMA Intern Med. Published online April 06. 2020. DOI:10.1001/jamainternmed.2020.0618 (дата обращения: 01.03.2021).
- Stronks K., Van De Mheen H., Van den Bos J., & Mackenbach J. P. The interrelationship between income, health, and employment status // International journal of epidemiology. 1997. No. 26(3). P. 592–600. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/26.3.592>.

Статья поступила: 24.03.21. Финальная версия: 29.05.21. Принята к публикации: 07.06.21.

ASSESSING THE RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIANS' HEALTH STATUS AND THEIR EMPLOYMENT IN THE LATE 2010s

KARAVAY A.V.

National Research University Higher School of Economics, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anastasia V. KARAVAY, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher; Institute for Social Policy National Research University Higher School of Economics; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (karavayav@yandex.ru).

Acknowledgments. The reported study was funded by RSF, project No. 17-78-20125.

Abstract. The article deals with the problems of the influence of individuals' health status on the probability of their employment. Also, we assessed the effectiveness of various methods of measuring individuals' health status in sociological surveys. The results of the regression analysis show that there is a statistically significant relationship between a person's employment and their health status, as well as the feasibility of including health indicators in the corresponding regression models. Optimal in this case is a combination of objective (the presence of disability) and subjective (self-perceived health status) indicators. We demonstrate the place of health status among other factors of employment and the key ones are highlighted, both in general and separately for men and women since the population of the country still retains the ideas of gender social roles characteristic of Russian culture. These roles cause differences in the set of factors that affect the probability of men's and women's employment, including considering health status. It is also shown that weak health, even without disability, severely limits individuals' chances of employment, and this situation has remained unchanged since at least the mid-1990s. At the same time, good health status in comparison with the situation of the mid-2000s has now begun to increase the probability of employment in Russia in comparison with even average health status. At the same time, the elements of a healthy lifestyle associated with a healthy diet and physical activity are still not sufficiently widespread, although there are fewer adepts of bad habits among Russians.

Keywords: Russians' health status, labor force, healthy lifestyle, employment factors, gender stereotypes.

REFERENCES

- Cookson R., Propper C., Asaria M., Raine R. (2016) Socio-Economic Inequalities in Health Care in England. *Fiscal Studies*. No. 37(3–4): 371–403.
- Fogel R.W. (2004) *Health, nutrition, and economic growth. Economic Development and Cultural Change*. No. 52(3): 643–658.
- Karavay A. V. (2019). Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*. No. 17(3): 128–145. (In Russ.) DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Karavay A.V. (2020) Dynamics of Russians' Health Status in 2003–2018: The Relationship Between Objective and Subjective Characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [The journal Sociological Science and Social Practice]. No. 8(4): 69–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7657>.
- Kuzmich O., Roshchin S. (2008) Is It Better to Be Healthy? The Economic Returns of Health in Russia. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 12(1): 29–56. (In Russ.)
- Madsen J.B. (2018) Health-led growth since 1800. *Macroeconomic Dynamics*. No. 22(4): 961–1000. DOI: 10.1017/S1365100516000468.
- Nyberg S.T., Singh-Manoux A., Pentti J. et al. (2020) *Association of Healthy Lifestyle With Years Lived Without Major Chronic Diseases JAMA Intern Med*. Published online April 06 (accessed 01.03.2021). DOI: 10.1001/jamainternmed.2020.0618.
- Rusinova N.L. (2019) Social Inequalities in Health: the Mediating Role of Material Deprivation and Psychological Resources. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic review]. No. 6(3): 6–30. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9853>.
- Stronks K., Van De Mheen H., Van den Bos J., & Mackenbach J.P. (1997) The interrelationship between income, health and employment status. *International journal of epidemiology*. No. 26(3): 592–600. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/26.3.592>.
- Tikhonova N.E. (2008) State of Health of the Russian Middle Class. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 17(4): 90–110. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., ed. (2018) Model of income stratification of the Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.) DOI: 10.317544469-1419-7.
- Zhuravleva I.V. (2013) Why not improve the health of Russians? *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4(1): 163–176. (In Russ.)
- Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. (2018) Health and well-being of citizens of the Russian Federation in European context. *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of medicine]. No. 17(1): 35–42. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/1728-2810-2018-17-1-35-42>

Received: 24.03.21. Final version: 29.05.21. Accepted: 07.06.21.

Социология массовых коммуникаций

© 2021 г.

И.А. БУБНОВА, Д.В. ГОРОХОВА

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ: ФЕНОМЕН СССР В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА И В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

БУБНОВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва, Россия (aribubnova@gmail.com); ГОРОХОВА Дарья Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Одинцово, Россия (podrezova.dascha@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены данные экспериментального исследования, направленного на раскрытие особенностей репрезентации образа СССР в тексте, типичном для современных российских средств массовой коммуникации (СМК), и специфики содержания психологически реального значения этого слова в сознании современного студента. Применение методики анализа макроструктуры текста, разработанной Т.М. Дридзе, позволило доказать, что подобные тексты, апеллирующие к эмоциональной сфере при помощи экспрессивно маркированных и идеологически напряженных лексических единиц, включенных в требуемую прагматическим аспектом высшую ценность (в анализируемом случае – национальное освобождение от имперского гнета), направлены на разрушение исторической памяти народа и ее замену искусственно сконструированным знанием. На конкретных результатах, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, демонстрируется, что поставленная в таких текстах цель, лежащая в сфере политики и управления массовым сознанием, частично реализована: в смысловом содержании психологически реального значения слова СССР выявляются социальные стереотипы, конструируемые через СМК. Более того, вес компонента значения негативная оценка СССР вырос по сравнению с 2018 г., хотя данный компонент не является доминирующим: смысловое содержание значения слова СССР в сознании студенчества значительно шире, и в нем отчетливо выделяется компонент с противоположной оценкой – самая лучшая страна в мире. В целом количество компонентов с негативной и позитивной окраской в структуре психологически реального значения слова СССР примерно равно, что дает основание высказать предположение о нестабильном состоянии системы знаний о советском периоде истории страны как фрагменте общей когнитивной базы, объединяющей поколения и обеспечивающей преемственность культуры.

Ключевые слова: СМК • переписывание истории • конструирование • СССР • психологически реальное значение • система знаний • когнитивная база • нестабильное состояние

DOI: 10.31857/S013216250014686-7

Введение. В 2021 г. исполняется тридцать лет со дня распада СССР. В отличие от 75-летнего юбилея Победы, который широко освещался в СМК, это событие внешне не является тем, что обозначается в медийном дискурсе как «повестка дня», хотя в действительности ситуация оказывается значительно более интересной и заслуживающей, как представляется, самого пристального внимания исследователей. С одной стороны,

дискуссии о феномене «советский» не прекращаются в научных кругах, причем с самого их начала точки зрения на то, что представляли собой СССР и советский человек, кардинально разделились. Мнение об особом характере человека советской эпохи, о советском духе, который не был «некоторой абстракцией, оторванной от реальной жизни» [Булавка, 2008: 68], а представлял собой своеобразную духовную энергию, не просто обуславливающую потенциал общественных поступков и социального творчества, но и внутреннюю «потребность в историческом поступке», предполагавшую «идейную определенность, нравственную ответственность индивида за происходящее вокруг, а также волю к действию» [там же], практически не встретишь в массмедиа либо учебниках по истории, описывающих данный этап развития нашей Родины. Более того, художественные произведения, которые могли бы заронить в сознание подрастающего поколения саму мысль об уникальности сформировавшихся к концу 30-х годов XX в. в нашей стране человеческого типа и социальных отношений, изъяты из школьной программы и заменены на романы, повести, рассказы, подтверждающие и ярко иллюстрирующие ужасы «царства несвободы», «ГУЛага», «империи зла», создавшей концлагерь на одной шестой части суши. По сути, эта оценка – отражение еще одного взгляда на нашу историю многих современных социологов, историков и философов, который достаточно четко сформулирован в известной работе Ш. Фицпатрик, акцентирующей: «Для homo soveticus государство было вездесущим и играло центральную роль в его жизни» [Фицпатрик, 2001: 272], а самым развитым умением этого человека было умение разыскивать дефицитные товары. «Homo soveticus дергал за нужные веревочки, проворачивал всякие махинации, нахлебничал, кричал лозунги, и т.д. и т.п., но прежде всего он боролся за выживание» [там же]. Данная позиция активно поддерживается значительной группой российских исследователей [Гудков, 2007; Лебина, 2006; Медушевский, 2010; Стенограмма..., 2011¹ и др.], и именно такие рассуждения становятся сегодня основой для конструирования восприятия советского периода не только через педагогический и художественный дискурс, дискурс кино и массовой культуры, но и через массмедиа, прежде всего электронные СМИ, охватывающие сразу самые разные социальные группы и в силу этого обладающие огромным потенциалом воздействия на каждого человека.

Отмечая, что за постсоветские годы в массовом сознании уже сложились и укоренились комплексы антиисторических (фальсификаторских) стереотипов нашего прошлого, оказывающих заметное негативное влияние на все сферы жизни, начиная от политики и заканчивая повседневностью [Романовский, 2015], ведущие российские ученые-социологи подчеркивают, что «понимание современного мира и самопонимание страны – ключевая проблема» [Романовский, 2018: 84], а это, в свою очередь, требует особого внимания к проблематике «идентичности и самоидентичности индивидов, <...> осмысливания, понимания и “инструментализации” знания о культурных, цивилизационных факторах – одновременно глубинных, фундаментальных, неочевидных, но часто решающих в историко-политических судьбах страны» [там же: 85]. В решении этой глобальной проблемы, как представляется, могут быть полезными данные, полученные в ходе социопсихолингвистических исследований, направленных на выявление особенностей идентификации слова СССР и его репрезентации в языковом сознании российской молодежи, которые в норме должны отражать природную системность и преемственность родной культуры, закладывающей, с одной стороны, основы регуляции отношений человека с внешним миром, а с другой – определяющей культурно-специфичное смысловое поле его миропонимания. Не менее значимым, на наш взгляд, является выявление точек расхождения между смысловым полем, касающимся советского периода развития нашей страны, направленно конструируемым в медийном

¹ Стенограмма пятого открытого семинара проекта «Демократия в России» «Человек советский или современный? Политическая культура и ценности россиян». 20 сентября 2011 г. URL: <http://www.levada.ru/stenogramma-pyatogo-otkrytogo-seminara-proekta-demokratiya-v-rossii-chelovek-sovetskii-ili-sovremenn> (дата обращения: 03.03.2021).

дискурсе, и смыслами, представленными в массовом сознании, так как их соотношение позволяет строить прогнозы о траектории развития русской культуры и, соответственно, о перспективах развития российского общества в ближайшем будущем.

Экспериментальное исследование смыслового содержания феномена СССР в медийном дискурсе и языковом сознании студентов

Методология, методики и процедура исследования. Проведенное исследование было направлено на реализацию сразу нескольких целей: 1) выявление специфики представления феномена СССР в современном медиадискурсе; 2) изучение особенностей смыслового содержания слова СССР в языковом сознании современного студенчества; 3) определение соответствий и расхождений между транслируемым в массовое сознание образом СССР, обусловленным сегодняшней идеологией, и устойчивой частью групповых представлений об СССР, фиксируемых в языковом сознании.

Методологической основой исследования являлись: 1) центральная идея о знаке как орудии психической деятельности и средстве для управления собственным поведением и поведением других, выработанная в рамках культурно-исторической теории (Л.С. Выготский); 2) постулаты общепсихологической теории деятельности, в частности положение о том, что содержание индивидуального сознания как связанной с речью функции мозга, ответственной за обобщение и целенаправленное отражение действительности, обеспечивается тремя функциональными подсистемами – значением, личностным смыслом и чувственной тканью (А.Н. Леонтьев); 3) разработанные в отечественной психолингвистике положения о: слове как «превращенной форме деятельности», представленной в сознании человека комплексной структурой, включающей в себя различные формы и уровни отражения объекта познающему мир субъекту; значении, как «социально кодифицированной форме общественного опыта» [Леонтьев, 2005: 130]; смысле, представляющем собой форму «общественного опыта, усваемого индивидом» и отличающегося от значения тем, что «смысл – форма не кодифицированная» [там же: 134], при этом не всегда индивидуальная в силу того, что не всегда индивидуальны мотивы человеческой деятельности и отношения людей к общественной действительности; психологической структуре значения как системе «ассоциативных связей слов, <...> то есть его ассоциативной структуре» [Леонтьев, 1971: 11]; 4) основные положения семиосоциопсихологии/теории социальной коммуникации как текстовой деятельности, предложенной и развитой Т.М. Дридзе, прежде всего: концепция о коммуникативной природе знаков, задающих программу деятельности своим истолкователям: «Через разные сочетания знаков задаются алгоритмы “коммуникативных игр”. “Играя” элементарными знаками, вводя их в те или иные связи (а смысловая информация кроется именно в этих связях) и преобразуя сообразно замыслу общения накопленное знание, люди формируют знаки более высокого порядка» [Дридзе, 1996: 146]; понятие о тексте как иерархии разнопорядковых смысловых блоков – предикаций (макроструктура) и смысловых узлов, образующих его логико-фактологическую цепочку (микроструктура), которые могут быть реконструированы с помощью специальной методики [Дридзе, 1984: 87].

Для реализации поставленных целей использовались следующие методики:

1. На первом этапе применялась методика информативно-целевого анализа текста [Дридзе, 1984], направленная на выявление его логико-фактологической цепочки, определение иерархии разнопорядковых смысловых блоков – основной идеи сообщения и способов ее представления автором (анализ, описание, констатация факта, оценка), а также экспликацию мотива автора, его коммуникативного намерения, содержательной цели, включенной в более широкую сверхзадачу. Алгоритм анализа заключается в последовательном выделении словесно выраженных предикаций первого порядка (общее содержание) и, далее, предикаций второго порядка (тезисы-аргументы, опорные для главной цели), предикаций третьего порядка (развертывание основного тезиса-аргумента), описании и (аналитической) оценке проблемной ситуации. При анализе учитывается

выделение реципиентом оценки – ключевого момента, порождающего, как правило, основной тезис, выступающий как «разрешение» обозначенной автором ситуации. Предикации третьего, четвертого и т.д. порядков – это иллюстрации основного тезиса, включающие в себя общий фон к основной цели и к последующим тезисам.

2. На втором этапе использовалась методика свободного ассоциативного эксперимента, результаты которого дают возможность реконструировать личностный смысл предъявленного в эксперименте стимула в сознании реципиента. Для реализации поставленных в работе целей был выбран стимул СССР, предъявленный в одной и той же группе респондентов дважды с задержкой в 1,5 часа. Такое решение было обусловлено учетом известного в психологии и психолингвистике факта, что первичное предъявление стимула часто провоцирует реакции, определяемые социальными стереотипами, которые сконструированы в обществе при помощи методов, типичных для социальной инженерии, не осознаваемые, как правило, человеком.

Участниками эксперимента были студенты вуза, общее количество – 50 человек, средний возраст – 20 лет. Материалом для первого этапа исследования послужил текст статьи социального психолога А. Рощина «Люди ни во что не верили. И себе не верили»². Данный выбор определялся следующими причинами: 1) тема полностью отвечала целям исследования; 2) Lenta.ru входит в рейтинг самых популярных сайтов в Интернете, причем на этом сайте размещаются новостные сюжеты «Первого канала», являющегося преемником государственной телерадиокомпании и ориентирующего свою редакционную политику на поддержку официальной позиции власти; 3) публикация вышла в преддверии тридцатилетия распада СССР, позиционировалась как главная новость и рекомендовалась к прочтению Google-новостями и другими поисковыми системами, и это дает веские основания предполагать, что транслируемая точка зрения на нашу историю была донесена до значительного числа пользователей Интернета, подавляющее число которых – молодые люди.

Результаты и их обсуждение. Анализ макроструктуры статьи, проведенный по методике Т.М. Дридзе с целью экспликации мотивационно-целевой структуры текста, позволил выявить как коммуникативное намерение автора, его цель, так и его основные и второстепенные элементы (предикации первого, второго и третьего порядков).

Цель сообщения: дискредитировать идеологию СССР как государства определенного социального типа, доказать закономерность его распада, предопределенную несколькими причинами, прежде всего неэффективной экономикой и связанным с ней экономическим кризисом, а также пониманием национальными элитами того факта, что они сами, без «надсмотрщика и выкачивателя» из Москвы, способны распорядиться своими национальными богатствами.

А – 1 эл. – Основной тезис-аргумент: советский народ – это абстрактный термин, идеологический конструкт, созданный и внедряемый в массовое сознание оккупационной властью большевиков, представляющей собой вертикаль, пронизывающую все общество и удерживаемую силой при помощи КГБ. Операционально – это люди, подчиняющиеся приказам из Москвы, термин отражал сущность коммунистической идеологии, ярко проявлявшейся в соцреализме.

А – 2 эл. – Развертывание/разъяснение основного тезиса-аргумента: идеология правящей партии внедряла всеобщие паттерны поведения; людей дрессировали, как нужно говорить и действовать.

А – 3 эл. – Описание, оценка ситуации, породившей основной тезис: главная черта советского человека – двоемыслие, даже троемыслие.

Б – Второстепенные элементы

Б – 1.1. – Предикация 3 порядка: существовала общая индоктринация, люди произносили слова как мантры, не понимая их смысла и не вникая в этот смысл.

² URL: https://lenta.ru/articles/2021/03/27/homo_soveticus/ (дата обращения: 27.03.2021).

Б – 1.2. – Иллюстрации к разъяснению основного тезиса, к ситуации, ее описанию, оценке: люди определяли свою принадлежность по территории, на которой проживали; человек мог выступить и рассказать про дружбу народов, а потом пойти поджигать дом своего соседа, потому что он другой национальности.

Б – 2. Предикации четвертого порядка

Б – 2.1. Общий фон к цели сообщения: советская власть воспитывала людей-актеров, произносивших слова как мантры, особенность советского народа – всеобщий поражающий цинизм.

Б – 2.2. Общий фон к основному тезису: советского человека определял набор идеологических мантр, определявших его карьеру. Отсутствие актерских способностей закрывало все дороги. Признак избранности – возможность не произносить мантры, повторяемые толпой, и даже смеяться над ними.

Б – 2.3. Фоны к фонам:

СССР – империя со своей коммунистической идеологией, служившей ему миссией, являлся огромным соцпредприятием с перемешанными равномерно людьми, воспринимавшимися остальным миром именно как «люди с одного завода – заводские», т.е. «русские», хотя это вызывало огромное возмущение у представителей разных национальностей.

Советская империя была «скроена» на вненациональной основе, а нации официально оставались на уровне фольклорных праздников, хотя в реальности существовало множество межнациональных противоречий.

СССР – это Франкенштейн, собранный из множества мертвых людей, которыми, по сути, являлись республики, удерживаемый от распада силой.

Фантом советского народа – общая риторика, которая передается из поколения в поколение, несмотря на образовавшиеся новые независимые страны, и продолжает рассматриваться как агрессивный сигнал и страшный признак всем остальным миром.

Полученная макроструктура текста представлена в виде графической схемы (рис.).

В целом анализ статьи позволяет заключить, что текст относится к «лозунговым»: он общедоступен, обращен к эмоциональной сфере, что подтверждается наличием большого количества метафорических выражений, экспрессивно маркированных и идеологически напряженных через поле «национальное» лексических единиц: *национальные элиты; национальность – это постыдный признак, пережиток прошлого; гонения; балансирование на одной ноге; тотальный контроль; СССР – большой торфяник; адское пламя; жить на пороховой бочке; «задержавшаяся империя»; куда идут деньги; насилие центра по отношению к окраинам; все ресурсы тратились на гонку вооружений; тоталитарная идеология; труп; Франкенштейн, сшитый из множества разных кусочков; республики – это мертвые люди* и т.д. Все эти единицы отличает свойство внешней включенности в более высокие ценности *национальное возрождение, освобождение от имперского гнета*. Отсутствие аргументации и приведения противоположных точек зрения, ссылок на научные работы, цитат из серьезных исследований, подменяемых строками из В. Маяковского и отсылками к роману Дж. Оруэлла, дают возможность сделать вывод о том, что прагматический аспект анализируемого текста лежит не в области научного поиска с целью разобраться в том, чем на деле являлись СССР и советский народ, а в сфере политики и управления массовым поведением через формирование запрограммированного восприятия исторических событий.

Результаты, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, позволили выявить отдельные компоненты структуры психологического реального значения слова СССР и смоделировать его содержание в сознании современных студентов.

На первом этапе эксперимента было получено 253 ассоциативные реакции (далее AP), в результате анализа которых были выделены несколько компонентов, составляющих в совокупности групповой смысл исследуемого слова, представляющий собой некодифицированную форму усвоенного общественного опыта, точнее, того опыта, который в настоящее время направленно транслируется в сознание через разные типы дискурса.

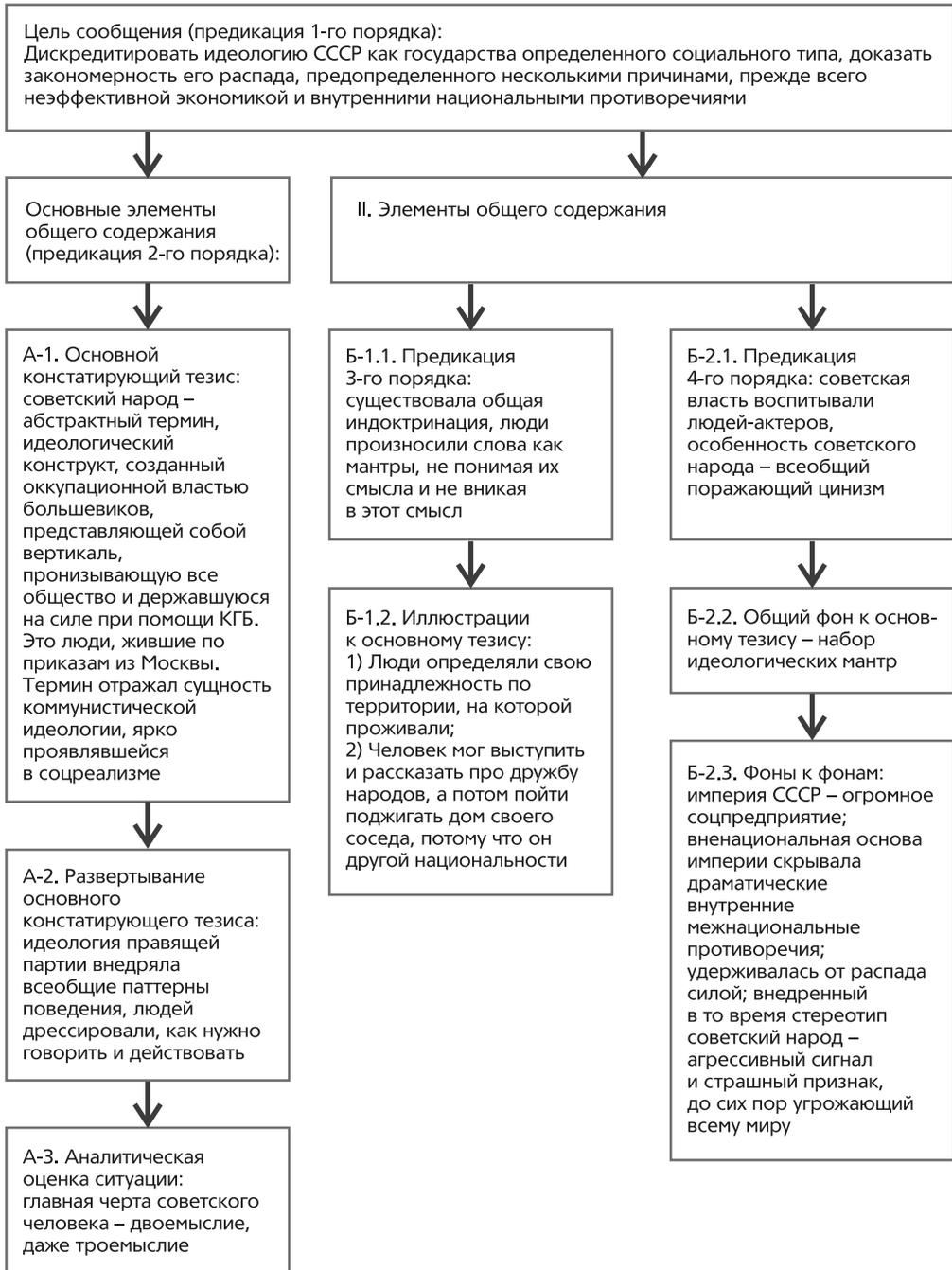

Рис. Макроструктура текста статьи «Люди ни во что не верили. И себе не верили»

Как и предполагалось, значительное число ассоциативных реакций репрезентируют социальные стереотипы, конструируемые в сознании молодых людей в течение последних десятилетий, в том числе и через СМК. Прежде всего к таким стереотипным составляющим общего содержания значения можно отнести АР, касающиеся *репрессий* (19) и *победы в Великой Отечественной войне* (15). Очевидно, что количественное наполнение этих составляющих значения отличается незначительно, при этом их смысловое содержание явно противоречит друг другу: запуганные люди, писавшие доносы и сидевшие в лагерях, не были бы способны одержать победу в той смертельной битве, в которой сошлись две кардинально противоположные идеи. Однако эта несовместимость компонентов не осознается молодыми людьми, что характерно для социальных стереотипов, тесно связанных с эмоциями и благодаря этому своему свойству являющихся исключительным средством внушения [Бернейс, 2010; Lipmann, 1966], не просто определяющим мировоззрение и систему ценностей человека, но и позволяющим регулировать его действия извне.

Весьма емкими по количеству ассоциативных реакций оказались еще два компонента психологической структуры значения. В один из них вошли АР – имена *руководителей СССР* (26), начиная от В.И. Ленина (6) и заканчивая Н.С. Хрущевым (1). Безусловным лидером здесь являлся И.В. Сталин (14), упоминался М.С. Горбачев (3) и Л.И. Брежнев (2). Второй, неразрывно связанный с этими именами и практически совпадающий с предыдущим по количеству АР (32), включенных в него, – это компонент, обозначенный нами как *значимые события*, – *Октябрьская революция, красный террор, философский пароход, Израиль и Палестина 1948, дело врачей, оттепель, XX съезд КПСС, мать Кузьмы, кукуруза, холодная война, застой, Афганистан, груз 200, разрядка, новое политическое мышление, Чернобыль, августовский путч, переворот, перестройка, гласность, Сахаров, Мурманск, пелси за подлодку* и т.д. Эти компоненты, на наш взгляд, весьма информативны: они выглядят именно как некие пересекающиеся точки знаний молодых людей о практически столетнем периоде нашей истории, причем коннотации, связанные в сознании с большинством из этих событий, как и их оценку, в подавляющем большинстве случаев определить достаточно сложно.

Выявляются компоненты *плановая экономика, индустриализация, колхозное строительство* (25); *символика СССР* (13); *детали советского быта* (13); *идеология* (11); *спортивные достижения* (9); *космические достижения* (8); *советский кинематограф* (5); *закрытость от внешнего мира* (5).

Особого внимания требует компонент, который может быть назван по одной из полученных в эксперименте реакций – *лучшая страна в мире*. Все АР (31), включенные в него, связаны с положительной оценкой различных аспектов жизни в СССР: типа социальных отношений – *сплоченность, интернационализм, дружба, уверенность в завтрашнем дне* и т.д., социальных гарантий – *бесплатное (лучшее) образование, медицина* и т.д., эмоциональной оценки – *первые в мире во всем, держава* и т.д., основного состава населения – *рабочий класс, пролетариат, характерных черт человека – простота, самопожертвование* и т.д. Как и в случае с полярными социальными стереотипами, присутствующими в числе компонентов, входящих в общую структуру психологически реального значения, компонент *лучшая страна в мире* имеет своего антагониста – *ужасная страна*, где сконцентрировались АР (33), отражающие негативную оценку СССР: *традиционно выделяется тема подавления свободы, отсутствия перспектив* (10), *дефицита и связанной с ним спекуляции* (6), *лицемерия и глупости власти* (5), *разрухи* (4) и т.д. и, как результат игнорирования всех проблем, связанных с неэффективностью управления, – *проигрыша*.

Несколько реакций заслуживают, по нашему мнению, особого упоминания: это две реакции *секса нет*, явно отсылающие к известному телестому, компонент *история* (4) и единичная (sic!) реакция *совок*, что было весьма неожиданным, так как данное определение давно и активно вводилось в оборот СМК.

На втором этапе эксперимента из общего количества полученных реакций (127 АР) определенная их часть (14) вновь представляла собой перечисление руководителей

СССР, однако в данном случае акцент был смещен на В.И. Ленина (6) – Ленин, Ленин молодой и Н.С. Хрущева (3) – Хрущев все разнес. Репрессиям было уделено практически в три раза меньше внимания, чем в первом эксперименте (7 АР), компонент *подавление, ограничение свободы* также присутствовал и отразился в 9 АР – *утечка мозгов (2), невозможность смотреть мир, нельзя выражать свое мнение, тотальный контроль, много специалистов, не получивших признания в СССР, мрак, страх, культ*. Остался (весьма незначительно представленным) компонент *Великая Отечественная (Вторая мировая) война, Родина-мать зовет (4)*, появились новые АР (11), которые были отнесены к компоненту *дела быта* – *телефон с колёсиком, сталинки, мороженое, коммуналка* и т.д.

Но наиболее интересным, на наш взгляд, является то, что на втором этапе 25% (32 АР) от общего числа полученных ассоциативных реакций отражали положительную оценку различных сторон жизни того периода – *бесплатное жилье, всем всего хватает, заводы, герои, движение, доброта, идеи, культурное достояние, Луначарский, Высоцкий, лучшие ученые, лучшее метро, мощнейшая держава, нет безработицы, объединение, огромная, в Советском Союзе такого, как сейчас, не было, открытость, память, Первомай, передовики производства, писатели-легенды, культурное достояние, покорили планету идеями, полет в космос, равенство, республики, семья, субботники, труд, целина, щедрость* и т.д. Иначе говоря, в условиях отсроченного эксперимента, когда реагирование на стимул «управляется» уже качественно иным типом мыслительного процесса – понятийным, когда данная респондентом реакция – это соединенное со словом осмысленное отношение к феномену, сформированное в процессе рефлексии над ним, картина несколько изменяется: если в первом эксперименте компонент *лучшая в мире страна* в общем смысловом поле, отражающем содержание значения слова СССР в сознании группы, составляет 12%, то во втором эксперименте он удваивается, достигая почти 25% от общего количества данных АР. Более того, в данных реакциях проявляется бессознательный культурный архетип – «жить по справедливости», уходящий корнями в исторический опыт народа.

Таким образом, смыслы, определяющие, по мнению А. Рощина, суть СССР, его идеологии и жизни людей, транслируемые через СМК в массовое сознание с целью не просто внушить мысль об абстрактном характере термина *советский народ*, но и отвращение к существовавшему в тот исторический период типу личности, лишь частично отражают смысловое поле феномена СССР в групповом сознании современного студенчества. Безусловно, негативная оценка, как уже упоминалось выше, присутствует в структуре психологически реального значения слова, более того, занимает в его содержании не последнее место. Однако в действительности это содержание оказывается значительно шире, причем в нем еще сохраняются компоненты значения, которые являются свидетельством как частично сохраненных культурных констант, так и знаний о достижениях страны и специфике социальных отношений, сделавших ее одной из величайших держав мира.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать три основных вывода.

В настоящее время наблюдаются активные попытки переписать историю с целью сформировать у новых поколений, родившихся уже после исчезновения СССР с геополитической карты мира, иное понимание места и роли Советского Союза как государства нового типа в мировом масштабе, и, соответственно, иное мировоззрение, соответствующее пониманию СССР как империи зла, возникшей в результате оккупации России партией большевиков, доминирующему в англосаксонской цивилизации. Именно этот метод переписывания истории, включающий в себя целый комплекс стратегий и тактик (вербальных и невербальных) как один из методов манипуляции обществом, рассчитанный на длительную перспективу, на разрушение исторической памяти, используется в проанализированной в ходе проведенного исследования статье, прагматическая цель автора которой лежит в сфере политики.

К настоящему моменту, как показывают полученные результаты, данная цель пока не достигнута: значительное число ассоциативных реакций, появляющихся в эксперименте, указывают на сохраняющиеся, характерные именно для цивилизационной матрицы русской

культуры, скрытые потребности в глобальной высшей идее, когда-то покорившей мир, в уверенности в своем будущем, в достижениях страны, которыми можно гордиться. С другой стороны, отчетливо растет негативная оценка СССР: если в 2018 г. восприятие понятия «Советский Союз» респондентами было, скорее, положительным и вызывало позитивные чувства у 53% опрошенных, негативные – только у 8% [Горшков, Петухов, 2018: 15], то в нашем эксперименте на первом его этапе положительную оценку стимул СССР вызвал только у 12% студентов, и эта цифра лишь удвоилась на втором этапе.

Полученные данные позволяют предполагать, что знания о советском периоде истории страны – фрагмент общей когнитивной базы, обеспечивающей преемственность культуры, – находятся в нестабильном состоянии. Наблюдаемые сегодня в СМК и ряде других дискурсивных практик тенденции представления советского периода, направленные на лишение не только молодого поколения, но и всего народа, своего прошлого, могут обернуться утратой коллективного эго, «идентификационной спутанностью» [Эриксон, 1996], последствия чего, как свидетельствует история, могут оказаться самыми трагичными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернейс Э. Пропаганда / Пер. с англ. И. Ющенко. М.: Hippo Publishing, 2010.
- Булавка Л.А. «Русская душа» и «советский дух» как два феномена отечественной культуры // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2008. № 3. С. 66–71.
- Горшков М.К., Петухов В.В. Октябрьская революция 1917 г. и ее последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 6–18.
- Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
- Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
- Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 6–28.
- Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл; Академия, 2005.
- Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 189–196.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. №11. С. 13–22.
- Романовский Н.В. Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 79–90.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
- Эриксон Э.Г. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. А.А. Алексеев. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
- Lippman W. Public Opinion. N.Y.: HARCOURT, BRACE AND COMPANY, 1966.

Статья поступила: 13.04.21. Принята к публикации: 22.06.21.

THE PAST IN THE PRESENT: USSR PHENOMENON IN MODERN MEDIA AND IN THE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN STUDENTS

BUBNOVA I.A.*, GOROKHOVA D.V.**

*Moscow City University, Russia; ** MGIMO University – Branch in Odintsovo, Russia

Irina A. BUBNOVA, Dr. Sci. (Philol.), Cand. Sci. (Psy.), Prof., Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow, Russia (aribubnova@gmail.com); Daria V. GOROKHOVA, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., MGIMO University – Branch in Odintsovo, Odintsovo, Russia (podrezova.dascha@yandex.ru).

Abstract. The article presents the data of experimental study aimed at revealing the features of the representation of the USSR's image in the text typical for modern Russian MCT, and the peculiarities of the content of the psychologically real meaning of this term in the perception of modern students. The use of macrostructure analyzing method of the text developed by T.M. Dridze allowed us to prove that such texts, appealing to the emotional sphere via expressively marked lexical units are aimed at destroying the historical memory of people and replacing it with artificially constructed knowledge. Based on specific results obtained in the course of associative experiment, it becomes clear that the goal set in such texts is partially realized: the semantic content of the psychologically real meaning of the term USSR reveals social stereotypes constructed through MCT. Moreover, the level of importance of negative assessment of the USSR component has increased compared to 2018, although it is not dominant: the semantic content of the meaning of the term USSR in the perception of students is much broader, and the component with the opposite assessment is clearly distinguished – the best country in the world. In general, the number of components with negative and positive connotation in the structure of psychologically real meaning is approximately equal, which proves the unstable state of the system of knowledge of the Soviet period in the country's history as a part of a common cognitive base that unites generations and ensures the succession of culture.

Keywords: MCT, rewriting of history, construction, USSR, psychologically real meaning, knowledge system, cognitive base, unstable state.

REFERENCES

- Bernays E. (2010) *Propaganda*. Transl. from Eng. by I. Yushchenko. Moscow: Hippo Publishing. (In Russ.)
- Bulavka L.A. (2008) "Russian soul" and "Soviet spirit" as two phenomena of Russian culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [Moscow University bulletin. Ser. 7. Philosophy]. No. 3: 66–71. (In Russ.)
- Dridze T.M. (1984) *Textual activity in the structure of social communication*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Dridze T.M. (1996) Social communication as a text activity. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. No. 3: 145–152. (In Russ.)
- Erikson E.G. (1996) *Childhood and society*. 2nd edition, revised and supplemented / Translated from English by A.A. Alekseev. St. Petersburg: Lenato, AST, Fond "Universitetskaya kniga". (In Russ.)
- Fitzpatrick Sh. (2001) *Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: gorod*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (2018) The October Revolution of 1917 and its consequences in the perception of modern Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–18. (In Russ.)
- Gudkov L.D. (2007) "The Soviet man" in the sociology of Yu. Levady. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. No. 6: 16–30. (In Russ.)
- Lebina N.B. (2006) *Encyclopedia of platitudes: Soviet everyday life: Contours, symbols, signs*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)
- Leontiev A.A. (1971) Psychological structure of meaning. In: *Semantic structure of the word*. Moscow: Nauka: 6–28. (In Russ.)
- Leontiev A.A. (2005) *Psychology of communication*. 3rd ed., Moscow: Smysl; Akademiya. (In Russ.)
- Lippman W. (1966) *Public Opinion*. New York: HARDCOURT, BRACE AND COMPANY.
- Medushevsky A.N. (2010) Stalinism as a model of social construction. To the end of the scientific and publishing project. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. No. 6: 189–196. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2015) The future as a problem of modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2018) Historical sociology in Russia: offspring and anxieties. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 79–90. (In Russ.)

Received: 13.04.21. Accepted: 22.06.21.

А.К. ПОЛЯНИНА, А.О. ГРУДЗИНСКИЙ

ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ ПРОДУКТОВ МЕДИАИНДУСТРИИ: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ

ПОЛЯНИНА Алла Керимовна – кандидат социологических наук, доцент (Alker@yandex.ru); ГРУДЗИНСКИЙ Александр Олегович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой университетского менеджмента и инноваций в образовании (aog@unn.ru). Оба – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Аннотация. Исследуются экспертизы продуктов медиаиндустрии, проводимые в целях обеспечения защиты детей от вредной информации. Эмпирической базой выступают тексты экспертных заключений, полученные Роскомнадзором с 2013 по 2019 г. Ставится вопрос о соответствии проводимых экспертиз принципам объективности, достоверности и обоснованности. Определяются доля нарушений и рассматриваются ошибки экспертов. Отмечаются пробелы в государственном проектировании экспертизы данного типа, имеющие негативные последствия для обеспечения информационной безопасности детей.

Ключевые слова: информационная безопасность детей • экспертная деятельность • возрастная маркировка медиапродукции • ошибки экспертов

DOI: 10.31857/S013216250012554-2

Введение. Защита детей и подростков от «взрослой» информации, способной нанести вред их нравственности и здоровью, имеет свою историю. В СССР не допускалось демонстрации жестких сцен насилия и секса в кино и на ТВ. Из поступавших в прокат зарубежных фильмов цензура удаляла фрагменты с «крутыми» сценами. В начале 1990-х гг. демоны медиарынка вырвались на волю, телеканалы заполнили боевики с криминальными разборками и эротика. В последнее десятилетие принимаются меры к ограждению детей и подростков от распространения через Интернет и по ТВ агрессивной видеопродукции. В их число входят возрастные рейтинги (такие как панъевропейская система PEGI), звуковое и визуальное предупреждение при показе потенциально опасных программ, установка автоматической фильтрации на устройствах (технология V-chip), разделение времени эфира на «детское» и «взрослое», услуга «родительского контроля», идентификация личности потребителя «взрослых» медиа, блокировка нежелательных сайтов и интернет-страниц.

В России разработан стратегический документ¹ и принят Федеральный закон «О защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее ФЗ № 436). Эта защита истолковывается порой как ограничение свободы доступа взрослого населения к информации с осуждением ограничительных мер как «административного произвола», вынуждающего взрослое большинство «смотреть интересные фильмы в ночное время, покупать платную подписку на специальные каналы» [Крашенинникова, 2013]. Экспертиза по медиапродуктам выступает полем конфликтов между: распространителями, общественными организациями и группами заинтересованных граждан. Частый аргумент критики существующей практики таких экспертиз сводится к тому, что на экспертов возлагают ранее упраздненные цензурные функции государства.

Проблемы социального контроля над оборотом медиапродукции имеют международный характер. В зарубежных работах выдвигается тезис, что общественный дискурс

¹ Доктрина информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 г.

о защите детей от связанных с медиа рисков выступает предлогом для ограничения властями демократических начал [Staksrud, Milosevic, 2017], обсуждается тема дискриминации прав сексуальных меньшинств [Drushel, 2020], рассматриваются эффект запретного плода, когда запреты усиливают интерес несовершеннолетних к тому, что объявлено опасным и вредным [Varava, Quick, 2015; Dalton, Schubert, 2011; Крашенинникова, 2013], проблема различий в толковании вредного контента [Price et al., 2014], увеличения «снисходительности» к одному из вредных критериев (например, сцен насилия в США) [Leone, Barowski, 2011], низкого доверия родителей к рейтинговой системе [Vaala et al., 2017]² и к государственному регулированию медиаиндустрии [Newell et al., 2009].

Организация экспертизы. В ФЗ № 436 приведены нормативные требования к экспертизе, касающиеся порядка аккредитации, сроков, финансового обеспечения, обязательных элементов текста заключения и правовых последствий экспертизы в виде обязательности принятия решения уполномоченным органом об устранении нарушения в случае обнаружения вредной информации и несоответствия знака информационной продукции. Требования к аккредитации экспертов включают наличие профессионального образования в области педагогики, возрастной психологии, возрастной физиологии, детской психиатрии, а также опыта работы по специальности. Экспертные мероприятия проводятся на основе оплаты услуг эксперта по договору, заключаемому между ним и заказчиком экспертизы. Заказчиками могут быть, как и в случае с другими гражданскими договорами, любые субъекты гражданского оборота.

Использование специальных знаний экспертов выступает для управленцев «своего рода страховочным механизмом, который позволяет пресечь последствия ошибок или преднамеренных действий производителя или распространителя при отнесении информационной продукции к той или иной возрастной категории» [Зинченко и др., 2013]. Государство как бы делегирует экспертному сообществу часть властных полномочий в виде возможности интерпретации вредного контента, особенно в силу ряда «пластичных» законодательных формулировок ст. 5-10 ФЗ № 436, допускающих произвол в их истолковании. Это относится, например, к ст. 5, п. 2.2: «К информации, запрещенной для распространения среди детей, относится ... информация, способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством».

ФЗ № 436 постулирует принцип независимости экспертов от государственного регулятора. Экспертные заключения должны содержать ответы только на три вопроса (Ст. 18, п. 7): о наличии или отсутствии в информационной продукции информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; о соответствии или о несоответствии информационной продукции определенной ее категории; о соответствии/несоответствии знака информационной продукции той категории, к которой относится представленная информационная продукция.

Подходы к исследованию практики экспертной деятельности. Экспертная практика рассматривается в специальной литературе как составляющая власти, один из механизмов социального контроля и способ оказания влияния на сознание, поведение и деятельность отдельных социальных групп [Сунгуров, 2015]. Поскольку инициирование экспертных мероприятий доступно любому заинтересованному лицу, экспертиза по медиапродуктам понимается также как институт применения специальных знаний, обеспечивающий «сужение диапазона возможных решений», необходимого в неопределенных условиях» [Филиппов, 2003].

² Авторы этого исследования ($N = 1431$) установили, что только 16% родителей детей в возрасте от 2 до 17 лет используют блокирующее устройство V-chip и что 81% родителей считают его не вполне полезным.

С августа 2019 г. по декабрь 2019 г. нами проведено исследование экспертной практики в данной сфере. Эмпирической базой выступали тексты всех экспертных заключений за период с 2013 по 2019 г., размещаемые на сайте Роскомнадзора³. Исследование охватило 172 экспертных заключения. Методом контент-анализа исследовались эти тексты. Исследование включало определение наиболее распространенных видов оцениваемых продуктов (кинофильм, печатная продукция, зрелищное мероприятие и т.д.) по критериям: общее количество обращений; количество выявленных нарушений.

Результаты исследования

1. Подмена цели экспертизы. Важным показателем эффективности экспертизы представляется отношение количества всех проведенных экспертиз к экспертизам, по результатам которых выявлена информация, запрещенная для распространения среди детей. Нами было установлено, что в среднем в 30% экспертиз обнаруживается запрещенный для детей контент. Этот показатель существенно не меняется с 2012 г. по настоящее время. Невысокий процент запрещенной информации может свидетельствовать о формальном проведении экспертной процедуры для снятия ответственности с распространителя за занижение возрастной категории и получения им экспертного заключения как лицензии на оборот товара.

На протяжении изучаемого периода подавляющая часть экспертиз проводилась по инициативе распространителей, их доля варьирует от 58 до 80%. Доля экспертиз, инициируемых заинтересованной общественностью, с 2012 г. снижается от 25% в 2015–2016 гг. до 5% в 2019 г.

Согласно ФЗ № 436 (ст. 6, п. 1) производители и распространители продуктов вправе сами осуществлять их маркировку и устанавливать возрастную категорию, привлекая в отдельных случаях экспертов. Превалирование распространителей среди заказчиков экспертизы может указывать на желание производителя медиа избежать репутационных издержек и юридической ответственности, связанной с занижением возрастной маркировки путем получения «официального мнения», которое в сознании потребителя ассоциируется с государственной оценкой продукции.

Доля заказов со стороны правоохранителей за все время не превышает 13% от числа экспертиз. Инициаторами дел, рассматриваемых правоохранителями с привлечением экспертного мнения, обычно оказываются общественники. Но если суммировать экспертизы, инициированные правоохранителями, с экспертизами по инициативе общественников и общественных организаций, то на конец 2019 г. она составляет не более пятой части проведенных экспертиз.

2. Заказной характер результатов экспертизы. Значимым является также отношение числа экспертиз, инициируемых тремя выделенными нами типами заказчиков: *распространителями, общественниками и правоохранителями*, к числу экспертиз, по результатам которых выявлена информация, запрещенная для детей. Логично предположить, что мотивом обращения *распространителя* за экспертизой выступает получение экспертного заключения с присвоением информационной продукции заниженной возрастной категории и уменьшение ограничений в ее распространении. Так, из инициируемых *распространителями* экспертиз запрещенная информация на протяжении семи лет выявляется экспертами не более чем в пятой части экспертиз. Из инициируемых *правоохранителями* – в трети случаев выявлялась запрещенная информация, что логично, если рассматривать результаты экспертизы в качестве доказательной базы как основания привлечения к юридической ответственности. Число экспертиз, проводимых по заказам *общественных организаций и инициативных граждан*, по результатам которых была выявлена запрещенная для детей

³ Полные тексты экспертных заключений были приведены на официальном сайте Роскомнадзора и находились в свободном доступе до декабря 2019 г. Далее информация о проведенных экспертизах была представлена там же в виде таблиц с указанием выводов.

информация, составляет в среднем более половины случаев. При этом часто экспертиза по заказу правоохранителей предполагает обращение общественников к надзорным или судебным органам и таким образом, по сути, изначально инициирована ими. Анализ показывает, что стабильность этих долей на протяжении исследуемого периода означает существование прочной связи между мотивом заказчика и результатом экспертизы, что прямо указывает на зависимость выводов от инвестора и, в целом, девальвирует экспертную практику как средство объективной оценки, дискредитирует экспертное мнение как авторитетное и надежное. Проблема кроется в процедуре финансирования экспертных мероприятий, на сегодняшний день допускающих финансовое давление на результаты экспертизы с целью занижения возрастного порога. Например, установление в отношении художественного фильма заниженной категории, чаще всего 12+ или 16+ вместо 18+ (запрещено для детей), означает просмотр его детьми в дневное время беспрепятственно.

3. Распределение выявленных нарушений по типам информационной продукции. Среди способов распространения информации или типов информационной продукции по числу выявленных нарушений к 2019 г. лидирует видеопродукция, однако по числу выявленной информации категории 18+ первое место занимают печатные издания. По сравнению с предшествующими годами чаще других видов информационной продукции экспертному анализу подвергалась видеопродукция (кинофильмы) и печатная продукция (2017 г. – 35%), а более всего за весь период нарушений выявлено в интернет-контенте: в 2018 г. – 43%; в печатной продукции в 2017 г. – 50%.

В периоды с 2012 по 2016 г. чаще остальных экспертизу проводили в отношении зрелищных мероприятий (2012–2014 – 30%), печатных изданий (2015 – 34%), а к 2016 г. – интернет-контента (23%). При этом информация, запрещенная для детей, ранее выявлялась чаще в зрелищных мероприятиях (в 2012–2014 гг. – 50%), печатных изданиях (2015 – 51%) и в Интернете (2016 – 42%). Информация, распространяемая в форме видеопродукции, выходит на первое место по числу выявленных нарушений. Тенденции изменения этих вариантов долей с 2012 по 2019 г. указывают на изменение мотивации инициаторов (заказчиков) экспертизы. Полагаем, что увеличение доли видеопродукции по количеству выявленных нарушений требований к распространению говорит о ее наиболее высоком потенциале по удовлетворению специфических медийных потребностей во «взрослом» контенте и о соответствующей реакции на это со стороны общественности.

Динамика изменения типов распространения информации, лидирующих по числу выявляемых нарушений, указывает на повышение спроса в отношении экспертиз информационной продукции, предполагающей наиболее массовое распространение. Здесь невыполнение требований к возрастной маркировке, во-первых, легко обнаруживается, во-вторых, влечет прекращение ее распространения, имиджевые издержки и финансовые потери. Например, кинофильм по сравнению с печатной продукцией имеет несравненно большую аудиторию, наличие «взрослого» контента подтверждается в нем видеорядом с более выраженным суггестивным воздействием по сравнению с текстом, а занижение возрастной маркировки приостанавливает прокат, что оборачивается финансовыми потерями для кинокомпании.

4. Ошибки экспертов. Анализ текстов экспертных заключений позволил выявить распространенные ошибки формального и содержательного характера. Выявлена частота их присутствия в текстах заключений в процентном отношении к количеству экспертиз за период.

4.1. Использование спорной, ненаучной терминологии, демонстрирующей скорее личную позицию эксперта, чем оценку вероятности причинения вреда. Эта ошибка чаще, чем в иные периоды, фиксируется в 2016 г. – в 8% экспертных заключений, в 2018 – в 2% и в 2019 – в 6%.

4.2. Прямое игнорирование вредного контента обнаружено в 5% заключений в 2018 г., в 2016 г. – в 4% и 2017 г. – в 2%. Например, наличие нецензурных слов и эвфемизмов – цензурных аналогов бранных слов не повлияло на вывод эксперта об отсутствии в текстах песен

запрещенной для детей информации. Продукции экспертом присвоена категория 16+, в другом случае – 12+. Заказчиком экспертизы в данном случае был распространитель.

4.3. Поверхностный анализ – наиболее распространенная ошибка. Она выявлена в 30% экспертиз, проведенных в 2015 г., в 12% – в 2017 г., в 4% – в 2016 г. и в 5% – в 2018 г. Представляется, что степень эластичности категорий, позволяющих эксперту допустить наличие вредного контента в информационной продукции для данной возрастной маркировки, явившихся единицами счета, повлияла на распространенность этой ошибки. Так, «оправданный сюжетом и жанром», «побудительный», «возбуждающий», «дискредитирующий» характер информации, «пропаганда», «кратковременность» и «эпизодичность» являются наиболее эластичными категориями, и именно их использование чаще всего порождает нестрогость экспертизы или, напротив, жесткость выводов.

4.4. Логическая ошибка была обнаружена только в 2% текстов за 2019 г. Например, при оценке издания эротического характера, имеющего маркировку 18+, делается парадоксальный вывод об отсутствии информации, запрещенной для детей.

Выводы. Качество экспертизы зависит от обоюдной ответственности власти и экспертного сообщества [Сунгуров, 2015], ее отсутствие ведет к низкому качеству экспертизы и к имитации экспертной деятельности [Косолапов, 2003]. Экспертиза информационной продукции часто становится средством «преодоления» законодательных барьеров распространения информации, методом снятия ответственности, поскольку эксперт не «наследует» ответственность, не перенимает ее от распространителя, если тот выступает ее заказчиком. На сегодняшний день не предполагается иной ответственности эксперта, кроме лишения аккредитации, например, в случае необоснованного превышения сферы его компетенции, оценки фактов, не относящихся к трем вышеназванным вопросам экспертизы. В некотором смысле экспертная деятельность подобного рода паразитирует на законодательных требованиях к обороту информации. Инвестирование заказчиком экспертной деятельности представляется подобным страхованию ответственности в мире случайности и риска [Giddens, 1991].

Поскольку именно авторитетное сообщество должно «поставлять» экспертов, возникает вопрос: может ли эксперт вообще быть назначаемым ведомством? Или оценку медиапродуктов вполне можно доверить общественным комиссиям, комитетам по классификации и комиссиям по жалобам, как это сделано в некоторых странах [Ефимова, 2019]? Коллизии, заложенные в дизайне этого вида экспертизы законодателем, проявляются в отсутствии «контроля со стороны самого экспертного сообщества или государства как основного потребителя», «фиктивности данного института в целом» [Крашенинникова, 2019: 102] и имитации социального контроля.

Возложение финансирования экспертных мероприятий на гражданское общество представляется отстранением государства от обеспечения безопасности. Конечная цель данного типа экспертизы есть реализация интересов неопределенного круга детей, то есть публичные интересы, и потому логически неверно возлагать ответственность и имущественное бремя за их реализацию на заказчиков экспертизы. Отсутствие механизма проверки качества экспертиз как на уровне государственного регулятора, так и саморегулирования создает благоприятную почву для злоупотреблений полномочиями при подготовке заключения, имеющего существенные правовые последствия. В итоге не соблюдаются нормативные требования о беспристрастности и независимости экспертизы.

В целом, проблемы экспертной практики концентрируются вокруг двух аспектов: 1) ошибочность правил финансирования экспертных мероприятий; 2) отсутствие механизмов контроля качества. Относительно второго аспекта на сегодняшний день выделяются два элемента контроля качества: предварительный – на уровне отбора (аккредитации) экспертов, и последующий – в форме оспаривания результатов экспертизы в судебном порядке и повторной экспертизы. Очевидна недостаточность этих мер. Представляется, что направлением решения этих проблем могут стать, во-первых, сбалансированное управление финансированием экспертных мероприятий с привлечением средств государства;

во-вторых, установление обязательных правил корпоративной ответственности в форме саморегулирования в целях в том числе создания единых площадок коммуникаций, выработки общей теоретической базы знаний, единых позиций и, разумеется, критической оценки коллегами текстов заключений. Экспертиза, понимаемая как составляющая фильтрации медиаконтента в случае конструктивной оптимизации, способна стать эффективным инструментом управления информационной безопасностью детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ефимова Л.В. Правовое регулирование информационной безопасности детей в Великобритании // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11. С. 121–131.
- Косолапов Н.А. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости // Pro et Contra. 2003. № 2. С. 18–31.
- Крашенинникова Ю.А. Дети и страхи в массмедиа // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). С. 191–200.
- Крашенинникова Ю.А. Проблемы обеспечения качества экспертной деятельности (на материале экспертизы информационной продукции в РФ) // Отечественные записки. 2019. № 3 (123). С. 87–103.
- Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53–70.
- Филиппов А.Ф. Участь эксперта // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7–15.
- Dalton D., Schubert C. When Classification Becomes Censorship // Griffith Law Review. 2011. No. 20. P. 31–66. DOI: 10.1080/10383441.2011.10854690.
- Drushel B. Of Letters and Lists: How the MPAA Puts Films Recommended for LGBTQ Adolescents Out of Reach // Journal of Homosexuality. 2020. No. 67. P. 174–188. DOI: 10.1080/00918369.2018.1528072.
- Giddens A. Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age // Cambridge: Polity Press. 1991. No. 5. P. 107–134.
- Leone R., Barowski L. MPAA Ratings Creep // Journal of Children and Media. 2011. No. 5. P. 53–68. DOI: 10.1080/17482798.2011.533488.
- Newell J., Blevins J., Bugeja M. Tragedies of the Broadcast Commons: Consumer Perspectives on the Ethics of Product Placement and Video News Releases // Journal of Mass Media Ethics. 2009. No. 24. P. 201–219. DOI: 10.1080/08900520903321025.
- Price J., Palsson C., Gentile D. What Matters in Movie Ratings? Cross-country Differences in how Content Influences Mature Movie Ratings // Journal of Children and Media. 2014. No. 8. P. 240–252. DOI: 10.1080/17482798.2014.880359.
- Staksrud E., Milosevic T. Adolescents and children in global media landscape: from risks to rights // Annals of the International Communication Association. 2017. No. 41. P. 235–241. DOI: 10.1080/23808985.2017.1387503.
- Vaala S., Bleakley A., Castonguay J., Jordan A. Parents' Use of the V-Chip and Perceptions of Television Ratings: The Role of Family Characteristics and the Home Media Environment // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2017. No. 61. P. 518–537. DOI: 10.1080/08838151.2017.1344668.
- Varava K., Quick B. Adolescents and Movie Ratings: Is Psychological Reactance a Theoretical Explanation for the Forbidden Fruit Effect // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2015. No. 59. P. 149–168. DOI: 10.1080 / 08838151.2014.998224.

Статья поступила: 16.09.20. Финальная версия: 03.02.21. Принята к публикации: 07.06.21.

EXPERT ASSESSMENTS OF MEDIA INDUSTRY PRODUCTS: INFORMATION SAFETY FOR CHILDREN

POLYANINA A.K., GRUDZINSKIY A.O.

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, Russia

Alla K. POLYANINA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (Alker@yandex.ru); Alexander O. GRUDZINSKIY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of University Management and Innovation in Education (aog@unn.ru). Both – Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Abstract. The purpose of the study is to evaluate effectiveness of expertise as a tool for managing information safety of society in the field of dangerous media products for children. Expertise is understood as one of the methods to reach compromise between conflicting interests of social groups

in relation to the media products. The experts' arguments, the percentage of violations detected by the expert in the total number of expert examinations, customers of expert opinions, types of information products and methods of disseminating information, the frequency of detecting certain categories of harmful information, formal and logical errors of experts were identified. Common problems of expert practice are identified and analyzed: lacking quality control of expertise; perversity of rules for financing expert events. Based on the analysis of experts' arguments, common errors in expert opinions are detected. The authority of the expert community, the "power of experts" is associated with the degree of "plasticity" in the wording of categorized harmful content. The conclusion is made about the gaps in the state design of this type of expert activity. The empirical base of the study was the texts of expert opinions in this area made between 2013 and 2019.

Keyword: management of children's information safety, problems of expert activity effectiveness, media security, age classification of media products.

REFERENCES

- Dalton D., Schubert C. (2011) When Classification Becomes Censorship. *Griffith Law Review*. No. 20: 31–66. DOI: 10.1080/10383441.2011.10854690.
- Drushel B. (2020) Of Letters and Lists: How the MPAA Puts Films Recommended for LGBTQ Adolescents Out of Reach. *Journal of Homosexuality*. No. 67: 174–188. DOI: 10.1080/00918369.2018.1528072.
- Efimova L.V. (2019) Legal regulation of children's information security in the UK. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice]. No. 11: 121–131. (In Russ.)
- Filippov A.F. (2003) The Fate of the expert. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 1: 7–15. (In Russ.)
- Giddens A. (1991) Fate, Risk and Security. In: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. No. 5: 107–134.
- Kosolapov N.A. (2003) Politics, expertise, society: nodes of interdependence. *Pro et Contra*. No. 2: 18–31. (In Russ.)
- Krashennikova Y.A. (2013) Children and Fears in Mass Media. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 2 (53): 191–200. (In Russ.)
- Krashennikova Y.A. (2019) Problems of ensuring the quality of expert activity (based on the material of expertise of information products in the Russian Federation). *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting]. No. 3 (123): 87–103. (In Russ.)
- Leone R., Barowski L. (2011) MPAA Ratings Creep. *Journal of Children and Media*. No. 5: 53–68. DOI: 10.1080/17482798.2011.533488.
- Newell J., Blevins J., Bugeja M. (2009) Tragedies of the Broadcast Commons: Consumer Perspectives on the Ethics of Product Placement and Video News Releases. *Journal of Mass Media Ethics*. No. 24: 201–219. DOI: 10.1080/08900520903321025.
- Price J., Palsson C., Gentile D. (2014) What Matters in Movie Ratings? Cross-country Differences in how Content Influences Mature Movie Ratings. *Journal of Children and Media*. No. 8: 240–252. DOI: 10.1080/17482798.2014.880359.
- Staksrud E., Milosevic T. (2017) Adolescents and children in global media landscape: from risks to rights. *Annals of the International Communication Association*. No. 41: 235–241. DOI: 10.1080/23808985.2017.1387503.
- Sungurov A.Y. (2015) Expert communities and power: interaction models, main functions and conditions for their implementation. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 53–70. (In Russ.)
- Vaala S., Bleakley A., Castonguay J., Jordan A. (2017) Parents' Use of the V-Chip and Perceptions of Television Ratings: The Role of Family Characteristics and the Home Media Environment. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. No. 61: 518–537. DOI: 10.1080/08838151.2017.1344668.
- Varava K., Quick B. (2015) Adolescents and Movie Ratings: Is Psychological Reactance a Theoretical Explanation for the Forbidden Fruit Effect. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. No. 59: 149–168. DOI: 10.1080 / 08838151.2014.998224.

Received: 16.09.20. Final version: 03.02.21. Accepted: 07.06.21.

© 2021 г.

С.Ю. БАРСУКОВА, А.В. ЗВЯГИНЦЕВ, Л.С. ЛАПТИЕВА

ОПЫТ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИХ ГРАЖДАНСКУЮ ПОЗИЦИЮ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (sbarsukova@hse.ru); ЗВЯГИНЦЕВ Арсений Васильевич – ученик лицея № 1535 (zvyagintsev.a@liceum1535.ru); ЛАПТИЕВА Лидия Сергеевна – ученица лицея № 1535 (l.laptieva@inbox.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Утверждение о низкой электоральной активности молодежи относится к числу эмпирически доказанных. Однако голосование (или отказ от него) является не единственным способом участия молодежи в избирательном процессе. Избирательные кампании – не только политическая борьба, но и пространство деятельности с множеством функциональных позиций, различающихся квалификационными требованиями и оплатой труда. Авторы статьи рассматривают участие молодежи в организации и проведении избирательных кампаний. Речь идет о деятельности в качестве уличных агитаторов, организаторов работы избирательных штабов, общественных наблюдателей или членов участковых избирательных комиссий. Статья последовательно отвечает на вопросы: каковы каналы рекрутирования молодежи в избирательные кампании? Какова мотивация молодежи и какие формы деятельности выбирают носители различных мотиваций? Как молодые люди оценивают свой опыт участия в избирательных кампаниях с точки зрения политического и карьерного самоопределения? Ответы на эти вопросы получены в ходе интервью (N = 31) с теми, кто в возрасте до 28 лет имел опыт участия в организации и проведении избирательных кампаний в Российской Федерации.

Ключевые слова: политическое волонтерство • избирательные кампании • политические технологии • участие молодежи в избирательных кампаниях

DOI: 10.31857/S013216250015537-3

В современной России общим местом стало утверждение о низкой включенности молодежи в политический процесс. Главным аргументом в пользу такого суждения является низкая электоральная активность молодых людей [Мартынова, 2013; Горшков, Шереги, 2010]. Однако электоральная активность – не единственный показатель политизации молодежи. Латентным признаком политизации являются суждения молодых людей о политической системе, их представления о легитимности действующей власти. Такое самоопределение в политическом пространстве при определенных условиях может привести молодежь к активным политическим действиям.

Статья написана в рамках совместного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Автономной некоммерческой организации «Экспертный институт социальных исследований» (АНО ЭИСИ) (проект № 20-011-33048).

Политическое самоопределение, включая сознательно выбранную аполитичность, может происходить на фоне и под воздействием различных событий микро- и макроуровня, важная роль в интерпретации которых принадлежит СМИ [Kazun, 2020; Kazun, Semykina, 2020]. Однако если говорить о пространстве *личного опыта*, непосредственно связанного с политической сферой, то важнейшим опытом может стать участие в избирательных кампаниях кандидатов в выборные органы власти. Речь идет о разнообразной деятельности, непосредственно связанной с проведением выборов в РФ: уличная агитация, работа в штабе, исполнение обязанностей наблюдателей или членов участковых избирательных комиссий. Именно этот опыт представляется нам крайне важным для формирования гражданской позиции молодых людей.

Таким образом, в нашем исследовании мы попытаемся описать опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и обобщить выводы, которые сделали участники этих кампаний о том, что повлияло на их самоопределение в политической сфере.

Эмпирическая база. В рамках исследования собрано 31 интервью с молодыми людьми, которым на момент участия в избирательных кампаниях в том или ином качестве было не более 28 лет¹. Мы не ограничивались каким-то одним регионом, хронологическим периодом или уровнем выборов. Наши информанты – люди, которые, будучи школьниками, студентами, аспирантами и молодыми специалистами, участвовали в избирательных кампаниях разного уровня. Их опыт получен в кампаниях, проходивших в Москве, Новосибирске, Ульяновской области, Краснодарском крае.

Возрастное ограничение исследования (28 лет) относится к возрасту на момент участия в избирательной кампании, а не к нынешнему возрасту респондента. Кто-то рассказывал об опыте участия в избирательной кампании середины 2000-х годов, а кто-то – о событиях минувшего года. Некоторые респонденты имели неоднократный и разнообразный опыт участия в избирательных кампаниях. Такой дизайн исследования позволяет сравнить оценку и опыт тех, кто принимал участие в избирательных кампаниях в разные годы и в разном качестве. В интервью указывается статус респондента на момент проведения интервью, тогда как в момент участия в избирательных кампаниях они в силу возраста являлись преимущественно студентами, реже – школьниками, аспирантами, молодыми специалистами.

Сбор интервью проходил в сентябре–декабре 2020 г. Для поиска информантов был сформирован краткий анонс исследования, размещенный в Фейсбуке, с призывом помочь с поиском респондентов. Интервью проводились в Zoom в течение 35–70 минут под запись и затем транскрибировались.

Молодость в обывательском сознании воспринимается как время перехода к социальной ответственности. В данном исследовании мы хотели проверить гипотезу, что участие молодых людей в избирательных кампаниях является не переходом, а собственно проявлением социальной зрелости. На основе интервью мы попытались ответить на следующие вопросы:

- можно ли считать участие молодежи в избирательной кампании признаком активной гражданской позиции?
- насколько обоснованно это явление маркируется как «политическое волонтерство»?
- является ли участие молодых людей в избирательной кампании этапом их вовлечения в политический процесс, или же возможен обратный эффект деполитизации?

Каналы попадания в избирательные кампании. Есть как минимум две группы каналов рекрутирования молодежи – институциональные и сетевые.

Первая группа – формализованные структуры, наделенные полномочиями командировать молодых людей на те или иные позиции в рамках избирательных кампаний.

¹ До недавнего времени в соответствии с постановлением «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1993 г. к категории молодежи в России относились граждане от 14 до 30 лет. 11 ноября 2020 г. Государственная дума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет.

Например, это могут быть партии или общественные движения, законодательно наделенные правом посылать своих представителей в качестве наблюдателей на избирательные участки в день голосования.

Другим вариантом рекрутирования являются неформализованные сетевые структуры как устойчивые неформальные связи людей на родственной или дружеской основе. Сетевой рекрутинг формирует доверие среди участников процесса: *«Все приходили по знакомству. Не было какой-то рекламы, все только знакомые знакомых. Случайные люди не приходили, поэтому не опасались провокаций, разглашения каких-то секретов»* (муж., аспирант). Достоинством сетевого рекрутинга является формирование сетевого доверия, что особенно важно в деятельности, сопряженной с разнообразными нарушениями, облегчающими путь к победе.

Как вариант, рекрутинг может задействовать оба регистра – сетевые каналы и формализованные структуры. Так, состав членов участковой избирательной комиссии (УИК) проходит формальное согласование и утверждается городской избирательной комиссией. Однако *«у меня папа работал в школе, был близко знаком с директором школы, он предложил мне подработать членом УИК»* (жен., индивидуальный предприниматель). В данном случае формальный порядок был использован как инструмент реализации неформальных договоренностей между директором школы и отцом будущего члена УИК.

Существуют различия в каналах рекрутирования в избирательные кампании провластных кандидатов (формально независимых или выдвигаемых парламентскими партиями) и сил, объединенных понятием несистемной оппозиции.

Рекрутинг молодежи для участия в кампаниях провластных кандидатов активно использует институциональные формальные каналы. Это могут быть Молодежные общественные советы при региональных избирательных комиссиях, Молодежные парламенты при региональных администрациях и пр. Например, в ходе избрания С. Собянина мэром Москвы активный рекрутинг молодежи шел через Центр развития при правительстве Москвы и Ресурсный центр по развитию и поддержке волонтерского движения «Мосволонтер». То есть лидеры политического пространства активно используют формальные организации и их административные ресурсы для вовлечения молодежи в избирательные кампании. В результате в штабе С. Собянина было задействовано более 10 тыс. волонтеров (оставим пока в стороне дискуссионность применимости этого термина) [Барсукова, Ионова, Сафиуллина, 2020].

Версия о принудительном участии молодежи в избирательных кампаниях не нашла подтверждения в ходе наших интервью. Участие школьников и студентов было добровольным, без прямого или косвенного административного принуждения со стороны руководства образовательных учреждений. Единственный случай откровенного давления – в истории молодого сотрудника службы социальной защиты: *«Вообще мне сказали: "либо ты идешь агитировать, либо мы тебя увольняем". Я пошла, чтобы сохранить работу. Хотя, конечно, они так прямо не говорили. Там было такое: ты можешь отказаться, но как бы ты сама понимаешь все последствия, ты же взрослый человек»* (жен., специалист). Речь шла об агитации за представителя партии «Единая Россия».

Мелкие игроки политического процесса и оппозиционные кандидаты не могут опираться на формальные структуры в поиске молодежи для участия в избирательных кампаниях. В этом случае рекрутинг идет по сетевым каналам. *«Меня туда позвал мой товарищ, одноклассник, который с "Яблоком" как-то контактировал и раньше»* (муж., студент).

Оппозиционные кандидаты опираются на добровольцев из числа тех, кто имеет схожие политические взгляды. *«Я сам пришел в их штаб, оставил данные. Это была такая деятельность, которая как бы самоорганизовывалась»* (муж., сотрудник фирмы).

Среди молодежи, участвующей в кампаниях провластных кандидатов, не было единообразия политических ориентаций: в интервью звучала как явная поддержка, так и открыто декларируемая аполитичность. Но оппозиционные кандидаты имели молодежную группу поддержки, более однородную с точки зрения политических ориентаций.

Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях. Рассмотрим, зачем молодые люди участвовали в этом действии. Напомним, что за редким исключением речь идет о добровольной деятельности.

Анализ интервью показал пять мотивов, которые в своем сочетании побуждают к участию в избирательных кампаниях. Речь идет об идеальных типах, которые разводятся по осям «отсутствие – наличие вознаграждения» и «сильная – слабая политизация».

Тусовщики. Избирательная кампания в восприятии «тусовщиков» похожа на веселое, иногда опасное, приключение. Обычно они попадают туда случайно, за компанию с друзьями. Примечательно, что «тусовщики» не всегда могут вспомнить, кого и куда избирали при их непосредственном участии:

«– Кажется, в Думу.

– Какую? Государственную или региональную?

– Ну... Они разные? (смеется)» (жен., студентка).

Мотивация «потусоваться» встречается у школьников и студентов, которым нечем занять себя в летние каникулы. «Лето, все разъехались, делать было нечего», «заняться нечем было», «я подумала, почему бы и нет». Избирательная кампания воспринимается как интересный формат досуга, где собираются молодые люди для необременительной работы в летнее время. Политическая повестка, идеологическая дискуссия их мало интересуют. «Я много приколов могу рассказать, весело было» (жен., студентка).

Карьеристы. В этом случае избирательная кампания воспринимается как элемент построения карьеры: кто-то планирует освоить профессию политтехнолога, кто-то пытается трудоустроиться в аппарате партии или стать помощником депутата. Так, один наш респондент после участия в избирательной кампании бросил учебу в институте и начал работать в аппарате одного политического деятеля. Не исключены амбиции стать политиком.

Но даже если в дальнейшем не планируется связывать карьеру с политикой и выборами, «карьеристы» находят возможности извлечь выгоды из участия в избирательной кампании – например, обзавестись связями для будущих рекомендаций, строчкой в резюме. Кто-то рассказывает о важности селфи с известными политиками для построения имиджа.

Конечно, не все партии и не все кандидаты равно хороши с точки зрения «карьериста». Особенно ценной воспринимается работа на «Единую Россию». Впрочем, у других парламентских партий тоже есть свои преимущества. «Коммунисты явно нуждаются в свежей крови. Там сейчас можно быстро выделиться, чтобы тебя заметили и стали двигать» (муж., безработный).

Желающие заработать. Некоторые молодые люди участвуют в избирательной кампании преимущественно ради денег.

В СМИ уличных агитаторов часто называют волонтерами, что не всегда корректно. Волонтер работает бесплатно, исходя из внутренних убеждений. Многие же наши респонденты получали оплату труда. «Деньги платили, но продолжали называть это волонтерством, потому что касса была черной, всем платили наличкой» (муж., студент).

Нужно оговориться: среди уличных агитаторов есть те, кого по праву можно считать политическими волонтерами. Как правило, это участвующие в выборах на стороне внесистемной оппозиции. Мы не беремся судить о финансовой стороне этих выборов, но обычные уличные агитаторы в своем большинстве работали абсолютно бесплатно. Возможно, это связано не столько с ограниченностью бюджета, сколько с тем, что протестная риторика вызывает к активной гражданской позиции, что делает разговор о деньгах неуместным. «Какие деньги? Вам нравится, что в стране коррупция и вот это все? Мне не нравится. Я поэтому пошла к ним. Откуда у них деньги, если они с коррупцией борются? Там все бесплатно работали» (жен., сотрудница аппарата общественного движения).

Но такое политическое сподвижничество – скорее исключение из правил. Доминирует идея оплачиваемого труда. В избирательных кампаниях молодые люди могут

заработать неплохие деньги. Где-то платили повременно, где-то сдельно в зависимости от характера деятельности. Но для школьников и студентов это были весьма неплохие деньги [Барсукова, Ионова, Сафиуллина, 2020]. Мотивированных преимущественно деньгами не особо или совершенно не интересовал результат: *«За день до выборов нас собрали в их офисе. Говорили слова, что мы молодцы, хорошо поработали, но всем было на это плевать, все тупо хотели, чтобы с ними расплатились»* (муж., студент).

Характерно, что найм уличных агитаторов обходится, как правило, без формальных контрактов. На эти цели расходуется теневой фонд избирательной кампании [Gel'man, 1998; Барсукова, Денисова-Шмидт, 2020]. *«Мы что-то подписывали, но точной цифры там не было»* (муж., студент). Теневый характер трудовых отношений связан в том числе с тем, что состав уличных агитаторов постоянно меняется (многие отказываются через несколько дней) и документальное оформление отношений найма существенно увеличило бы административные издержки.

Подчеркнем, что «любовь к деньгам» не означает аполитичность данного мотивационного типа. Политические убеждения могут присутствовать. Однако решение участвовать в избирательной кампании принимается на основе возможности заработать.

Поборники честных выборов. Некоторые молодые люди, участвующие в избирательных кампаниях, движимы желанием обеспечить соблюдение процедуры выборов, «чтобы все было честно».

Поборники честных выборов находят себя в роли наблюдателей и членов участковых избирательных комиссий, где они готовы *«инвестировать свое время в чувство, что ты следуешь своим идеалам, что благодаря тебе выборы на этом участке прошли честно»* (М., сотрудник фирмы).

Наблюдатели на избирательных участках – это люди с повышенной социальной и гражданской активностью [Скокова, 2015; 2016]. Наблюдатель находится в позиции арбитра, который стоит над схваткой и следит за тем, чтобы победил сильнейший. И этим сильнейшим может оказаться политическая сила, которая не вызывает симпатии. Этот мотивационный тип готов жертвовать собственными политическими предпочтениями ради торжества формальной процедуры. В их шкале предпочтений соблюдение закона стоит выше победы той политической силы, за которую они голосуют. При всем обывательском скептицизме деятельность наблюдателей если и не устраняет, то сдерживает фальсификацию результатов голосования [Коргунюк, 2008].

Борцы за политические убеждения. Политизированные молодые люди куют победу «своего» кандидата. Особенно ярко выражен этот мотив среди оппозиционно настроенной молодежи. *«Я очень активно агитировал за Навального, когда тот баллотировался на мэра. Получал агитационные материалы, пытался раздавать в метро, вести разговоры с людьми. Я тогда работал на фул-тайм и после работы занимался такой агитацией. Это совершенное волонтерство, полностью бесплатно, это была такая мощная инициатива снизу»* (муж., молодой специалист).

Данный мотивационный тип встречался среди сторонников внесистемной оппозиции. Горячих защитников и проводников интересов провластных кандидатов в ходе интервью встретить не удалось. Напротив, молодые люди, поработавшие на избирательной кампании провластных кандидатов, которые опирались на административный ресурс и понимали его значение для итогов выборов, получали мощную дозу циничного отношения к электоральному процессу.

Формы участия молодежи в избирательных кампаниях. В нашем исследовании было выявлено несколько форм участия молодежи в избирательных кампаниях, которые различались как функционально, так и с точки зрения организации деятельности, квалификационных требований и возможного вознаграждения.

Представим краткое описание этих форм деятельности в виде табл.

Очевидно, что в зависимости от доминирующей мотивации молодые люди выбирают различные функциональные роли.

Таблица

Формы участия в избирательных кампаниях и их характеристики

Формы	Функционал	Продолжительность	Квалификация	Канал рекрутирования	Оплата труда
Наблюдатели	Не допустить нарушений на УИК в ходе голосования	Период голосования	Минимальный тренинг или инструктаж	Направление от партии или общественного движения	Безвозмездно, в редких случаях оплата около 500 руб.
Члены участковых избирательных комиссий (УИК)	Обеспечение процедуры голосования	Подготовка (списки избирателей, открепительные талоны, подготовка помещения) и проведение голосования	Тренинг, инструктаж, курсы для председателей УИК	УИК формируется преимущественно из работников социальной сферы (добровольно-принудительный характер)	Гарантированная оплата из бюджета в зависимости от отработанных часов. Обычно 2–4 тыс. руб.
Уличные агитаторы	Привлечение внимания к кандидату, побуждение проголосовать за него	От нескольких дней до нескольких недель в зависимости от дизайна избирательной кампании и ее бюджета	Необходимы коммуникативные навыки	Объявления о наборе или сетевые контакты	Варианты: от бесплатной помощи до щедрого вознаграждения
Бригады уличных агитаторов	Организация деятельности уличных агитаторов	Период ведения уличной агитации	Опыт организаторской деятельности	Объявления о наборе или сетевые контакты	Оплачиваемая работа, даже если агитаторы работают бесплатно
Члены избирательного штаба	Организация избирательной кампании	Вовлеченность 24/7 в течение всего периода электоральной борьбы	Креативность, опыт ведения кампаний	Политтехнологи собирают «свои» команды на основе сетевых контактов	Оплата труда зависит от бюджета кампании

«Тусовщики» предпочитают уличную стихию и разнообразные приключения в штабе: уличная агитация, поквартирные обходы, раздача агитационных материалов в людных местах, организация встреч с избирателями и пр. Сидеть наблюдателем на участке или работать в составе участковой избирательной комиссии они не расположены. «Что такое комиссия? Это завуч и учителя. Там тусить не с кем» (муж., аспирант).

«Карьеристы» предпочитают работу в штабе. Там мелькают политики, будущие депутаты. Остальные формы деятельности не соответствуют их запросам.

Ориентированные на денежное вознаграждение исключают для себя работу в качестве наблюдателя (почти всегда бесплатную) или члена УИК (гарантированно оплачиваемую, но очень скромно). Они предпочитают работу в штабе или в качестве уличного агитатора, где старшеклассники и студенты могут заработать неплохие для их возраста деньги. Однако с существенной оговоркой: оплата зависит от бюджета кампаний, то есть различается у разных кандидатов. Соответственно, этот мотивационный тип ищет наиболее «дорогую» кампанию.

Поборники честных выборов находят себя в роли наблюдателей и членов УИК, где противостоят нарушениям в ходе голосования. Они не согласятся срывать листовки

конкурентов, фабриковать фейковые новости и пр., соответственно, непригодны для уличной агитации и работы в штабе, где действует принцип «победа любой ценой».

Наконец, борцы за политические убеждения, наоборот, не идут в наблюдатели или члены УИК. Им нужны активные действия по продвижению представителей своих интересов, что приводит их в штабы или, при отсутствии опыта, на улицы – стоять на тумбах, раздавать листовки, агитировать, собирать подписи и пр.

Таким образом, функциональное разнообразие деятельности позволяет вовлечь в избирательные кампании молодежь с разными мотивами.

Выводы участников избирательных кампаний. Кампании приходят и уходят, а их участники остаются. И опыт, который они получили в ходе кампаний, в значительной степени определяет их дальнейшее отношение к политическим процессам, влияет на их политическое самоопределение.

В целом воспоминания молодых людей о своем участии в избирательных кампаниях варьируются от крайне негативных до восторженно-позитивных. Негативные воспоминания фокусируются на трех моментах – организация деятельности, вопросы оплаты труда и применение административного ресурса.

Организация деятельности. Молодые люди, за редким исключением, ожидали, что избирательная кампания – территория партнерского стиля управления и командного духа. Бюрократический стиль управления и авторитарные наклонности лидеров оказались для многих неприятным сюрпризом: «Что мне невероятно не понравилось в этом штабе [штаб «Яблока». – Прим. авт.], что меня сильно расстроило, это атмосфера – бюрократия, какая-то тупость в организации всего» (муж., студент). «Вообще это был полный трэш, как это было организовано. Кандидат был совсем неадекватный, если честно, очень токсичный, его никто не любил. И поэтому везде, где можно было прохалавить, все халявили. Работая на кандидата, желали ему поражения» (муж., аспирант).

Оплата труда являлась «горячей точкой» в отношениях с работодателем, поскольку плата уличных агитаторов практически всегда шла из теневого бюджета избирательных кампаний. «Много раз менялась схема оплаты. Сначала говорили, что будут платить раз в две недели, потом раз в неделю, потом говорили, что будут платить за каждый день, но не платили. И постоянно множилось слухи, что не заплатят вообще, всех кинут» (муж., студент).

Практически все молодые люди, воспринимающие кампанию как подработку, в той или иной степени понимали теневой характер трудовой сделки. Многие уличные агитаторы полагались на устную договоренность и, как правило, получали деньги наличными. Некоторые строили догадки, откуда берутся деньги на оплату их труда: «Они явно на типографии сэкономили. Проведешь, вся краска на пальце остается. А футболки? Это было какое-то лютное дерьмо, самое дешевое. Денежки там явно отмывались» (муж., студент).

Один из наших респондентов, будучи молодым сотрудником региональной администрации, два месяца провел в сельских избирательных округах, налаживая работу избирательных штабов. При этом ему исправно платили зарплату специалиста отдела, в котором он числился.

Таким образом, участие в избирательной кампании оказалось для молодых людей экскурсом в теневую экономику с характерными для нее рисками и незащищенностью трудовых прав.

Использование административного ресурса также относится к неприятным открытиям молодых людей. Свой опыт участия в избирательных кампаниях некоторые резюмировали как расставание с иллюзиями по поводу политической конкуренции. При этом уровень участия в кампании значения не имел: об административном ресурсе говорили все – от уличных агитаторов до членов УИК.

Так, рядовой студент, бригадир уличных агитаторов, открыл для себя, что «листовки нужно было клеить ночью. Потом листовки всех, кроме “Единой России”, быстренько

срывали» (муж., безработный). Так молодой человек познакомился с тем, что принято называть административным ресурсом.

Воспоминание члена УИК: «Под конец дня выборов прилетели тетки из администрации, охали, кудахтали, что за кого-то не хватает голосов. ...Было понятно, что они хотят изменить ход выборов. И это вмешательство мой молодой ум возмутило, и после того я для себя приняла решение, что выборы нечестные» (жен., индивидуальный предприниматель).

Сотрудник избирательного штаба рассказывал об организации кампании в сельском округе, куда он был направлен региональной администрацией: «В работу нашу входило мешать конкурентам всеми способами. Например, на какой-то площади конкурент планирует свое собрание. Звонишь главе поселения: делай что хочешь, хоть выставку комбайнов устраивай, хоть перекопай всю площадь...» (муж., молодой специалист). Таким образом, участие в избирательной кампании явилось личным переживанием ввиду осознания могущества административного ресурса.

Позитивные воспоминания остались у тех, кто участвовал в избирательных кампаниях бесплатно, то есть был реальным волонтером. «Было прямо какое-то пьянящее чувство, что мы можем что-то реально изменить» (муж., маркетолог). Носители позитивных воспоминаний описывают время участия в избирательной кампании как общение с единомышленниками и чувство сопричастности важному и полезному делу.

Об организации деятельности и оплате труда вспоминали, только когда делились негативными воспоминаниями. В регистр позитивных оценок эти факторы не переходили, регулируя лишь степень неудовлетворенности молодых людей. При переходе к позитивным воспоминаниям речь шла о чувстве сопричастности с процессами, которые воспринимались как важные и значимые для общества.

Важно отметить, что позитивные воспоминания, как правило, относились к кампаниям, которые проходили в стране несколько лет тому назад. Многие респонденты, позитивно оценивая опыт своего участия, делали оговорку «такое уже не повторить», «сейчас это невозможно». Такие респонденты расценивают ситуацию в стране как закрытие окна возможностей политических изменений, что дополняется разочарованием в прежних политических кумирах. По прошествии времени даже те, кто вспоминает прошлый опыт позитивно, не готов его повторить.

Разочарование – частно повторяющийся рефрен интервью. «Я отодвинул от себя политику, потому что политики в России нет. Трудно заниматься тем, чего нет. Сейчас нет никого, за кого бы я рвал глотку» (муж., индивидуальный предприниматель).

В размышлениях наших респондентов слышна тяга к обобщениям о специфике России, ее политической системы, которая накладывает отпечаток на все стороны жизни общества. «Я разочаровался и одновременно повзрослел. Я понял, что у нас все партии, все объединения – по сути, вождистского типа. Сейчас вождь Путин. Придет к власти Навальный. И что? Он будет таким же вождем. У нас есть лидеры, которые под себя держат структуры. Даже взять Высшую школу экономики. Говорили, что это самый либеральный вуз. Но только в этом самом либеральном вузе руководство не менялось никогда, ни разу. Это вуз вождистского типа. Везде одно и то же» (муж., маркетолог).

В результате участия в избирательных кампаниях молодые люди сделали выводы, которые в той или иной степени скорректировали их поведение. По мнению наших респондентов, их участие в избирательных кампаниях имело для них следующие последствия.

Деполитизация. У некоторых молодых людей пропал бывший интерес к политической сфере. «Вот если сейчас мне предложат наблюдателем пойти, я точно в баню пошла» (муж., сотрудник фирмы). Прежний интерес к политике трактуется как проявление молодости и глупости, после чего «повзрослели и поумнели». Наши респонденты неоднократно озвучивали сознательный отказ от участия в голосовании как прямое следствие того, что они увидели и узнали, работая в избирательных кампаниях. «На выборы с тех пор я не хожу, считаю это бесполезной тратой времени» (жен., индивидуальный предприниматель).

Протестная политизация. Некоторые молодые люди, изначально симпатизируя определенному политическому спектру, в ходе кампании оказались в среде единомышленников и испытали острые эмоции, сопровождающие политическую борьбу. В результате они прогрессировали в своих политических убеждениях и готовности их отстаивать, утвердились в своих политических пристрастиях. Эта тенденция особенно заметна среди тех, кто принимал участие в избирательных кампаниях кандидатов от несистемной оппозиции.

Капитализация политической активности. Некоторые молодые люди осознали, что участие в политических процессах может являться своеобразным окном возможностей. В качестве карьерной траектории стали рассматривать работу в аппарате партии, помощником депутата, в общественном совете и пр. Так, молодая журналистка через участие в избирательной кампании вошла в число номенклатурных активистов, съездила на форум и решила специализироваться на политической журналистике, под которой понималось освещение инициатив региональной власти.

Намерения эмигрировать. Среди наших респондентов тема возможной эмиграции звучала неоднократно. Конечно, нельзя считать это прямым следствием участия в избирательных кампаниях, однако сами респонденты выходили на тему эмиграции в контексте размышлений о том, как они оценивают уровень политической конкуренции в стране. Двое респондентов на момент интервью уже уехали – в Англию (работа) и Германию (учеба). *«Я когда думаю на эти темы, размышляю с точки зрения того, как будут жить мои дети, в какой стране... В этом году я приняла для себя внутреннее решение эмигрировать из России. В перспективе пяти лет я бы уже не хотела быть гражданкой России»* (жен., индивидуальный предприниматель).

Таким образом, участие в избирательных кампаниях не прошло бесследно. Одни молодые люди, рассмотрев вблизи технологию выборов, приняли решение никогда в будущем не принимать участия в голосовании, другие, наоборот, укрепились в желании действовать и отстаивать свои политические идеалы. Кто-то нашел новые карьерные возможности, а кто-то трактовал свой опыт как аргумент в пользу эмиграции.

Заключение. Разнообразие избирательных кампаний, различающихся финансовыми возможностями и идеологической направленностью, дополненное многообразием функций внутри каждой кампании, дает возможность привлечь молодых людей с различными мотивами и навыками. Каналы рекрутирования могут быть неформально-сетевыми или формализованными, явно или латентно сращенными с органами власти. В последнем случае рекрутинг молодых людей, обычно называемых волонтерами, представляет собой форму конвертации административного ресурса в электоральную победу, то есть в политический ресурс.

Мотивация молодежи, участвующей в избирательных кампаниях, отнюдь не сводится к поддержке политических сил, вызывающих наибольшую симпатию. В явном виде этот мотив демонстрируют главным образом приверженцы крайнего политического спектра – несистемной оппозиции. В остальном пространстве партий и кандидатов привлечение молодежи для участия в избирательных кампаниях осуществляется на основе иных мотивов, редуцируемых к таким понятиям, как тусовка, деньги, карьера. Такие молодые люди выбирают для себя работу уличных агитаторов или штабистов. Мотивация, сводящаяся к уважению закона, мобилизует молодых людей на исполнение обязанностей наблюдателей или членов участковых избирательных комиссий.

Широко распространенное употребление термина «политическое волонтерство» применительно к молодым людям, занятым уличной агитацией и распространением агитационной продукции, зачастую неоправданно. Они могут не разделять взгляды продвигаемого кандидата или партии – быть равнодушными или даже критически настроенными – и воспринимать свою работу исключительно как подработку ради денег или опыта. Однако это не означает отсутствия политических волонтеров как таковых.

Мимикрия под волонтерство позитивно влияет на имидж кандидата, а также снимает вопрос об оплате труда молодых людей, что почти всегда восходит к теневому бюджету

кампании. Формально они волонтеры, поскольку не имеют письменного трудового договора. Оплата осуществляется по устной договоренности со всеми рисками теневой сделки.

Важно, что в восприятии молодых людей участие в избирательных кампаниях не имеет для них долговременных репутационных издержек. За редким исключением, относящимся к крайнему полюсу внесистемной оппозиции, молодые люди не ассоциируют себя с кандидатами и партиями. Многие помнят факт своего участия в избирательной кампании, но затрудняются назвать, под знаменами какой партии тогда работали, тем более что знамена могли меняться в случае неоднократного участия в избирательных кампаниях.

Последствия такого участия крайне противоречивы. С одной стороны, получив опыт электоральной борьбы, некоторые молодые люди начинают активно интересоваться политикой и вовлекаться в избирательный процесс. С другой стороны, возможность увидеть «кухню» выборов нередко приводит молодых людей к аполитичности и полной отстраненности от электоральной темы. Между этими полюсами простирается пространство инструментального применения навыков, полученных в ходе избирательных кампаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю., Денисова-Шмидт Е.В. «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. 2020. № 3. С. 110–125.
- Барсукова С.Ю., Ионова Д., Сафиуллина Э. Мобилизация студентов-агитаторов во время предвыборной кампании Сергея Собянина на пост мэра Москвы в 2018 году // ЭКО. 2020. № 2. С. 158–171.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1(95). С. 5–36.
- Скокова Ю.А. Наблюдатели на выборах в России // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 57–63.
- Скокова Ю.А. Динамика развития общественного движения наблюдателей на выборах: результаты исследования 2011–2016 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 3. С. 65–79.
- Коргунюк Ю.Г. Сумерки электоральной инженерии (К партийно-политическим итогам думской кампании 2007 г.) // Политика. 2008. № 1. С. 169–192.
- Мартынова А.В. Мотивы участия/не участия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4 (116). С. 139–151.
- Gel'man V. The Iceberg of Russian Political Finance // *Funding Democratization*. Ed. by P. Burnell and A. Ware. Manchester and New York: Manchester University Press, 1998. P. 158–179.
- Kazun A.D. Agenda-Setting in Russian Media // *International Journal of Communication*. 2020. No. 14. P. 4739–4759.
- Kazun A.D., Semykina K. Presidential Election 2018: The Struggle of Putin and Navalny for a Media Agenda // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. No. 6. P. 455–466.

Статья поступила: 01.06.21. Финальная версия: 30.06.21. Принята к публикации: 01.07.21.

THE EXPERIENCES OF YOUTH PARTICIPATION IN ELECTION CAMPAIGNS AND ITS IMPACT ON THE CIVIC POSITION

BARSUKOVA S.Yu.*, ZVYAGINTSEV A.V.*, LAPTIEVA L.S.****

*NRV Higher School of of Economics, Russia

** Lyceum 1535, Russia

Svetlana Yu. BARSUKOVA, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (sbarsukova@hse.ru); Arseniy V. ZVYAGINTSEV, student of lyceum 1535 (zvyagintsev.a@liceum1535.ru); Lidiya S. LAPTIEVA – student of lyceum 1535 (l.laptieva@inbox.ru). All – Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Autonomous Non-Profit Organization "Expert Institute for Social Research" (ANO EISI) (project No. 20-011-33048).

Abstract. The statement about low electoral activity of young people is among the empirically proven ones. However, voting (or not voting) is not the only way for young people to participate in the electoral process. Election campaigns are a space of activity with a variety of functional positions that differ in qualification requirements and the size of pay. In this article, election campaigns are considered not from the point of view of ideology, but as organizational formats to involve young people in activities related to the organization and election campaigning in the Russian Federation. We are talking about the activities of young people as street agitators (traditionally called volunteers), organizers of the work in election headquarters, public observers or members of precinct election commissions. The article consistently answers the questions: what are the channels for recruiting young people in election campaigns? What is motivating young people? What forms of activity do carriers of differing motivations choose? How do young people summarize their experience of participating in election campaigns in terms of their political and career self-determination? The answers to these questions were obtained on the basis of interviews with persons under 28 who had experience of participating in election campaigns in the Russian Federation.

Keywords: political volunteerism, election campaigns, political technologies, motives for participation in election campaigns, forms of youth participation in election campaigns

REFERENCES

- Barsukova S.Y., Denisova-Schmidt E.V. (2020) "Political investments" of business in Russia, or why business finances election campaigns. *Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3: 110–125. (In Russ.)
- Barsukova S.Y., Ionova D., Safiulina E. (2020) Mobilization of student agitators during the election campaign of Sergei Sobyanin for the post of mayor of Moscow in 2018. *EKO*. No. 2: 158–171. (In Russ.)
- Gel'man V. The Iceberg of Russian Political Finance. In: Peter Burnell and Alan Ware (eds.), *Funding Democratization*. Manchester and New York: Manchester University Press, 1998: 158–179.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) Value orientations, moral attitudes, and civic engagement of young people. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]. No. 1(95): 5–36. (In Russ.)
- Kazun A.D., Semykina K. (2020) Presidential Election 2018: The Struggle of Putin and Navalny for a Media Agenda. *Problems of Post-Communism*. Vol. 67. No. 6: 455–466.
- Kazun A.D. (2020) Agenda-Setting in Russian Media. *International Journal of Communication*. No. 14: 4739–4759.
- Korgunyuk Y.G. (2008) Twilight of Electoral Engineering (To the party-political results of the Duma campaign of 2007). *Politiya*. No. 1: 169–192. (In Russ.)
- Martynova A.V. (2013) Reasons for participation/non-participation of students in the elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation (2011) and the President of the Russian Federation (2012). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change]. No. 4(116): 139–151. (In Russ.)
- Skokova Y.A. (2015) Election observers in Russia. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies] No. 10: 57–63. (In Russ.)
- Skokova Y.A. (2016) Dynamics of the development of the public movement of election observers: the results of the 2011–2016 study. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 3: 65–79. (In Russ.)

Received: 01.06.21. Final version: 30.06.21. Accepted: 01.07.21.

Л.В. СМОРГУНОВ, О.А. ИГНАТЬЕВА

ФАКТОРЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТФОРМАХ

СМОРГУНОВ Леонид Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой (l.smorgunov@spbu.ru); ИГНАТЬЕВА Ольга Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент (o.a.ignatyeva@spbu.ru). Оба – кафедра политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Исследуется роль цифровых платформ как посредников во взаимодействии граждан и политических институтов. Целью исследования является выявление зависимости между экологией использования платформ, активностью их использования и доверием политическим институтам. Тестирование гипотез основано на материалах полевого исследования 2019 г. – опроса 1200 граждан в десяти наиболее развитых по уровню использования цифровых государственных услуг регионах России. Выявлено, что на использование платформ и на доверие институтам оказывают основное влияние три фактора – эффективность, безопасность и доступность. Использование платформ определяется в большей степени доступностью, чем эффективностью и безопасностью, тогда как на доверие институтам больше влияют эффективность и безопасность. При этом собственные технические параметры использования, выраженные в доступности, оказывают влияние лишь на ранних стадиях взаимодействия, уступая в дальнейшем место эффективности и безопасности.

Ключевые слова: гражданское участие • цифровые платформы • доверие • легитимность • эффективность • безопасность • доступность

DOI: 10.31857/S013216250013854-2

Цифровое участие граждан в политических процессах как объект анализа. В современной социологической теории активно обсуждается роль цифровых технических средств во взаимодействии людей. Одной из влиятельных теорий при этом выступает концепция Б. Латура о посреднической роли вещей (в том числе техники) в социальном взаимодействии: «...посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы» [Latour, 2005: 58]. Эта посредническая роль часто описывается в виде системы характеристик взаимодействия техники и людей, находящихся выражение в качествах доступности техники («аффордансов»¹). Речь идет о таких свойствах техники, которые определяют удобство ее использования для совершения гражданами каких-то действий. Важно подчеркнуть, что доступность является таким качеством техники, которое используется людьми и закрепляется в ходе многократных действий в определенных правилах и практиках [Волкова, 2019].

Изучение аффордансов осуществляется на основе анализа различных практик использования технических средств. Это происходит в социологии науки и техники [Scarpantino, 2003], при изучении коммуникации на платформах современных социальных медиа [Comunello et al., 2016], организационных изменений в условиях новых информационных технологий [Zammuto et al., 2007]. Особое внимание этой теме уделяется в теории

Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект 19-18-00210.

¹ Англиязычный термин «affordance» первоначально использовался в когнитивной психологии для описания взаимодействия живых систем с окружающей их природой, но впоследствии стал широко использоваться в различных областях знания для анализа взаимодействия человека и окружающих его предметов, включая технику.

публичной политики и управления в связи с интенсивным использованием «электронного правительства» – цифровых платформ предоставления публичных услуг, взаимодействия граждан и органов государственной власти [Van Dijck et al., 2018].

Цифровизация создает новую форму управляемости, увеличивая число участников управления, организованных в сетевые платформы (как, например, «Активный гражданин»). Доступность является важной характеристикой таких технических систем [Neff et al., 2012]. В научной литературе уже выявлены многие ключевые особенности современного государственного управления на основе участия при помощи цифровых платформ. Во-первых, такое государственное управление – не только форма развития демократии, но и ответ на новые вызовы, возникающие в условиях дифференциации интересов и растущего конфликта в обществе [Kübler et al., 2019]. Во-вторых, участие в государственном управлении, организованном в форме сетей, возникает в силу необходимости обеспечения управляемости в условиях повышения роли инноваций в публичной сфере [Gil-Garcia et al., 2018]. В-третьих, сети управления, которые придают большее значение участию граждан и, как правило, создают политику доступности, включают формирование социотехнических систем и подчеркивают важность технического удобства их использования [Santos, Faure, 2018].

Таким образом, цифровое участие граждан в политических процессах определяется не только потребностью расширить спектр разработчиков политики для повышения ее действенности и эффективности, но и новыми вызовами, порождаемыми политикой цифровизации (в особенности проблемой доверия). В цифровом пространстве политики участие граждан обеспечивается как легитимностью политических институтов, так и доступностью, безопасностью и эффективностью внедряемых цифровых платформ, обеспечивающих публичные услуги, коммуникацию и производство политических решений.

Возникает вопрос, в какой мере цели цифровизации (участие и доверие) определяются качеством цифровых платформ как посредников между публичной властью и гражданами. С одной стороны, граждане ожидают от цифровых платформ более действенной практики отношения с публичной властью. С другой стороны, публичная власть ожидает от платформенного взаимодействия повышения своей легитимности. Следовательно, цифровые платформы выступают не просто техническими средствами взаимодействия, а центральными агентами политики цифровизации, участвующими в социотехническом взаимодействии своими качествами доступности.

Какую же роль выполняют собственно платформы и их доступность в совокупности условий, определяющих экологию использования цифровых платформ? Можно ли говорить, что характеристики взаимодействия в социотехнических системах выполняют ведущую функцию в ходе развития соответствующих социотехнических систем?

Основные гипотезы. Использование гражданами различных электронных платформ формирует их способности для участия в процессе решения различных проблем публичной жизни. «Цифровизация общества, понимаемая как процесс внедрения во все сферы жизнедеятельности социума ИКТ, подразумевает, что каждый гражданин через Интернет потенциально получает доступ ко всему объему открытой информации, сервисов и иных возможностей сети» [Левашов, Гребняк, 2020: 81].

Гражданское участие включает в себя как совокупность умений, так и реляционные характеристики, выраженные в их отношении к цифровым средствам взаимодействия. Доверие к политическим институтам, которые организуют взаимодействие на электронных платформах, и высокая частота использования платформ – таковы задачи политики цифровизации публичного управления. Ясно, например, что помимо чисто прагматических задач повышения служебной роли государства и уровня предоставления государственных услуг (что фиксируется данными об использовании гражданами, например, Единого портала госуслуг), преследуется цель повысить легитимность органов государственной власти. Хотя доверие к политическим институтам государства лишь отчасти

схватывает содержание легитимности, тем не менее общая теория политических систем говорит о том, что на входе системы доверие формирует поддержку, а следовательно, и легитимность.

Обе эти задачи решаются в определенных контекстуальных условиях, которые обозначаются в качестве *экологии использования электронных платформ*. Набор таких условий чрезвычайно широк и включает в себя экономические, социальные, психологические, культурно-исторические и другие внешние факторы использования платформ. В дальнейшем анализе в рассмотрение включаются лишь те условия и факторы, которые, на наш взгляд, составляют сердцевину непосредственных причин использования платформ.

Структура возможностей составляет первый значимый фактор/причину интереса к использованию цифровых платформ. В нее попадают цифровые знания, возможность выбора и понятность использования. Второй значимый фактор связан с получением результата: с одной стороны, пользователь рассчитывает на определенный уровень полезности и безопасности, когда он совершает какие-то действия на платформе; с другой стороны, пользователь и органы власти устанавливают такой тип отношений, который основывается на так называемой экономической легитимности, обеспечивающей рост доверия политическим институтам.

Таким образом, основные линии связи в избранном концептуальном подходе находятся между прагматикой использования платформ (услуги) и условиями, обеспечивающими его результативность для граждан и власти. Соответственно формируется и структура переменных, включенных в анализ (рис. 1).

Результативность использования платформ измеряется двумя переменными – масштабами использования и доверием институтам. Измерение «использования» базируется на показателе доли граждан, зарегистрированных на Едином портале госуслуг. «Доверие институтам» варьируется по шестибальной шкале от 1 («доверяю полностью») до 6 («затрудняюсь ответить»). После трансформации полученных результатов опроса² была использована агрегированная величина доверия институтам как количество институтов, соотнесенных с долей голосов доверяющих им граждан. Независимые переменные измеряются различными шкалами (метрическими, бинарными и др.), позволяющими оценить уровень разнообразия платформенного использования Интернета, удобство использования цифровых платформ и доверие к ним, эффективность использования, знание возможностей платформ и уверенность, что платформы безопасны с точки зрения как общих информационных потоков, так и хранения личных данных.

Общая концептуальная модель строится на предположении, что благоприятные условия и факторы экологии использования цифровых платформ обеспечивают высокие показатели пользования платформами и доверия политико-государственным институтам. Вместе с тем в комплексе факторов экологии использования платформ не все из них оказывают одинаковое влияние на результативность – на использование платформ и доверие политическим институтам. Мы предполагаем, что факторы безопасности и эффективности более влиятельны, чем собственно платформенная организация – те качества платформ, которые выражают их активность и обеспечивают возможности их использования. Эти возможности описываются понятием «доступности» («аффордансов») платформ – реляционных качеств взаимодействия на платформах, обеспечивающих реализацию их функций [Сморгунов, 2020].

Таким образом, сформулированы следующие гипотезы для эмпирического исследования: (1) Использование цифровых платформ определяется тремя основными группировками экологических факторов использования платформ – доступностью, эффективностью и безопасностью. (2) В системе этих факторов наиболее сильным выступает доступность платформ, затем эффективность и безопасность. (3) Доверие политическим институтам

² Формировалась дихотомическая переменная, в которой 1 («доверяю») включала оценки «доверяю полностью» и «скорее, доверяю», а 0 («не доверяю») – все остальные позиции.

Рис. 1. Структура переменных анализа использования цифровых платформ

является результатом повышения уровня цифровизации публичного управления, нацеленного на эффективность, доступность и безопасность. Чем выше эффективность, доступность и безопасность, тем выше доверие политическим институтам.

Эмпирическую базу исследования составляют данные репрезентативного опроса граждан РФ (1200 респондентов из десяти субъектов Российской Федерации с наиболее высокими показателями использования цифровых публичных услуг³), проведенного в 2019 г. по проекту «Граждане и электронные платформы цифрового правительства»⁴.

Соотношение факторов экологии использования платформ – эффективности, безопасности и доступности. Для выявления латентных факторов, объединяющих наблюдаемые независимые переменные, характеризующие условия использования цифровых платформ, проведен факторный анализ⁵ с использованием статистического пакета SPSS. Для проведения факторного анализа переменные были преобразованы в бинарные по принципу 1 – изучаемое качество присутствует и находится в фокусе внимания исследователя, 0 – изучаемое качество выражено слабо или отсутствует. Также при анализе

³ Регионами опроса были Москва, Республика Башкортостан, Санкт-Петербург, а также Белгородская, Московская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области. В выборке женщины составили 55,9% респондентов, мужчины – 44,1%. Доля опрошенных респондентов в возрасте 18–24 лет составляла 12,7%, 25–30 лет – 11,0%, 31–39 лет – 15,6%, 40–49 лет – 17,3%, 50–59 лет – 18,8%, 60 лет и старше – 24,6%. По статусной самооценке к высшему слою отнесли себя 0,8% респондентов, к промежуточному между высшим и средним слоями – 2,6%, к среднему слою – 36,9%, между средним и низшим слоями – 35,7%, к низшему слою – 17,5%, затруднились ответить 6,6% респондентов. Среди опрошенных жители мегаполиса, регионального центра составили 49,2%, других городов в регионах – 26,0%, поселков городского типа – 4,8%, сел, поселков, деревень – 20,0% (подробнее см. [Smorgunov et al., 2020: 255]).

⁴ В организации эмпирического исследования принимали участие Л.В. Сморгунов (руководитель проекта), О.В. Попова (руководитель эмпирической части проекта), А.Л. Гуринская, Т.А. Кулакова, Д.А. Лукьянов, Е.А. Тропинова. Эмпирические исследования проведены с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования».

⁵ Использование факторного анализа для дихотомических переменных оправдано при выявлении кластерной структуры переменных. Кроме того, использование факторного анализа позволяет обосновать независимость факторов друг от друга.

была использована агрегированная переменная, характеризующая количество электронных устройств, используемых респондентами для выхода в Интернет.

Проведенный факторный анализ (табл. 1) позволил выявить три латентных фактора, определяющих – на примере Единого портала государственных и муниципальных услуг и ряда популярных социальных сетей – экологию использования цифровых платформ.

Таблица 1

Повернутая матрица компонентов⁶

Факторы	Компоненты		
	1	2	3
Информационная безопасность	0,787		
Безопасность личных данных	0,781		
Безопасность частной жизни	0,659		
Доверие цифровым платформам		0,744	
Разнообразие выхода в Интернет		0,696	
Электронный документооборот		0,645	
Знание возможностей использования			0,730
Удобство использования			0,702
Эффективность использования платформ		0,355	0,483

Первый фактор концептуально описывается как «Безопасность», поскольку он включает в себя наблюдаемые переменные «Информационная безопасность», «Безопасность личных данных» и «Безопасность частной жизни»⁷. Переменные, вошедшие в данный фактор, имеют высокие факторные нагрузки (выше 0,6). Первый фактор включает нагрузки с одинаковым (положительным) знаком, что будет играть важную роль при проведении регрессионного анализа на выделенных факторах.

Следующий по значимости фактор можно определить как «Доступность», поскольку он включает в себя такие переменные, как «Доверие цифровым платформам», «Разнообразие выхода в Интернет» и «Поддержка электронного документооборота». Конечно, в данном случае это не прямые, а косвенные показатели доступности платформ, полученные только на основании общих ответов пользователей о доверии к платформам и их нацеленности на исполнение определенных перформативных функций.

Наконец, третий фактор концептуализируется как «Эффективность», так как в него попадают наблюдаемые переменные «Знание возможностей использования», «Удобство использования» и «Эффективность использования платформ». Последняя переменная может быть отнесена как ко второму, так и к третьему фактору, однако включается в третий фактор, поскольку демонстрирует здесь более высокую факторную нагрузку.

Оценка уровня влияния факторов на гражданское участие. Для проверки остальных гипотез использованы некоторые модификации множественного регрессионного анализа, определяемые спецификой распределения зависимой переменной.

При построении регрессионных моделей необходимо сначала получить значения факторов для каждого наблюдения с учетом того, что в исследовании используются

⁶ Метод выделения факторов – метод главных компонент. Методом вращения был варимакс с нормализацией Кайзера.

⁷ Переменная «Безопасность частной жизни» характеризует отсутствие боязни тотального контроля со стороны государства при внедрении цифровых платформ, поэтому данные ответы кодируются как 1, а ответы, связанные с наличием опасения такого контроля, кодируются как 0. «Услуги электронного правительства также сопряжены со значительными проблемами в области конфиденциальности и безопасности, поскольку традиционные компромиссы между рисками и затратами не могут быть применены в той мере, в какой это возможно в бизнесе» [Marsh et al., 2008].

дихотомические и метрические шкалы переменных. Для реализации этой задачи использован категориальный анализ главных компонент (CatPCA). Исходя из результатов с использованием категориального анализа главных компонент, можно сделать вывод, что структура главных компонент совпадает со структурой переменных, полученных посредством факторного анализа (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты категориального анализа главных компонент
(нагрузки на повернутые компоненты⁸)**

Факторы	Нагрузки		
	1	2	3
Информационная безопасность	0,790	0,165	0,091
Безопасность личных данных	0,783	0,122	0,136
Безопасность частной жизни	0,664	-0,012	0,024
Доверие цифровым платформам	0,116	0,771	0,211
Разнообразие выхода в Интернет	-0,059	0,709	-0,128
Электронный документооборот	0,261	0,649	0,144
Знание возможностей использования	0,040	-0,064	0,729
Удобство использования	0,121	0,093	0,707
Эффективность использования платформ	0,076	0,364	0,478
% дисперсии	19,836	18,956	15,194
Всего % дисперсии	53,986		

При тестировании гипотезы о наличии связи между использованием цифровых платформ и выявленными в ходе факторного анализа факторами, когда зависимая переменная представляет собой бинарные данные, использована модель логистической регрессии. Оценка связи между доверием политическим институтам и тремя выделенными факторами строится на основе обобщенной линейной модели с отрицательным биномиальным распределением зависимой переменной. Зависимая переменная «Доверие политическим институтам» является метрической величиной, построенной на основе измерения количества институтов власти, соотношенного с долей доверяющих им граждан. При построении регрессионных моделей использована программа R, статистические пакеты которой позволяют увеличить точность оценки коэффициентов регрессии⁹.

Для тестирования второй гипотезы построена модель логистической регрессии, в которой зависимая переменная – вероятность того, что цифровая платформа госуслуги будет использована (табл. 3).

Таким образом, уравнение логистической регрессии принимает следующий вид:

$$\text{логарифм отношения шансов} = 0,86 + 0,13 \times Б + 0,74 \times Д + 0,14 \times Э \quad (1)$$

Построенная модель логистической регрессии показывает, что существует прямая зависимость между факторами «Безопасность» (Б), «Доступность» (Д), «Эффективность» (Э) и зависимой переменной «Вероятность использования госуслуг», выраженной через логарифм отношения шансов на использование платформы «Госуслуги». При этом фактор «Доступность» оказывает наибольшее влияние на зависимую переменную, так как имеет наибольшую величину коэффициента.

⁸ Нормализация с главенством переменной.

⁹ Предварительная проверка данных, используемых в девяти первоначальных переменных, показывает, что выбросов в них нет. Данные, используемые в выявленных факторах («Безопасность», «Доступность» и «Эффективность»), получены в результате факторного анализа и представляют собой стандартизованные величины со средним ноль и стандартным отклонением единица. Этот момент будет играть важное значение при интерпретации полученных моделей регрессии.

Результаты построения логистической регрессии для бинарных данных

Независимые переменные	Оценка коэффициента	Стандартные ошибки	Z-тесты Вальда ¹	Уровень значимости
Свободный член	0,85851	0,06894	12,453	$< 2e^{-16***}$
Безопасность ²	0,13080	0,06976	1,875	0,0608
Доступность	0,74027	0,06850	10,807	$< 2e^{-16***}$
Эффективность	0,13957	0,06759	2,065	0,0389 *

Примечания.¹ Z-тест Вальда – аналог t-теста Стьюдента для тестирования параметров в моделях линейной регрессии. ² Уровень значимости у фактора «Безопасность» незначительно превышает пороговое значение 0,05, но мы не можем пренебречь этим фактором, так как критерий качества модели нелинейной регрессии Акаике (AIC) увеличивается при удалении из модели фактора «Безопасность» (т.е. модель ухудшается). Следовательно, оставление фактора «Безопасность» в модели логистической регрессии не ухудшает ее.

Графики на рис. 2 демонстрируют характер связи, представленной логистической кривой, между вероятностью использования госуслуг и отдельными независимыми переменными (факторами). По оси абсцисс отложен соответствующий фактор («Безопасность», «Доступность» или «Эффективность») в стандартизованном виде со средним, равным нулю, и стандартным отклонением, равным единице, а по оси ординат зависимая переменная «Вероятность использования госуслуг». На графике видно, что при изменении независимой переменной на одно стандартное отклонение с положительным знаком вероятность использования госуслуг возрастает на всех графиках.

Интересна динамика доверительной зоны. В отношении факторов «Эффективности» и «Безопасности» она демонстрирует большие отклонения от регрессионной линии, чем в случае «Доступности». Это, на наш взгляд, говорит о большей индивидуализации позиций в первом случае и консолидации во втором.

Согласно формуле, при использовании госуслуг наиболее значимым фактором влияния выступает социотехническая составляющая, выраженная в доступности. Интерпретация коэффициентов модели позволяет утверждать, что при увеличении независимой переменной «Безопасность» на одну единицу отношение шансов на использование госуслуг возрастает в 1,14 раза (при этом другие независимые переменные остаются неизменными), т.е. вероятность использования платформы возрастает незначительно. Аналогично – для независимой переменной «Эффективность». Увеличение же независимой переменной «Доступность» приводит к увеличению отношения шансов госуслуг в 2 раза, при неизменных независимых переменных «Безопасность» и «Эффективность»¹⁰. В случае с фактором «Доступность» на промежутке между первым и вторым стандартным отклонением с положительным знаком происходит насыщение функции, и она растет медленнее. Это означает, что значительные вложения в увеличение доступности цифровых платформ на определенном этапе становятся не такими эффективными мерами для привлечения дополнительных пользователей цифровых платформ. При отклонении значений независимых переменных в отрицательную сторону, вероятность использования госуслуг уменьшается по всем выявленным факторам (рис. 3).

Для тестирования третьей гипотезы мы построим обобщенную линейную модель, характеризующую зависимость между нашими факторами и счетной зависимой переменной «Доверие политическим институтам». В опросе оценивался уровень доверия россиян

¹⁰ Для получения соответствующих результатов число Эйлера ($e = 2,71$) возводится в степень, соответствующую размеру коэффициента.

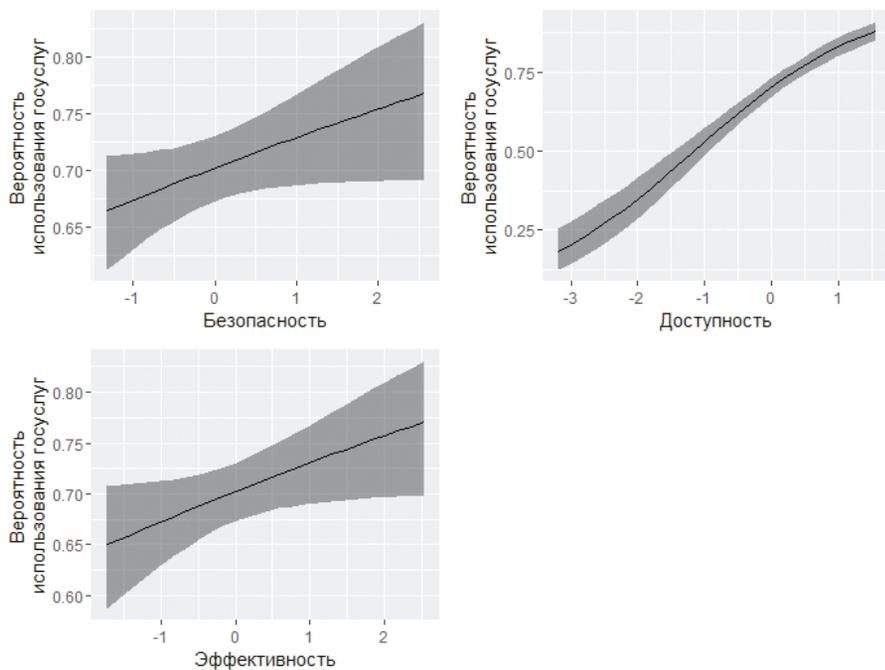

Рис. 2. Результирующие графики зависимости вероятности использования госуслуг от независимых переменных (факторов)

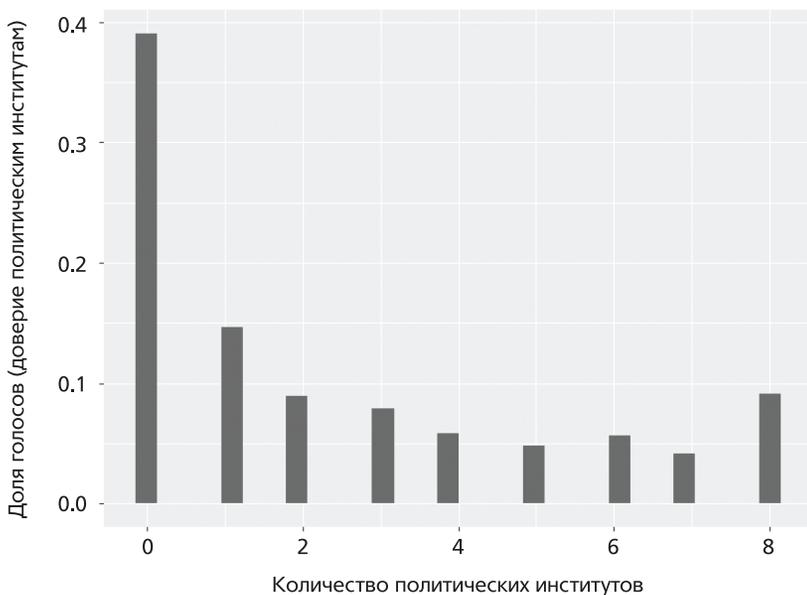

Рис. 3. Гистограмма распределения доверия политическим институтам (1 – доверие одному политическому институту, 2 – доверие двум политическим институтам, 3 – доверие трем политическим институтам и т.д.)

8-ми конкретным институтам – органам местного самоуправления, законодательному собранию региона, губернатору региона, Государственной Думе, Совету Федерации, правительству, премьер-министру и президенту РФ. График на рис. 3 позволяет оценить, как распределена зависимая переменная «Доверие политическим институтам» по отношению к количеству наблюдений. Здесь по оси абсцисс отложены данные о количестве политических институтов, которым одновременно доверяют респонденты, а по оси ординат – доля голосов, отданных в ходе социологического опроса за определенное количество институтов власти. Доля респондентов, не доверяющих ни одному из 8-ми институтов, составляет 0,39 (39%), т.е. не превышает 0,5, что допустимо для данного типа моделей.

В результате вычислений при помощи пакета R получены следующие оценки коэффициентов для обобщенной линейной модели с отрицательным биномиальным распределением зависимой переменной (табл. 4).

Таблица 4

Результаты построения регрессионной модели с отрицательным биномиальным распределением зависимой переменной

Независимые переменные	Оценка коэффициента	Стандартные ошибки	Z-тесты Вальда	Уровень значимости
Свободный член	0,79159	0,03862	20,497	$< 2e^{-16***}$
Безопасность	0,28147	0,03745	7,516	$< 5,64e^{-14***}$
Доступность	0,10469	0,03904	2,682	0,00732 **
Эффективность	0,26955	0,03811	7,072	$< 1,53e^{-12***}$

Таким образом, можно записать уравнение обобщенной линейной модели с отрицательным биномиальным распределением в следующем виде:

$$\text{логарифм доверия политическим институтам} = 0,79 + 0,28 \times Б + 0,1 \times Д + 0,27 \times Э \quad (2)$$

На графиках (рис. 4) по оси абсцисс указаны стандартизованные значения факторов – «Безопасность» (Б), «Доступность» (Д) и «Эффективность» (Э) – со средним, равным нулю, и стандартным отклонением, равным единице. По оси ординат указана зависимая переменная «Доверие политическим институтам», которая измеряется долей граждан, доверяющих определенному количеству институтов. Анализ графиков показывает, что при увеличении независимой переменной на одно стандартное отклонение в среднем доверие к политическим институтам возрастает по экспоненте. В случае отрицательного значения стандартного отклонения доверие к политическим институтам в среднем падает, но в меньшей степени, чем оно возрастает при положительных значениях независимой переменной.

Обратим опять внимание на доверительную зону. Здесь ситуация иная: более высокая консолидированность позиции характерна скорее для «Эффективности» и «Безопасности», чем для «Доступности». Это свидетельствует, что доверие политическим институтам в меньшей степени определяется доступностью, о чем свидетельствуют большие отклонения от закономерной регрессии. Данный вывод подтверждается и регрессионной формулой (2).

Для интерпретации коэффициентов в формуле (2) нужно, как и ранее при интерпретации формулы (1), возводить число Эйлера (2,71) в степень, представленную соответствующим коэффициентом, поскольку зависимая переменная «Доверие политическим институтам» связана с независимыми переменными через логарифмическую функцию. Таким образом, связь между «Доверием» и независимыми переменными «Безопасность», «Эффективность» больше, чем между этой зависимой переменной и «Доступностью», что видно из значений коэффициентов. При увеличении значения «Безопасности» или «Эффективности» на единицу доля людей, доверяющих большему количеству политических институтов, в среднем возрастает в 1,3 раза при условии неизменности остальных факторов. При увеличении же значения независимой переменной «Доступность» на единицу значение зависимой переменной «Доверие политическим институтам» в среднем возрастает лишь в 1,1 раза (при неизменности остальных независимых переменных), т.е. незначительно.

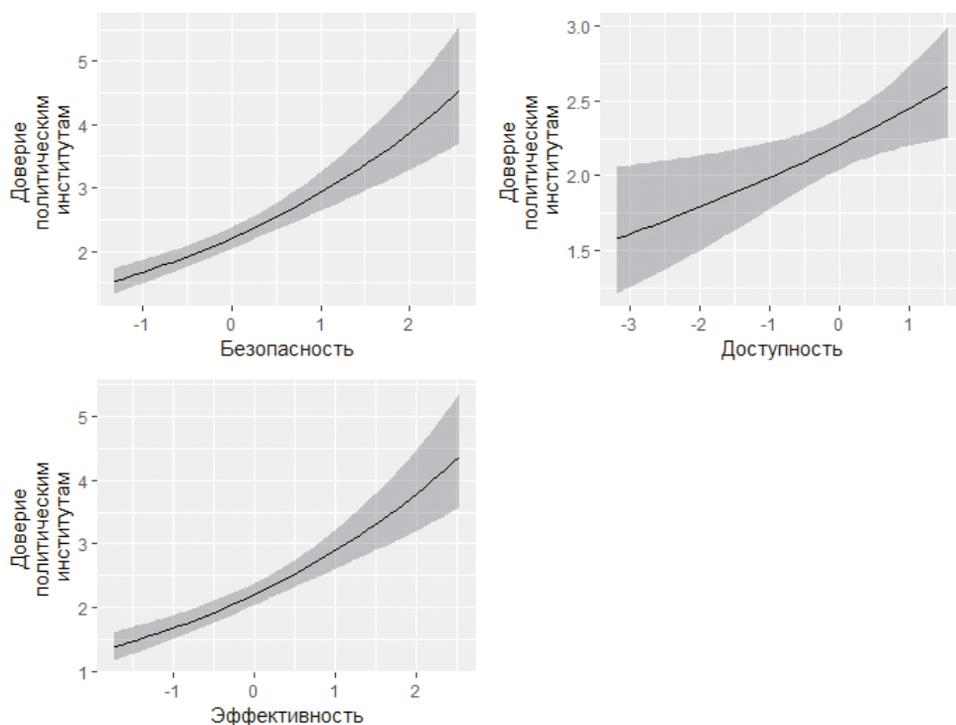

Рис. 4. Результирующие графики зависимости доверия политическим институтам от независимых переменных (факторов)

Тренд, демонстрируемый на рис. 4, показывает, что после определенного значения независимой переменной значение зависимой переменной начинает заметно расти по экспоненте. Следовательно, усиление данных факторов (например, дополнительные финансовые вложения в них) способствует росту экономической легитимности и доверия населения к власти. Все это нужно учитывать при формировании направлений государственной политики цифровизации сферы госуслуг и взаимодействия граждан с органами публичной власти. Следует отметить, что в этом случае социотехнические параметры экологии платформенного взаимодействия (доступность) уступают по влиянию факторам социальноэкономического порядка (безопасности и эффективности).

Заключение. Итак, результаты репрезентативного опроса, проведенного в 10-ти регионах России, подтвердили, что гражданское участие с использованием цифровой платформенной организации публичного управления обеспечивается тремя когнитивно-институциональными условиями – доступностью, эффективностью и безопасностью. Однако эти факторы экологии использования электронных платформ по-разному влияют на результативность. Политика доступности, похоже, оказывает большее влияние на использование цифровых платформ, чем на доверие политическим институтам, но только на начальные этапах внедрения цифровизации в публичное управление.

В будущем россиянам предстоит научиться пользоваться платформами и привыкнуть к ним. Реализация политических возможностей акторами публичной политики на цифровых электронных платформах определяется, как установлено, отнюдь не только уровнем институционализации открытого правительства и технологическим совершенством (их доступностью). В числе значимых факторов выступает научение сотрудничеству не только основанное на ресурсной обеспеченности граждан (их знаниями и цифровыми навыками),

но и определяемое той прагматической пользой, которая обеспечивается эффективностью и безопасностью цифровых платформ.

В этом аспекте очень важна работа по интенсивному привлечению граждан не только к пассивному использованию и получению государственных услуг на платформах, но и к их активному участию в формировании реестра услуг и вопросов политико-управленческой повестки публичной политики. Необходимы более открытые и мониторинговые действия (включая научный анализ), чтобы повлиять на более широкое использование гражданами потенциала цифровизации публичной политики. В этом отношении доверие политическим институтам, конечно, определяется эффективностью, доступностью и безопасностью как факторами экологии использования платформ. Но это является лишь первичным набором условий взаимодействия органов власти и граждан, определяемых экономической легитимностью. В долгосрочной перспективе важно расширить число этих условий, включив в них активное электронное участие граждан в публичной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Волкова Н.А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. Т. 31. № 2. С. 92–115. [Volkova N.A. (2019) Latour's Return of Modes of Existence to "Radical Empiricism": From Prepositions to Affordances. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 31. No. 2: 92–115. (In Russ.)]
- Левашов В.К., Гребняк О.В. Цифровая культура российского общества и государства // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 79–89. [Levashov V.K., Grebnyak O.V. (2020) The Digital Culture of Russian Society and State. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 79–89. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250009401-4.
- Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. № 3. С. 6–19. [Smorgunov L.V. (2020) Institutions of Digital Platform Affordance and Government Governability. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. No. 3: 6–19. (In Russ.)] DOI: 10.31429/26190567-21-3-6-19.
- Comunello F., Mulargia S., Parisi L. (2016) The "proper" way to spread ideas through social media: exploring the affordances and constraints of different social media platforms as perceived by Italian activists. *The Sociological Review*. Vol. 64. No. 3: 515–532. DOI: 10.1111/1467-954X.12378.
- Gil-Garcia R., Dawes Sh., Pardo T. (2018) Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*. Vol. 20. No. 5: 633–646. DOI: 10.1080/14719037.2017.1327181.
- Kübler D., Rochat Ph., Woo S.Y., Van der Heiden N. (2019) Strengthen governability rather than deepen democracy: why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 86. No. 3: 409–426. DOI: 10.1177/0020852318801508.
- Latour B. (2005) *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Marsh S., Patrick A., Briggs P. (2008). Social Issues of Trust and Digital Government. *Information Security and Ethics*. In: *Concepts, Methodologies, Tools, and Applications*. Hershey: IGI Global: 2905–2914.
- Neff G., Jordan T., McVeigh-Schultz J., Gillespie T. (2012) Affordances, Technical Agency, and the Politics of Technologies of Cultural Production. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 56. No. 2: 299–313. DOI: 10.1080/08838151.2012.678520.
- Santos M., Faure A. (2018) Affordance is Power: Contradictions Between Communicational and Technical Dimensions of WhatsApp's End-to-End Encryption. *Social Media + Society*. Vol. 4. No. 3: 1–16. DOI: 10.1177/2056305118795876.
- Scarantino A. (2003) Affordances Explained. *Philosophy of Science*. Vol. 70. No. 5: 949–961. DOI: 10.1086/377380.
- Smorgunov L., Popova O., Tropinova E. (2020) Citizens' Attitudes to e-Government: A Study Across Ten Russian Regions. In: Alexandrov D.A., Boukhanovsky A.V., Chugunov A.V., Kabanov Y., Koltsova O., Musabirov I. (eds). *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1242. Cham: Springer: 250–262. DOI: 10.1007/978-3-030-65218-0_19.
- Van Dijck J., Poell T., De Waal M. (2018) *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. New York: Oxford University Press.
- Zammuto R., Griffith T., Majchrzak A., Dougherty D., Faraj S. (2007) Information Technology and the Changing Fabric of Organization. *Organization Science*. Vol. 18. No. 5: 749–762.

CIVIC PARTICIPATION ON DIGITAL PLATFORMS

SMORGUNOV L.V.*, IGNATJEVA O.A.*

**St. Petersburg State University, Russia*

Leonid V. SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (l.smorgunov@spbu.ru); Olga A. IGNATJEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (o.a.ignatyeva@spbu.ru). Both – Chair of Political Governance Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. This work was supported with a grant from the Russian Science Foundation (grant 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability”).

Abstract. The role of digital platforms as intermediaries in the interaction of citizens and political institutions is investigated. The aim of the study is to identify the relationship between the ecology of the use of platforms, the activity of their use and the trust in political institutions. The testing of hypotheses is based on the data of a field study in 2019 – a survey of 1200 citizens in the 10 most developed regions of Russia in terms of the use of digital public services. It was revealed that the use of platforms and trust in institutions are mainly influenced by three factors – efficiency, safety and affordance. The use of platforms is determined to a greater extent by affordance than efficiency and security, then the trust in institutions is more influenced by efficiency and security. At the same time, the actual technical parameters of use, expressed in the affordances, have an impact only in the early stages of interaction, yielding in the future to efficiency and safety.

Keywords: civic participation, collaboration, digital platforms, trust, legitimacy, efficiency, security, affordances.

Received: 08.02.21. Accepted: 24.06.21.

© 2021 г.

М.А. ФЕЛЬДМАН

ДИРЕКТОРА ПРЕДПРИЯТИЙ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 1930-х гг.: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия (feldman-mih@yandex.ru).

Аннотация. В статье дана оценка социального облика профессиональной группы директоров крупных промышленных предприятий СССР в годы первых пятилеток. Сравнительный метод исследования позволил сопоставить характеристики профессиональной группы директоров и ее ядра, элиты – 28 директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности, избранных в Совет при наркомате тяжелой промышленности. Анализируя социальные характеристики группы, выделены количественные индикаторы, способствовавшие карьерному росту. Анализ содержания выступлений управленцев на Всесоюзных совещаниях 1931 и 1934 гг., на Советах при народном комиссаре тяжелой промышленности 1935 и 1936 г. выявил специфические черты успешных «командиров производства». Установлено, что в период первых пятилеток «социальный лифт» выносил наверх директоров, преимущественно имеющих профессиональную подготовку, опыт хозяйствования в годы нэпа, связавших свою жизнь с большевистской партией; способных к запуску производства «с нуля». Успешных директоров первых пятилеток отличали: умение договариваться с наркоматами о сроках, объемах и параметрах выпускаемой продукции; умение использовать квазирыночные взаимосвязи, ограниченные товарно-денежные отношения.

Ключевые слова: директора • промышленные предприятия • партия • индустриализация • пятилетка

DOI: 10.31857/S013216250014475-5

Постановка проблемы. Обращение к биографическим данным, к многообразию характеристик людей, связанных одним или несколькими признаками, определяет «образ и стиль» группы не в статичной целостности и полноте, но сквозь призму крайних ситуаций, требующих проявления сущностных качеств индивидов. Газета «За индустриализацию» в декабре 1934 г. писала: «Трудно найти какую-либо группу хозяйственников, которая бы пользовалась такой популярностью в стране, как руководители металлургических заводов»¹. Формально отраслевая группа директоров предприятий отражала социальный статус «командиров производства» в период индустриализации. В потоке биографических трудов последних десятилетий особое место занимают исследования жизненных путей, исследования профессиональных биографий; социодемографические когортные исследования. В центре внимания оказываются социальные механизмы регулирования жизненных

Автор искренне благодарит рецензентов журнала за ценные критику и пожелания.

¹ Хавин А.Ф. Люди, которыми гордится СССР (Командиры черной металлургии) // За индустриализацию. 1934. 26 декабря. С. 3.

траекторий, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение с конъюнктурными циклами, кризисами, историческими событиями [Рождественская, 2012: 14]. Изучение биографий членов конкретных социально-профессиональных групп позволяет обратиться и к проблеме «встроенности» субъекта в социум; определить, каким образом исторический персонаж перенимает жизненную траекторию, внося в нее индивидуальное своеобразие, как складывается социальный тип, выявить закономерности дезорганизации первичных групп, пути их социальной и политической реорганизации [там же: 7, 8, 17].

Директора промышленных предприятий в производственных отношениях как социальная категория образуют довольно однородное целое [Бирнбаум, 1981: 11]. Однако даже с учетом того, что ценную информацию дают данные о социальном происхождении, полученном образовании, типе карьеры, социально-профессиональная категория отражает реальность лишь частично: столь динамичны последствия вмешательства правящей партии в самых различных формах, столь масштабны проявления вынужденного конформизма советских людей к проявлениям советской жизни [Осокина, 2011: 397]. Наблюдение представителей западной социологической науки о существующей в мире корпораций системы взаимопереплетающихся директоратов [Миллс, 1959: 67] имеет отношение и к советскому директорскому корпусу: первые два десятилетия советской власти стали временем выдвигенчества и жесткого отбора по деловым качествам, формируя «людей особого духовного склада» [там же: 171].

Если изначально приоритетом выдвигения в директорский корпус была принадлежность к рабочему социуму, то выполнение производственных заданий потребовало управленческих компетенций и деловитости [Фельдман, 2020]. Специфика советской индустриализации – несовпадение рациональных и идеологических принципов – отражена в научной литературе. Так, по обоснованному утверждению С. Шаттенберг, Сталин и его окружение «делали ставку на гигантоманию, экстенсивное строительство, немедленное опережение всех индустриально развитых стран» [Шаттенберг, 2011: 79].

На формирование советского директорского корпуса влияние оказывало использование зарубежных технологий. Руководство НК тяжелой промышленности предполагало использовать достижения организации труда в США, тейлоризма и фордизма. Система «тейлоризма» предполагала исследование процесса труда, разработки его оптимальной схемы, обучения рабочих, обеспечение координации и контроля. Фордизм олицетворял предельно рационализированную и автоматизированную схему поточного производства, опирающуюся на ритм коллективной работы, заданный конвейером [Шпотов, 2012: 126–128]. Внимание «красных директоров» одновременно к системам Тейлора и Форда объяснялось тем, что многие предприятия индустрии были оснащены американским оборудованием. Изучение зарубежных технических достижений, нередко в экстремальных условиях, требовало поиска и продвижения наиболее компетентных работников.

В СССР наука управления работниками наталкивалась на недоверие партийных функционеров к изучению систем организации производства; на неумение работать с импортной техникой, она ломалась и простаивала; нехватку материалов и контрольно-измерительных приборов; дефицит жилья [там же: 129]. Этим объясняется своеобразие положения директоров: их то славил как героев, то критиковали за саботаж, дезорганизацию производства, заставляя рисковать и награждая за это, обвиняли и привлекали к ответственности за брак, нехватку техники и материалов, частые аварии [там же: 257–258].

Историография и источниковая база проблемы. Хрущевская «оттепель» позволила расширить доступ к информации о деятельности руководителей крупных промышленных предприятий СССР в годы первых пятилеток. Вырос интерес исследователей к созданию портретов «командиров производства», вынесших нагрузки «плановой» экономики 1930-х гг. Пласт публикаций в рамках советской историографической традиции [Берниковская, 1963; Хавин, 1966; Акалцев, 1975; Леонтьева, 1979] сменился в постсоветский период существенно меньшим рядом монографий и очерков, давших анализ социального

образа директоров промышленных заводов-гигантов [Богуненко, 2005; «Включен в операцию»..., 2009; Лейбович, 2017; Беспалова, 2018], а крен в сторону микроистории зачастую был лишен историко-социологических обобщений. Исключением стала монография О.Л. Лейбовича «Охота на красного директора», воссоздающая жизненный мир передового в середине 1930-х гг. предприятия Урала (Пермского авиамоторного завода), социальные корни массовых репрессий. В начале XXI в. появились диссертации, посвященные социальной характеристике директоров Магнитогорского металлургического комбината конца 1920–1950-х гг., обобщению социального облика директоров металлургических заводов Челябинской области 1930–1940-х гг. [Кучер, 2005; Павлов, 2010]. Однако в них уровень обобщения ограничивается предприятием, областью. И что более существенно, диссертации демонстрируют ограниченность ставки на количественные показатели. Индикаторы качественного измерения, раскрывающие рост управленческих навыков хозяйственников, в этих работах отсутствуют.

Ряд статистических справочников, аккумулировавших данные учетов специалистов промышленности [Новые кадры..., 1934; Бейлин, 1935; Кадры..., 1936; Состав..., 1936], содержит информацию о социальном происхождении директоров промышленных предприятий; возрасте; уровне образования; опыте работы до вступления в должность и времени пребывания на директорском посту; партийной принадлежности; партийном стаже и времени пребывания в партии и т.д. Однако утверждение о возможности «получить полноценное знание о социальном облике директорского корпуса... посредством синтеза результатов исследования» [Павлов, 2010: 21–22] вызывает сомнение: комплекс таких характеристик только готовит почву для достижения поставленной цели. Недостающим звеном выступает проявление представителями «директорского корпуса» управленческих компетенций, развитие представлений «командиров производства» об экономических процессах первых пятилеток.

Представители директорского корпуса выразили свою позицию (в докладах и сообщениях) на Всесоюзных совещаниях хозяйственников 1931 г. [Первая..., 1931], 1934 г. [Совещание..., 1934] и их аналогах меньшего формата – Советах при народном комиссаре тяжелой промышленности 1935 г. [Совет..., 1935] и 1936 г. [Совет..., 1936]; на них выступавшими являлись зачастую одни и те же люди. Наркомат тяжелой промышленности (НКТП) и лично Г.К. Орджоникидзе включили 28 директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности в Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности Союза ССР (далее – Совет) [Совет..., 1935: 3–8]. Есть возможность сопоставить характеристики социально-профессиональной группы директоров (материалы учета 1934 г. зафиксировали данные о 457 директорах заводов, аналогичного учета 1936 г. – 799 человек) и ее ядра – элиты из 28 директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности, избранных в Совет. Анализ социальных характеристик профессиональной группы директоров и ее ядра позволяет выделить индикаторы, способствовавшие карьерному росту хозяйственников.

1931–1936 гг. вобрали в себя противоречивые этапы, сконцентрировав кризисы, реформы, насилие; сочетание умеренного (реалистического) курса и развертывание механизма массовых репрессий [Хлевнюк, 1996: 295]. Повседневная деятельность директоров крупных предприятий тяжпрома требовала трудносовместимого: официальную линию на укрепление хозрасчетных отношений, повышение качества выпускаемой продукции – и принимать как должное разрушительные последствия массовых «чисток», «создававших обстановку социального контроля в повседневной жизни, сведения личных счетов с помощью доносительства» [Штудер, Уифрид, 2011: 75].

Сложностью отмечены расшифровки выступлений хозяйственников, нередко специально заполненных чисто технической информацией, трудной для восприятия, но позволявшей избежать политических обвинений. В наибольшей степени это относится к материалам Всесоюзных совещаний хозяйственников 1931 г., 1934 г., Совета 1935 г., по сути, оставшихся вне поля зрения профессионалов-исследователей. Новое обращение

к материалам выборочных обследований командного состава работников тяжелой промышленности, а также не проведенный ранее анализ материалов Всесоюзных совещаний хозяйственников 1931 г., 1934 г., Советов 1935 г. и 1936 г. стали основой данной статьи.

Эволюция социальных характеристик представителей директорского корпуса, 1927–1936 гг. Данные учетов инженерно-технических кадров промышленности, начиная с 1927 г., заложили основы формирования массива источников по заявленной проблематике. За период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1929 г., при росте охваченных обследованиями специалистов с 50,8 тыс. до 100,3 тыс., доля лиц со средним специальным и высшим образованием сократилась с 60,7 до 51% [Бейлин, 1935: 120–121]; такое явление прямо связывалось с преодолением последствий «вредительства», «свившего себе гнездо» в «верхушечной части интеллигенции» [там же: 211]. Последующие месяцы усугубили эту тенденцию. По данным учета специалистов промышленности на 1 апреля 1930 г. указанный показатель снизился до 44,7% [Бейлин, 1935: 209]. Сказался и фактор выдвиженчества, наполнения управленческого аппарата «рабочими от станка». Выборочное обследование августа 1929 г., охватившее анкетированием 8995 специалистов 25 крупных предприятий промышленности, шести трестов, двух строительных, двух проектирующих организаций и научно-технического управления ВСНХ (в том числе более 6 тыс. в промышленности), в качестве «высшего звена» выделяло «директоров, управляющих и их помощников» [там же: 133–135].

Материалы обследования августа 1929 г. указывали, что 60,7% специалистов на производстве относились к «**выходцам из старой школы**» и только 39,3% – к «**выходцам из новой школы**», главным образом выдвиженцам. Масштаб революционных потрясений и Гражданской войны был столь велик, что только половина «старых» специалистов работала на предприятиях до 1917 г. [там же: 136].

Годы первой пятилетки характеризовались масштабным ростом числа промышленных предприятий. Между двумя массовыми учета специалистами в промышленности (1 апреля 1930 г. и 1 ноября 1933 г.) при удвоении численности социально-профессиональной группы – «директора и их заместители» (с 8507 до 16 926) стремительно вырос удельный вес партийной прослойки – до 70,3%, сочетаясь с невысокой долей лиц со средним специальным и высшим образованием – 34% [там же: 220].

Ход индустриализации, реализация Первого пятилетнего плана потребовали укрепления полномочий директоров промышленных предприятий. Постановление ЦК ВКП(б) от 5.IX.1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия» [КПСС, 1984: 556–562], дав импульс двум противоречивым процессам: «ограничению руководителей заводов и фабрик от вмешательства партийных и профсоюзных организаций в оперативные распоряжения администрации» и обязательности заслушивания отчетов директоров перед партийными и профсоюзными комитетами – содействовало формированию отдельной социальной единицы – профессиональной группы директоров промышленных предприятий. Одновременно руководство страны расширило возможности директоров получения профессионального образования без отрыва от производства [Бейлин, 1935: 191–194]. Время деления руководителей предприятий на «технических директоров» и «главных» директоров уходило в прошлое. К отряду директоров промышленных предприятий могли быть причислены многие, но остаться на этом посту, хотя бы на несколько лет, суждено было только волевым, ответственным, инициативным, способным учиться и анализировать.

Материалы учетов кадров тяжелой промышленности на 1 октября 1934 г. и на 1 октября 1936 г. позволяют проследить эволюцию социального состава директоров крупных заводов [Кадры..., 1936]. Отряд директоров промышленных предприятий имел мужской облик: три женщины – директрисы фабрик на 454 мужчин в 1934 г. и столько же на 796 мужчин в 1936 г. [там же: 166–167]. Принадлежность к партии была практически обязательна для директорской должности: 98,5% директоров на 1 октября 1934 г. и 96,4% на 1 октября 1936 г. являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б). Доля

большевиков-«подпольщиков», вступивших в большевистскую партию до 1917 г., составляла в 1934 г. 11,5% (51 из 445), в 1936 г. – 9,1% (70 из 770). Основная масса директоров (67% в 1934 г. и 61% в 1936 г.) стала коммунистами в 1917–1921 гг., 5% директоров вступили в партию после 1929 г. [там же: 166–167]. Подавляющее большинство руководителей (78,5% в 1934 г. и 70,1% в 1936 г.) вступили в партию в «досталинские» годы. Материалы учетов на 1 октября 1934 г. и на 1 октября 1936 г. фиксируют стабильность двух возрастных групп директорского корпуса: на наибольшую – 31–40 лет – приходилось соответственно 50 и 48,6%, от 41 до 50 лет – 45 и 44% [там же: 170–171].

Средний возраст директоров-членов Совета был близок к сорока годам. В 1936 г. за плечами 35-летних директоров металлургических комбинатов А.П. Завенягина (ММК), Г.А. Гвахария (Макеевский), К.И. Бутенко (Кузнецкий); немногим более старших, но еще не достигших сорокалетнего рубежа, директоров машиностроительных заводов-гигантов: Д.А. Брускина (ЧТЗ), Б.Л. Ванникова (Тульский оружейный), С.С. Дьяконова (ГАЗ), И.И. Побережского (Пермский моторостроительный), В.В. Фокина (СТЗ) были законченные в 1920-е гг. вузы; изучение зарубежного технического опыта, в том числе в ходе заграничных поездок. Молодость управленцев позволяла выносить сверхнормативные нагрузки. Все члены Совета, имевшие высшее образование, получили его в годы нэпа, среди всей профессиональной группы директоров таких насчитывалось 31%, 44% получили вузовскую подготовку в годы первой пятилетки. Неплохой штрих к сравнению качества образования в годы нэпа и в последующий этап советской истории. Стремительно сокращалась доля директоров с дореволюционным высшим образованием: с 7% в 1934 г. до 2,5% в 1936 г. [там же: 170–171]. Отмеченное выше отношение к «выходцам из старой школы» оказывалось сильнее профессионализма.

Стаж пребывания в директорской должности стал показательным «оселком» профпригодности: за 1934–1936 гг. вырос слой руководителей, кто смог продержаться на своем посту более трех лет – с 18,5 до 27,5%, в том числе более пяти лет – с 2,5 до 8%. Среди 156 директоров, работавших на своих постах к 1936 г. более трех лет, и особенно среди 62, работавших более пяти лет [там же: 189–181], были те, кто начинал начальником строительства и затем превращался в директора завода. Однако (по данным учета 1934 г.) 58% представителей директорского корпуса находились на руководящей работе в промышленности в период 1922–1928 гг., в том числе 8% – в годы Гражданской войны; 42% – первых пятилеток². Большинство «командиров производства» прошли школу хозяйствования в годы нэпа.

Аналогичный вывод касается директоров-членов Совета. Судьба Б.Л. Ванникова, Я.С. Гугеля, И.А. Лихачева, И.Г. Макарова, И.Л. Манаенкова, В.В. Свистуна, ряда других, возглавивших предприятия в начале или в середине 1920-х гг., показательна: руководитель промышленного предприятия, успешно выдержавший реалии нэповской экономики, оказывался в числе лучших и в годы первых пятилеток. Вместе с тем перегрузки 1930-х, недостаточная квалификация хозяйственников, постоянные «партийные чистки» привели к тому, что за 1934–1936 гг. выросла доля директоров «работавших до года»: с 25 до 31%. Интенсивность работы «социального лифта» в среде управленцев на промышленных предприятиях за годы первой и второй пятилеток стремительно возрастает – и по восходящей, и по нисходящей.

25 доступных биографий директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности, выдвинутых в Совет (при народном комиссаре тяжелой промышленности Союза ССР), показывают: 23 из 25 работали на своих постах три и более года, 17 (68%) – более пяти лет. Способность длительный срок удержаться на посту, выполняя плановые задания, стала трамплином для карьерного роста.

Образовательные показатели директорского корпуса по материалам учетов кадров тяжелой промышленности на 1 октября 1934 г. и на 1 октября 1936 г. показывают:

²Хавин А.Ф. Указ. соч. С. 4.

массив руководителей предприятий с начальным образованием сократился с 49,9 до 37%. Во многом это было следствием сокращения доли рабочих-выдвиженцев (с 63,4 до 48%) среди директоров крупных промышленных предприятий [Кадры..., 1936: 168–169]. В середине 1930-х гг. фактор рабочего происхождения начинает утрачивать «святость». Получение специального профессионального образования, наоборот, становится неоспоримым. Однако последствия «борьбы с вредительством» и невысокое качество подготовки студентов индустриальных вузов дали эффект: вузовское образование не гарантировало успешной директорской карьеры. Судя по невысокой динамике массива директоров, получивших среднее профессиональное образование, – с 14,1% на 1 октября 1934 г. до 17% на 1 октября 1936 г. [там же: 172–175] – в рядах директорского корпуса окончание техникума рассматривалось как промежуточный этап карьерного роста. Среди членов Совета три директора ограничились подготовкой в техникуме. С 1 октября 1934 г. по 1 октября 1936 г. доля директоров, имеющих высшее образование, выросла с 36 до 46%. 13% из них в 1934 г. и 17% в 1936 г. закончили Промакадемию, институты хозяйственников [там же: 175], дававшие неполное вузовское образование. Рост группы директоров, имеющих высшее образование, с 23 до 29% являлся положительным фактом ограниченного воздействия.

В 1934 г. профессиональную подготовку имела половина директоров крупных промышленных предприятий: высшее и среднее специальное образование 37% директоров, 13% ограничились обучением в Промышленной академии. В 1936 г. эти показатели выглядели иначе: высшее и среднее специальное образование зафиксировано у 46% директоров, обучение в Промышленной академии – у 17%. Два года относительной стабилизации в экономике привели к росту от 50 до 63% управленцев, имеющих профессиональную подготовку.

Важными критериями (весьма почетного) назначения директоров заводов в Совет, помимо способности организации освоения новых производственных мощностей и технологий, стало наличие дореволюционного партийного стажа, а также (80% директоров) специального профессионального образования (у 13 человек – высшего, у четырех – учебы в Промышленной академии, у трех – среднего технического). Время революционных перемен и индустриальной модернизации еще оставляло место талантливым самоучкам, но начальное образование директоров УЗТМ (Л.С. Владимиров) и ХТЗ (В.В. Свистун) было исключением для членов Совета, оставаясь в то же время нормой для 37% всего директорского корпуса тяжпрома.

Таким образом, можно сделать вывод, что в период первых пятилеток (до 1937 г.) «социальный лифт» выносил наверх директоров, преимущественно имеющих профессиональную подготовку; имеющих опыт хозяйствования в годы нэпа, с ранних лет связанных с большевистской партией; способных к запуску производства «с нуля». Не случайно фамилии многих членов Совета носят улицы современных российских городов. Жизнь успешных директоров первых пятилеток «без ретуши и глянца» включала умение договариваться с работниками наркоматов о сроках, объемах и параметрах качества выпускаемой продукции [Маркевич, 2003]; умение использовать квазирыночные взаимосвязи, ограниченные товарно-денежные отношения [Хлевнюк, 2017: 75]; привыкать к роскошным, по меркам того времени, условиям быта [Лейбович, 2017: 33, 90].

Проявления характеристик «красных директоров» на Всесоюзных форумах хозяйственников. Трудно сказать, что в большей степени заставляло директоров выступать с критическими статьями в печати, с докладами на форумах партийно-хозяйственного актива: вера в социалистический строй, корпоративные интересы, стремление объяснить вышестоящим инстанциям реалии экономических отношений и пагубность волюнтаристских шатаний? Выделим вехи на пути роста профессиональных управленческих качеств у директоров промышленных предприятий первых пятилеток.

Подлинными итогами 1930 г. вызвали смятение Сталина и его окружения не только невыполнением плановых заданий. Глубокий экономический кризис в экономике, расстройство

рынка, массовое недовольство крестьян коллективизацией деревни дополнилось страхом и дезорганизацией работы специалистов под влиянием дела «Промпартии». Поиски выхода из кризиса побудили советское руководство приступить к ряду стабилизационных мер, получивших название «миниреформы» [Хлевнюк, 2010: 117–118]. К этим мерам следует отнести и проведение в начале 1931 г. (с 30 января по 4 февраля) Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [Первая..., 1935] с участием Сталина и Молотова.

Прения на конференции шли пять дней, позволяя из отдельных непродолжительных выступлений скомпоновать картину советской экономики с осени 1929 г. – начала сплошной коллективизации и резкого ускорения темпов индустриализации. Из 91 участника конференции, выступивших в прениях, большинство (71 человек) представляли директорский корпус. Эта группа участников конференции (назовем наиболее известные имена: А.П. Банников, Н.П. Глебов-Авиллов, С.З. Гинзбург, Г.О. Графтио, И.О. Каттель, И.А. Лихачев, А.П. Серебровский и др.) дала нелицеприятную оценку экономической ситуации в стране. Во-первых, критике подвергся сталинский маневр – выделение «особого квартала» – четвертого квартала 1929 г. – «ударного». Итог подвел директор медеплавильного завода в Казахстане Пархоменко: «За последнее время, особенно в ударном квартале, про качество совсем забыли» [там же: 124].

Во-вторых, поставки некачественной продукции стали повсеместным бедствием советской промышленности в 1930 г., порождая высокий процент брака. Директор металлургического завода на Донбассе С.Б. Котельников: «В 1928 г. пустили самую большую в Союзе домну, она была выложена из кирпича-брака. И неудивительно, что через 2–3 месяца эта печь дала прорыв». По словам директора, это далеко не единичный случай [там же: 73–74].

В-третьих, большинство участников конференции отметили отсутствие в промышленности и строительстве подлинного хозрасчета. Наиболее отчетливо эта мысль прозвучала в лаконичном выступлении директора АМО И.А. Лихачева: «Хозрасчета у нас нет. Оборотных средств нам не дают. Бюджет часто составляется липовый, средства урезают “на глаз”. Нужно установить материальную ответственность одного предприятия перед другим, включая штрафы за невыполнение заказов» [там же: 33].

Выступающие приводили примеры текучести кадров из-за отсутствия жилья; низкой механизации труда в строительстве, усугубленной «глупостью и невежеством» малоподготовленных руководителей. Осторожно, формально вскользь, звучали критические замечания в адрес «ударников»; переизбытка проверок; низкого качества работы выдвиженцев, перемещений рабочих в поиске лучших условий [там же: 41, 67, 153–154] – тем не менее, формируя деловой настрой участников конференции.

Четырехлетний марафон разоблачения «вредительства» специалистов принес скромные результаты: в одном выступлении на конференции была озвучена указанная тема [там же: 112]. Ни один из представителей директорского корпуса в присутствии генсека не упомянул фамилии Сталина, не вспомнил постановления ЦК ВКП(б), нацеленные на резкое увеличение плановых заданий.

Сталин и его соратники, созывая Первую Всесоюзную конференцию работников социалистической промышленности, имели вполне конкретные цели: поддержку курса форсированной индустриализации управленцами высшего и среднего звена промышленности и строительства. Как и любое массовое мероприятие, конференция должна была содействовать росту авторитета руководителя партии и государства. Хозяева должны были подсказать выход из экономического хаоса зимы 1930/31 г.; пути снижения потерь от экспериментов.

Анализ выступлений участников конференции позволяет сделать выводы, что конференция не привела к росту авторитета Сталина: его имя отсутствовало в прениях, это был скрытый сигнал руководству страны. Выступления хозяйственников, в меньшей степени

тщательно отредактированные резолюции конференции были нацелены на корректировку экономического курса, не на его слепую поддержку.

Совокупность сложных проблем второго пятилетнего плана обусловила необходимость проведения в сентябре 1934 г. Совещания руководящих работников тяжелой промышленности (20–22 сентября 1934 г.). Факт созыва почти 800 «командиров производства» – 220 директоров крупнейших предприятий индустрии и их заместителей, 92 технических директоров и их заместителей, 123 руководящих работников трестов и 260 начальников главков и секторов НКТП и их заместителей; меньших по численности групп начальников цехов (45 человек) и 66 представителей партийных и профсоюзных комитетов предприятий – говорил о масштабе и значимости мероприятия [Совещание..., 1935: VII]. На Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности тон сообщениям хозяйственников задали (по хронологии выступлений) Г.К. Орджоникидзе, В.М. Молотов, И.В. Сталин. В сентябре 1934 г. представительство советских лидеров ограничилось наркомом тяжелой промышленности.

Речь Г.К. Орджоникидзе [там же: 3–22] при открытии совещания 20 сентября 1934 г. – примечательный исторический источник. В не столь долгом тексте выступления нарком 21 раз упомянул вождя. Упоминания недостатков подавались как невыполнение сталинских указаний. По правдивости представленной картины: признания гигантского количества аварий; простое агрегатов и механизмов, достигающих половины рабочего времени; частых случаев бесхозяйственного обращения с техникой («уход за механизмами и агрегатами прямо-таки варварский») и, как следствие, быстрого износа оборудования за 2–3 года – создавалась своеобразная картина «социалистической промышленности».

В выступлениях директоров промышленных предприятий осуждались практика «штурмовщины», вызванная неритмичной поставкой сырья и материалов, запасных частей; низкое качество поставляемой продукции, прежде всего черных металлов.

Контент-анализ выступлений 25 директоров промышленных предприятий показывал: пятеро говорили только на **технические темы**; двое упоминали **связь плохих жилищных условий и производственной культуры**; четверо подвергли критике **штурмовщину**; восемь осудили **масштаб брака** в поставляемых материалах и полуфабрикатах; одиннадцать призвали менять **методы планирования**. Факты, приведенные на Совещании 20–22 сентября 1934 г., резко отличались от штампов о самой «передовой экономике мира», даже при том, что не были озвучены многие «большие темы» – высокая текучесть кадров; низкая техническая подготовка производственных кадров; несовершенство системы заработной платы рабочих.

Судя по репликам Орджоникидзе в ходе выступлений подчиненных, наркома огорчало, что критические замечания и предложения об исправлении ситуации, как правило, сводились к призывам к смежникам, либо обещаниям «подналечь». Закрывая Совещание, Орджоникидзе предложил не принимать никаких резолюций, «ограничиться только принятием Обращения от имени Совещания, которое потом будет утверждено НКТП как приказ по тяжелой промышленности». Совещание утвердило проекты «Положения об организации управлением цехом и заводом» в черной металлургии, машиностроении, химической промышленности. В каждом из положений указывалось, что директор полномочный руководитель завода и организатор производства материальных ценностей на основе полного хозрасчета [Совещание..., 1935: 341–395]. Декор восхваления вождя казался безукоризненным: «Письмо» участников Совещания Сталину (в первый день работы) насыщено фразами «вдохновитель и организатор побед социалистической индустрии» и «наш друг, вождь и учитель». Идеологически выдержанным было «Обращение» «Ко всем работникам тяжелой промышленности» [там же: V–VI, VIII–XV].

Но материалы Совещания, изданные тиражом в 15 тысяч экземпляров, объективно нарушали мифы той советской жизни, которую под руководством Сталина рисовали пропагандисты СССР. За внешне чисто производственными требованиями представитель директорского корпуса стояло нежелание мириться с штурмовыми методами работы,

порожденными волонтаризмом в планировании. За резолюциями о «полновластии» директора скрывалось стремление ограничить вмешательство партийных комитетов в дела предприятия.

Для Орджоникидзе – инициатора и организатора Всесоюзных совещаний хозяйственников – подобное мероприятие было еще и попыткой опереться на коллективный опыт «директорского корпуса» в борьбе с волонтаристскими тенденциями в экономике, противоборством нарастающей новой волны преследований специалистов, возможностью воздействия на Сталина доводами практики.

Логика действий руководства НКТП привела к созыву Совета при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 10–12 мая 1935 г., собрания 104 руководителей и специалистов (заместителей наркома, руководителей главков, 28 директоров крупнейших предприятий тяжелой промышленности) [Совет..., 1935: 3–8]. Заседание Совета было заметным событием в жизни страны уже в силу состава присутствующих, претендующих на важное место в политической жизни СССР: объективно это было одно из значимых событий 1935 г.

Контент-анализ выступлений 18 директоров промышленных предприятий показывает: исчезают выступления, касающиеся чисто технической тематики; только одно выступление упоминало связь низкого уровня жилищных условий и производственной культуры; еще одно – подвергло критике методы штурмовщины; восемь директоров осудили масштабы брака в поставляемых материалах и полуфабрикатах; девять – призвали изменить существующие методы планирования. Новым моментом стало указание в пяти выступлениях на отсутствие подлинного хозрасчета, а в десяти – в качестве главной задачи была поднята проблема рентабельности предприятий.

Сравнение содержания выступлений директоров в 1934 г. и 1935 г. носит относительный характер в силу сопоставления близких, но не однородных профессиональных групп. Тем не менее вектор эволюции взглядов очевиден: исчезают выступления исключительно на технические темы; методы штурмовщины уходят на периферию; некоторое улучшение бытовых условий работников позволяет снизить актуальность темы связи жилищных условий и производственной культуры. Стабильно высокой остается проблема брака; возрастает значимость рентабельности предприятий; бесспорны осуждения методов планирования [Совет..., 1935].

Приведенный выше вывод подтверждает и контент-анализ выступлений директоров на Совете при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР, созванном 25–29 июня 1936 г. [Совет..., 1936].

Даже относительная стабилизация в экономике привела к тому, что исчезают темы штурмовщины в работе, связи низкого уровня жилищных условий и производственной культуры. Из выступивших 25 директоров семеро осудили масштабы брака в поставляемых материалах и полуфабрикатах; семеро подняли проблему рентабельности заводов и фабрик. 16 директоров (две трети выступивших) подвергли критике существующие методы планирования.

Таким образом, на Совещаниях директоров крупных промышленных предприятий 1931 г. и 1934–1936 гг. ставке на «бешеные темпы» и штурмовые методы работы, волонтаризм в планировании противопоставлены подходы, исходящие из опыта хозяйствования. Пространство лозунгов о «построении основ социализма» уступало место картине реального хода индустриализации. Изучение экономических законов и методов конкурировало с заучиванием доктрин.

В 1934–1936 гг. на директорский корпус слабее действовали призывы работать лучше, «драться за рентабельность»; «железную большевистскую дисциплину», «поднимать технику на все большую и большую высоту» [Совет..., 1935: 296, 299]. Сталинская терминология, рапорты «вождю» не могли скрыть происходящего: критическая оценка «командиров производства» шла вразрез с пропагандистскими штампами. Под сомнение ставилась «мудрость» экономического курса высшего руководства. Обращает на себя

внимание то, что упоминания имени Сталина редки в выступлениях, либо звучат в контексте указаний Сталина на отдаленной Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

На Совещаниях директоров крупных промышленных предприятий 1931 г. и 1934–1936 гг. обнаружился приоритет требований директорского корпуса о праве предприятий на хозрасчетные отношения, основе производственных отношений и методов планирования; осуждение «штурмовых» методов. В переводе на язык практики это означало стабилизацию планирования и производственной деятельности; приоритет качественных показателей. Новацией стало отстаивание системы балансов во внутриотраслевых и межзаводских отношениях. Предложения «командиров производства» не посягали на принципы централизованного управления, но затрудняли диктат партийных органов, осложняли практику указаний «сверху», изменений плановых заданий.

Выводы. Для руководства НКТП материалы Совета (Первого Пленума) 10–12 мая 1935 г. стали отправной точкой переосмысления методов реализации второго пятилетнего плана, в частности организации взаимосвязанных мероприятий второй половины 1935 г. – стахановского движения и Государственной программы обязательного технического обучения рабочих [Фельдман, 2015]. Для директорского корпуса 1935–1936 гг. стали временем борьбы за качество продукции на основе реорганизации труда и производственно-технической подготовки.

Совещания представителей хозяйственной элиты 1934–1936 гг. показывали растущие несовпадения содержания и нацеленности двух тенденций политики партии/государства. Накопление критической массы могло разрешиться либо реформированием системы управления в промышленности, либо репрессиями. Управленческий опыт директорского корпуса и работников НКТП привели на Совете при народном комиссаре тяжелой промышленности 25–29 июня 1936 г. к новому выводу о необходимости планировать выполнение программы не валовой, а товарной продукции [Совет..., 1936: 410]. Внимательный читатель помнит: подобный тезис содержала экономическая реформа 1965 г.

Реакция Сталина не заставит себя ждать: с августа 1936 г. начнутся аресты работников НКТП, с января 1937 г. – директоров промышленных предприятий. Предложения представителей директорского корпуса выживут и станут основой экономических реформ спустя десятилетия. Путь к прозрению не остается бесследным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
- Алкацев Д.К. Авраамий Завенягин. Очерк жизни и деятельности. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1975.
- Бейлин А.С. Кадры специалистов СССР: их формирование и рост. М.: Союзоргучет, 1935.
- Берниковская М.В., Носова А.Д. Рабочий директор: Документальная повесть. Челябинск: Челябинское кн. изд-во, 1963.
- Беспалова В.А. Нарком Брускин: Память сердца. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Бирнбаум П. Французский правящий класс / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1981.
- Богуненко Н.Н. Музруков. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2005.
- Кадры тяжелой промышленности в цифрах. М.: Сектор общих изд. ОНТИ НКП, 1936.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат, 1984.
- Кучер В.Н. Формирование директорского корпуса предприятий металлургической промышленности в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века (По материалам Магнитогорского металлургического комбината). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2004.
- Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь: Титул, 2017.
- Леонтьева Т.К. Лихачев. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1979.
- Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–55.
- Миллс Р. Властвующая элита. М.: Иностр. лит., 1959.
- Новые кадры тяжелой промышленности (1930–1933). М.: НКТП, 1934.

- Осокина Е.А. О социальном иммунитете или критическом взгляде на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. 5–7 декабря 2008. М.: РОССПЭН, 2011. С. 387–406.
- Павлов К.С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940 гг. (по материалам Челябинской области). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2010.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М.: ОГСЭИ, 1931.
- Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012.
- Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности Союза ССР. (Первый Пленум). М.-Л.: ОНТИ НКТП, 1935.
- Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. (Второй Пленум). 25–29 июня 1936 г. М.: ОНТИ НКТП, 1936.
- Совещание руководящих работников тяжелой промышленности 20–22 сентября 1934 г. Стенографический отчет. М.-Л.: ОНТИ, 1935.
- Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М.: ЦУНХУ Госплана СССР. В/о Союзоргучет, 1936.
- Фельдман М.А. Выдвиженцы 1917–1941 гг.: проблематичность восходящей мобильности // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 94–102.
- Фельдман М.А. Стахановское движение: место в мифической и реальной предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8 С. 3–19.
- Хавин А.Ф. Капитаны советской индустрии // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 3–14.
- Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.
- Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3(17) . С. 75.
- Хлевнюк О.В. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.
- Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011.
- Шпотов Б.М. Американский бизнес и СССР в 1920–1930 гг. М.: Либроком, 2012.
- Штудер Б., Уифрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х. М.: РОССПЭН, 2011.

Статья поступила: 07.04.21. Финальная версия: 29.04.21. Принята к публикации: 18.06.21.

DIRECTORS OF THE 1930TH HEAVY INDUSTRY ENTERPRISES: DYNAMICS IN A SOCIO-PROFESSIONAL GROUP

FELDMAN M.A.

Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Mikhail A. FELDMAN, Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia (feldman-mih@yandex.ru).

Acknowledgements. Author is sincerely grateful to journal's anonymous reviewers for valuable criticism and advice.

Abstract. In the paper, based on the historical literature, statistical records on the industrial management personnel in 1929, 1934 and 1936, the All-Union meetings of executives in 1931–1936, an attempt is made to offer a social portrait of the professional group of directors of USSR major enterprises during the first five-year plans. Comparative statistical method allowed to compare social characteristics of the entire professional group of directors – and its core, “elite” of 28 directors of the largest heavy industry enterprises elected to the Council under the People’s Commissar of Heavy Industry. If the analysis of the different social characteristics of the entire professional group of directors and its core allowed to identify quantitative indicators contributing to the career success of these executives, analysis of the content of the speeches by managers at the All-Union meetings in 1931 and 1934, and at the Councils under the People’s Commissar of Heavy Industry in 1935 and 1936 allowed to identify specific features of those “production commanders” who achieved most significant successes. It is found that during the first five-year plans, the “social elevator” brought up directors mainly with professional training; experienced in managing during the NEP years, linked to Bolshevik Party; able to launch any production “from the scratch”. The life of successful directors during the first five-year plans

included ability to negotiate with the officials of the People's Commissariats on the terms, volumes and quality parameters of the products to be manufactured; ability to use quasi-market relationships, primarily limited commodity-money relations.

Keywords: directors, industrial enterprises, party, industrialization, five year plans, Soviet industries.

REFERENCES

- Alkatsev D.K. (1975) *Avraamiy Zavenyagin. An essay on life and work*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoye kn. izd-vo. (In Russ.)
- Beilin A.E. (1935) *Personnel of USSR Specialists*. Moscow: Soyuzorguchet. (In Russ.)
- Bernikovskaya M.B., Nosova A.D. (1963) *Working director: Documentarystory*. Chelyabinsk: Chelyabinskoye kn. izd-vo. (In Russ.)
- Bespalova V.A. (2018) *Narkom Bruskin: Memory of the heart*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Bogunenko N. (2005) *Muzrukov*. Moscow: Molodaya gvardiya, ZhZL. (In Russ.)
- Cadres of heavy industry in numbers*. (1936) Moscow: Sektor obshchikh izd. ONTI NKP. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2015) Stakhanov movement: place in the mythical and real pre - Soviet history. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 8: 3–19. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2020) Nominees of 1917–1941: problematizing upward mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 94–102. (In Russ.)
- Included in the Operation. Mass Terror in the Kama Region in 1937–1938*. (2006) Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Khavin A.F. (1966) Captains of Soviet industry. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 5: 3–14. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (1996) *Politburo. Mechanisms of political power in the 30s*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2010) *The Owner. Stalin and the Establishment of the Stalinist Dictatorship*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. (2017) Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unsolved problems. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3(17): 75. (In Russ.)
- Kucher V.N. (2004) The formation of Directors of the metallurgical industry in the late 20's-early 50-ies of XX century (On materials of the Magnitogorsk metallurgical combine). Autoref. dis. ... cand. istor. nauk. Moscow. (In Russ.)
- Leibovich O. L. (2017) *Hunting for the red director*. Perm: Titul. (In Russ.)
- Leontieva T. K. (1979) *Likhachev*. Moscow: Molodaya gvardiya (ZhZL series). (In Russ.)
- Markevich A.M. (2004) Was the Soviet economy planned? Planning in drugs in the 1930s. In: *Economic History: Yearbook*. 2003. Moscow: 20–55. (In Russ.)
- Meeting of senior workers of heavy industry 20–22 September 1934*. (1935). Verbatim report. Moscow: ONTI. (In Russ.)
- New cadres of heavy industry (1930–1933)*. (1934). Moscow: NKTP. (In Russ.)
- Osokina E.A. (2011) On social immunity or a critical view of the concept of passive (everyday) resistance. In: *The history of Stalinism: results and problems of study*. Moscow: ROSSPEN: 387–406. (In Russ.)
- Pavlov K.S. (2010) *Social appearance of the director's corps of Soviet metallurgical plants in the 1930s–1940s (based on the materials of the Chelyabinsk region)*. Autoref. dis. ... cand. history of sciences. Chelyabinsk. (In Russ.)
- Shattenberg S. (2011) *Engineers of Stalin. Life between technology and terror in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Shpotov B.M. (2012) *American Business and the USSR in the 1920s–1930s*. Moscow: Librokom.
- Studer B., Uifrid B. (2011) *Stalin's party cadres. Identification practice and discourses in the Soviet Union of the 1930s*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- The Communist party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)*. (1984) Moscow: Politizdat. Vol. 4. 1926–1929. (In Russ.)
- The composition of the leading workers and specialists of the Union of the SSR*. (1936) Moscow: TSUNKHU Gosplana SSSR. V/o Soyuzorguchet. (In Russ.)
- The Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. (First Plenum)*. (1935) Moscow: ONTI NKP. (In Russ.)
- The Council under the People's Commissar of Heavy Industry of the USSR. (Second Plenum)*. 25–29 June 1936. (1936) Moscow: ONTI NKP. (In Russ.)
- The first All-Union Conference of Workers of Socialist Industry. Verbatim report from January 30 to February 5, 1931*. (1931) Moscow: Ogiz. Gos. sots.-ekon. izd-vo. (In Russ.)

Received: 07.04.21. Final version: 29.04.21. Accepted: 18.06.21.

С.Г. ИВЧЕНКОВ, Я.А. НИКИФОРОВ, С.В. СИТНИКОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ РАКУРСЕ (КЕЙС САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ИВЧЕНКОВ Сергей Григорьевич – доктор социологических наук, декан (ivchenkovsg@mail.ru); НИКИФОРОВ Ярослав Александрович – доктор социологических наук, профессор (nikiforovy@mail.ru); СИТНИКОВА Светлана Викторовна – доктор социологических наук, профессор (skareva@yandex.ru). Все – социологический факультет Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Аннотация. Статья посвящена социальной памяти россиян о Великой Отечественной войне. Социальная память имеет ключевое значение для социальных взаимоотношений: продуцируя социально-ценностную парадигму, она лежит в основе «нормализации» социальных действий. Выбранная институциональная парадигма исследования определила индикаторную схему исследования, содержащую ряд оценочных позиций о качестве хранения и передачи исторических фактов из поколения в поколение. Содержание раскрыто в таких позициях, как: рейтинг популярных источников получения информации о событиях Великой Отечественной войны, уровень доверия информации с точки зрения доступности, объема и исторической достоверности. Такой подход дал возможность объективировать субъективные оценочные позиции построением модели средних показателей. Использована также качественная исследовательская стратегия. Вопросы – аргументы оценок доверия были открытыми. Это позволило объективно оценивать качество деятельности по воспроизводству социальной памяти социальных институтов: семья, школа, СМИ, государство. Полученные данные позволяют утверждать, что в отношении формирования, сохранения, развития и передачи социальной памяти россиян о Великой Отечественной войне социальные институты, ответственные за эти процессы, выполняющие свои функции, способствуют сохранению, упрочению, развитию и саморегуляции социальной системы современного российского общества.

Ключевые слова: социальная память • коллективная память • поколения • институциональный подход • Великая Отечественная война

DOI: 10.31857/S013216250014473-3

Актуальность исследования социальной памяти о Великой Отечественной войне сегодня обусловлена двумя аспектами. С одной стороны, социальная память как объект притягивает к себе научный интерес в силу важнейшей имманентной функции: созидание и поддержание социальной памяти, формирование индивидуальной и социальной идентичности в любом современном обществе. Особенно этот момент обостряется в наше время, идентифицируемое в массовом сознании как общество «информационное», когда господствующие в информационном пространстве СМИ выступают основным агентом воспитания и социализации. С позиции социологического познания очевидно значимы выявление и оценка действенности социальных механизмов и инструментов процесса институционализации социальной памяти в стране. Вторым обстоятельством, актуализирующим данное исследование, являются изменения в динамике общественного сознания, изменения горизонтов социальной памяти о Великой Отечественной войне. Уходят поколения, появляются альтернативные трактовки событий, из школьных программ исчезают книги о войне, сокращаются учебные часы по теме. Неясным представляется становление социальной памяти молодых россиян о ВОВ. Это тревожно, ведь отечественный опыт формирования национально-государственной идентичности в большой степени связан с

войнами. Важно понять, какие социальные структуры и механизмы в современном российском обществе оказывают действенное влияние на воспроизводство социальной памяти о Великой Отечественной войне.

Теоретико-методологические основания исследования. Концептуализируя понятие социальная память, мы принимаем за данность, что определение «социальная» является объединяющим, родовым, для всех употреблявшихся в рассуждениях о данном феномене понятий. Коллективная, историческая, групповая и даже индивидуальная (относящаяся к социальным событиям) память может рассматриваться только через социальные факторы. Атрибут же «коллективная» (как наиболее близкий по значению) указывает на конкретных носителей памяти, то есть группы, общности, сообщества. В процессе теоретической концептуализации понятий мы пришли к осознанию возможности пользоваться указанными терминами (в качестве рабочих определений) как субституциональными.

Коллективная память – термин, который широко используется в научном сообществе, но при этом имеет весьма смутные дефиниции в современном академическом дискурсе. Первое использование термина коллективной памяти относится к трудам Г. фон Гофманнстала в 1902 г., который ссылался на «сковывающую силу наших предков внутри нас» и «слои накопленной коллективной памяти» [Schieder, 1978: 1–18]. Однако современные исследователи начинают отсчет по-настоящему научного изучения проблемы с труда «Социальные рамки памяти» французского социолога М. Хальбвакса, ученика Э. Дюркгейма. Он концептуализировал коллективную память как «живую память» социальной группы. Имея в виду, что история, «мертвая структура» прошлого, полная дат и событий, четко структурированная, но незаполненная человеческим существованием, коллективная память – это прошлое, как помнят его те, кто его прожил. С одной стороны, то, что происходило за пределами сообщества, вряд ли станет воспоминанием его членов. С другой стороны, коллективная память обращается к истории, когда сообщества, проживавшие прошлое, исчезают.

С этого времени оно достаточно долго использовалось в качестве свободного рабочего определения в исследованиях различных социальных проблем, но не как конструкция, которая заслуживает отдельного пристального внимания. Однако в последнее время коллективная память стала объектом возобновившегося интереса в гуманитарных и общественных науках и играет теперь ключевую роль в междисциплинарной деятельности по исследованиям памяти [Roediger, Wertsch, 2008: 5–17]. Но основное осложнение заключается в следующем: дефиниций у данного понятия почти столько же, сколько исследователей, пишущих по данной проблематике. Возможно, единственным согласованным утверждением можно считать то, что коллективная память – это форма памяти, которая выходит за рамки памяти одного человека и разделяется сообществом людей.

Одна из причин трудностей в определении коллективной памяти – то, что это тема не вписана четко в границы какой-либо одной академической дисциплины. Больше того, не существует даже устоявшегося общего мнения на сам концепт, в разных исследованиях употребляется несколько вполне взаимозаменяемых и синонимичных терминов (коллективная память, социальная память, историческая память и проч.). Понятие (или понятия) исследовалось социологами, антропологами, культурологами, психологами, историками, литературоведами и т.д., но усилия оставались несоординированными.

По мнению Вертч, существует в общих чертах три основных противоречия, в рамках которых ведутся исследования социальной памяти: между социальной памятью и коллективными воспоминаниями, между историей и социальной памятью и между индивидуальной памятью и социальной памятью.

В первой из этих оппозиций подчеркивается активная, часто спорная природа коллективных воспоминаний. История и социальная память представляют два способа осознания прошлого, и картины прошедшего, которые они рисуют, часто взаимосвязаны. Однако важно иметь в виду существенное различие в целях и функциях этих двух подходов. Цель истории – представить объективное видение прошлого – часто входит в прямой

конфликт с субъективным, иногда просто редуцированным подходом социальной памяти, который выполняет существенную роль в формировании социальной идентичности. История готова изменить нарратив, чтобы быть лояльной к фактам, тогда как социальная память готова изменить информацию (даже факты), чтобы быть лояльной к нарративу. В случае третьей оппозиции – фундаментальное различие между отдельными и коллективными процессами – основой является суждение о том, что делает коллективную память коллективной. А именно та сходная для всех членов общности совокупность социальных и культурных ценностей в понимании прошлого [Wertsch et al., 2008: 318–326]. Я. Дудай отмечал, что «социальная память» имеет три трактовки в разных научных подходах [Dudai, 2008: 51]: 1) совокупность знаний, специфика культуры людей, которые разделяют общие представления; 2) социальный признак, отличительное целостное изображение прошлого группы; 3) социальный процесс, непрерывная эволюция взаимодействия между человеком и группой.

Проводя различие между историей и социальной памятью, Ассман предостерегает от абсолютной и чрезмерно простой оппозиции, которая привела бы к «слишком стерильной концепции чистых фактов в противоположность эгоцентризму мифотворчества социальной памяти» [Assmann, 1997: 14].

Некоторые исследователи предпочитают собственные трактовки концепта социальной памяти. Стуркин определяет «культурную память» как «память, которая вынесена за пределы формального исторического нарратива, но при этом завязана на продуктах культуры и наполнена культурным значением» [Sturken, 1997: 3]. Олик и Леви употребляют понятие «образы прошлого» как часть «политических культурных профилей» [Olick, Levy, 1997: 921].

Так как в нашем исследовании упор сделан на социологическом понимании социальной памяти, попробуем выделить в первую очередь именно социологические аспекты ее изучения.

Среди европейских социологов-классиков можно вспомнить Дюркгейма, который высказывал соображения о социальном характере памяти, обращаясь к этой проблеме в процессе рассуждения об особенностях ритуальных воспоминаний (но только в контексте первобытных обществ) [Дюркгейм, 1918: 132–134]. Социальное воспроизводство было одной из базовых категорий марксовской теоретической мысли, однако марксистская традиция подчеркивает автоматическое и неосознанное свойство этого процесса; сознательное внимание к прошлому полагается иррациональным атавизмом более ранних социальных форм: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс, Энгельс, 1960: 116]. Зиммель писал, что «вся неуверенность в прошедших событиях и трагедии утрат, связанные с прошлым, обнаруживаются в разрушении последовательного и единого представления о прошлом» [Simmel, 1959: 259–266]. У Вебера мы немного найдем о социальной памяти, несмотря на его интерес к легитимации традиций. Он считает, что «бессмысленна культурная жизнь как таковая, ведь именно она своим бессмысленным “прогрессом” обрекает на бессмысленность и самое смерть» [Вебер, 1990: 717].

Позже социология переместилась от исследования социальных структур и нормативных систем к социальной практике. Представление, что у всех социальных структур есть история и поиск смыслов существования этих структур в прошлом – один из значимых способов их легитимации, приводит к повышению интереса к социальной памяти, именно потому, что это поднимает вопросы о сохранении и изменении этих структур [Crape, 1994].

Итак, в ракурсе выработки теоретико-методологических оснований прикладного социологического исследования обозначим наиболее существенные положения. Социологический подход к социальной памяти актуализируется изучением механизмов, продуцирующих, закрепляющих и сохраняющих социальность. Социальная память имеет ключевое значение для социальных взаимоотношений в силу того, что, продуцируя социально-ценностную парадигму, лежит в основе *нормализации* (в смысле норм) социальных действий.

Наиболее подходящей для применения видится институциональная парадигма разработки теоретико-методологических оснований исследования. Самой значимой установкой нашего исследования является то, что в рамках институционального подхода общество предстает как конкретная институциональная структура, объединяющая социальный опыт общества и государства, совокупность устоявшихся законов, социальных ценностей, норм, связей, менталитета и стереотипов поведения. Ю. Хабермас, разрабатывая коммуникативные аспекты генезиса социальных институтов, выделял целерациональную деятельность социума, подразумевающую выработку общественной воли. Д. Коммонс подчеркивал, что социальный институт опирается на нормативные основания, отраженные в действиях и взаимоотношениях личностей. При этом институты в свою очередь отражают взгляды и убеждения индивидов по поводу норм и механизмов формирования представлений, институционализирующихся в нормы и правила. В. Парето утверждал, что базовой характеристикой общества как системы является его поступательное движение при обязательном сохранении эмоционально обеспечиваемого равновесия. Д. Норт был убежден, что эффективность деятельности социальной системы обуславливается возможностями институционального воздействия на подсистемы общества.

Можно продолжать приводить наиболее значимые идеи представителей институционального подхода, но коротко: в рамках этой модели постулируется неразрывная связь между социальными институтами и нормативно-ценностной системой общества, коллективным сознанием, взглядами и убеждениями отдельных индивидов, социальными механизмами общественного развития.

Соответственно, для разработки индикаторной схемы массового опроса опорным моментом является понимание и рассмотрение социальной памяти как социального института. Это подразумевает выдвигание на передний план в смысловом поле исследования следующих вопросов: институты формирования, развития и передачи социальной памяти; механизмы конструирования социальной памяти на уровне индивидуального и массового сознания; роль социальной памяти в формировании коллективной идентичности.

Применительно к конкретным социальным институтам социальной памяти в социологической литературе существует достаточно большой разброс мнений, однако в наиболее общем виде их можно разделить на две большие группы по признаку выполняемых функций: институты хранения и накопления; институты продуцирования и трансляции. Первые – библиотеки, музеи, архивы и другие хранилища информации – определенным образом консервируют, замораживают, «омертвляют» социальную память. В обобщенном виде роли, выполняемые этой группой институтов социальной памяти, в целом таковы: формирование и поддержание пространства гражданственности; обеспечение социально-исторической грамотности; хранение и распространение социально-конституированной исторической информации. И хотя их роль, безусловно, уникальна, как механизм функционирования социальной памяти они существенно уступают второй группе институтов. В нее различные исследователи, пользуясь разными принципами классификации, тем не менее, консолидированно включают: образование (просвещение), средства массовой информации (электронные и печатные) и институты производства духовных ценностей (в первую очередь кино и литературу) [Волкова, 2015: 446; Жуков, 2013: 11]. В их социальные функции включены: обозначение «рамки» воспоминаний и восприятия прошлого; актуализация, создание и/или поддержание, вытеснение образов прошедших исторических событий. Они также служат площадками общественных дебатов, дискуссий, формирующих и легитимирующих ключевые позиции социальной памяти.

Об исследовании. Авторское исследование социальной памяти жителей Саратовской области о Великой Отечественной войне было проведено социологами Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского в феврале – апреле 2020 года

методом полужформализованного опроса. При формировании двухступенчатой¹ квотно-стратифицированной выборки по территориальному, возрастному и гендерному признакам нами были учтены данные пропорциональных распределений в рамках официальной статистики². В выборке представлены как горожане (областной центр г. Саратов, районные центры гг. Воскресенск, Ершов, Балашов, Татищево, Лысье горы), так и сельское население (жители сел и деревень указанных районов)³: Саратовского, Воскресенского, Ершовского, Лысогорского, Татищевского, Балашовского районов. С учетом валидных данных анкет, заложенных на корректировку выборки, итоговая совокупность опрошенных составила 392 человека⁴. Распределение по половой принадлежности отражает пропорции генеральной совокупности: мужчин – 48,2%, женщин – 52,8%. Одной из задач исследования был сравнительный анализ данных с учетом поколенческой специфики. В связи с этим совокупность опрошенных разделена на четыре возрастные группы, приближенно отражающие квартильное деление, что позволило получить корректные для корреляционных моделей данные. 26% по выборке составили представители поколения от 16 до 24 лет, 25,3% – респонденты в возрасте 25–39 лет. Условно эту группу мы назвали «взрослая молодежь». Доля представителей средней возрастной группы (40–59 лет) – 28,8% и старшей (60–86 лет) – 19,9%.

Институциональный подход определил индикаторную схему исследования, содержащую ряд оценочных позиций о качестве хранения и передачи исторических фактов из поколения в поколение. Содержание раскрыто в таких позициях, как: рейтинг популярных источников получения информации о событиях Великой Отечественной войны, уровень доверия информации с точки зрения доступности, объема и исторической достоверности. Измерительные шкалы имели, на наш взгляд, оптимальный уровень чувствительности – от 1 до 5 баллов. Такой подход дал возможность объективировать субъективные оценочные позиции построением модели средних показателей (медианы, моды, среднего арифметического, дисперсии). Кроме того, при построении анкеты использована качественная исследовательская стратегия. Некоторые вопросы, в частности аргументы оценок доверия были открытыми. Все это позволяет объективно оценивать качество работы по сохранению исторической памяти различных социальных институтов – семья, школа, СМИ, государство и т.д.

В числе значимых индикаторов также рассмотрены: оценка населением степени участия современного российского государства в контроле и сохранении, информации о событиях ВОВ из различных источников; рейтинг исторических событий с точки зрения их социальной значимости; уровень интереса граждан к информации подобного рода. Кроме того, поскольку процессы хранения, передачи, интерпретации социальной памяти имеют поколенческую специфику, алгоритм анализа эмпирической информации предполагал сравнительный анализ ответов представителей различных поколений.

¹ На первом этапе был сформирован список территориальных кластеров (с учетом удаленности от центра области, характеристик и численности проживающих), из каждого кластера отобраны наиболее типичные. На втором этапе реализован алгоритм расчета квотной выборки с учетом характеристик населения выбранных районов.

² Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. URL: http://srtv.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/srtv/ru/statistics/population/6532cb004675bf0fa1c6e9edfce35b80 (дата обращения: 11.01.2019).

³ Выборочные пропорции полностью отражают пропорции генеральной совокупности: 75% – городское население, 25% – сельское.

⁴ Численность постоянного населения по указанным районам на начало 2020 г. составила 1 049 766 человек. Без учета детей и подростков до 15 лет – 986 740 человек. При доверительной вероятности 95% и погрешности $\pm 5\%$ объем репрезентативной выборочной совокупности должен составлять не менее 384 человек. (Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 г. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9C%D0%9E_Site.xlsx (дата обращения: 15.02.2020).)

Результаты исследования. Субъективная оценка значимости исторических событий для России, на наш взгляд, является одним из индикаторов, раскрывающих не только содержательные аспекты социальной памяти, но и, косвенно, институциональные. Результаты исследования показали: доминирующая часть саратовцев упоминают в качестве значимого исторического события Великую Отечественную войну (78,4%). Вторым по числу упоминаний оказался полет Гагарина в космос (52,5%) и третьим – распад СССР (41,5%). Далее Октябрьская революция 1917 года (24,5%), Первая мировая война (20,9%), открытие и производство ядерного оружия (19,8%) и распад Российской империи (17,8%). В данных оценках проявились некоторые поколенческие особенности. Значимость Великой Отечественной войны увеличивается с возрастом: среди младшего поколения это событие отмечают 67,7%, среди взрослой молодежи 78,8%, среднего поколения 83,6%, старшего – 83,8%. Полет Гагарина в космос имеет большую значимость для представителей среднего поколения, распад СССР – для младшего (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка значимости исторических событий (% упоминаний по поколениям)

Событие	Поколение				% от общего
	младшее	взрослая молодежь	среднее	старшее	
Распад СССР	47,9	34,3	40	44,9	41,5
Первая мировая война	24	13,1	24,5	21,8	20,9
Великая Отечественная война	67,7	78,8	83,6	83,8	78,4
Полет Гагарина в космос	54,2	51,5	58,2	43,6	52,5
Открытие и производство ядерного оружия	17,7	21,2	19,1	21,8	19,8
Октябрьская революция 1917 г.	33,3	26,3	13,6	26,9	24,5
Распад Российской империи	17,7	19,2	19,1	14,1	17,8

Примечание. Полуоткрытый вопрос анкеты: «Какие исторические события вы считаете значимыми для России?» (Возможны несколько вариантов ответа). Шкала ответов представлена в таблице 1. Варианты ответов были выработаны в результате проведенного опроса экспертов и контент-анализа электронных и печатных СМИ. Своих вариантов никто из респондентов не предложил.

В семьях большей части опрошенных (80%) были или есть участники Великой Отечественной войны; чем старше респонденты, тем чаще они об этом упоминают, что вполне закономерно. Если среди представителей младшего поколения их чуть более 70%, среди старшего их на 20% больше.

Динамика интереса к информации о событиях Великой Отечественной войны также имеет возрастную специфику: чем старше респондент, тем чаще он интересуется информацией подобного рода⁵ (см. табл. 2). Более трети респондентов среди взрослой молодежи, среднего и старшего поколения постоянно находятся в курсе событий. Среди младшего их в два раза меньше. При этом значительная доля среди них (38%) ответили, что не интересуются информацией о событиях Великой Отечественной войны, но информацию получают. Этот факт свидетельствует не только об уровне интереса молодых саратовцев к подобной информации, но и о достаточной освещенности тематики в средствах массовой информации.

⁵ Статистическую значимость тенденции подтверждает расчет Тау-в Кендалла. При значимости 0 значение составило 0,2.

Таблица 2

Интерес к информации о событиях Великой Отечественной войны

Показатели	Поколение				% от общего
	младшее	взрослая молодежь	среднее	старшее	
Совсем не интересуюсь	11	5,1	2,7	0	4,9
Нет, но информацию получаю	38	29,6	19,8	23,7	27,8
Да, периодически интересуюсь происходящим	36	30,6	38,7	36,8	35,6
Да, постоянно нахожусь в курсе событий	15	34,7	38,7	39,5	31,7

Примечание. Закрытый вопрос анкеты: «Интересуетесь ли вы информацией о событиях Великой Отечественной войны?»

Самым популярным источником информации о событиях Великой Отечественной войны является кино (чаще советское и российское) (см. табл. 3). Более 70% саратовцев упомянули этот источник. Около 40% опрошенных назвали архивные документальные интернет-ресурсы, музеи, экспозиции, мемориалы, треть – школьные учебники, художественную литературу, блоги, тематические чаты, семейные архивы, документы, воспоминания. В группу с наименьшим числом упоминаний вошли документальные исследования, мемуары, публичные лекции историков и общение с современниками событий Великой Отечественной войны. Возрастные особенности можно наблюдать и здесь. Наиболее ярко проявлено это в отношении таких источников, как общение с современниками событий, семейные архивы. Их чаще используют представители старшего поколения. Школьные учебники вполне логично чаще называет молодежь. Представители среднего поколения чаще называли архивные документальные интернет-ресурсы и музеи, экспозиции. Тематические блоги чаще упоминались представителями возрастной группы 25–39 лет.

Таблица 3

Источники информации о событиях Великой Отечественной войны

Источники	Поколение				% от общего
	младшее	взрослая молодежь	среднее	старшее	
Общение с современниками событий ВОВ	15	13,5	17,9	31,6	18,8
Семейные архивы, документы, воспоминания	21	27,1	30,4	43,4	29,7
Школьные учебники, по которым лично Вы учились/учитесь в школе	40	33,3	27,7	27,6	32,3
Современные учебники	8	4,2	1,8	1,3	3,9
Кино	70	74	80,4	73,7	74,7
Художественная литература	36	28,1	32,1	34,2	32,6
Документальные исследования, мемуары, архивы	29	24	28,6	10,5	24,0
Публичные лекции, семинары экспертов-историков	23	24	19,6	15,8	20,8
Архивные документальные интернет-ресурсы	31	40,6	50,0	28,9	38,5
Блоги, чаты, обсуждения событий ВОВ	23	43,8	36,6	22,4	32
Музеи экспозиции, мемориалы	37	33,3	46,4	34,2	38,3

Наиболее популярные источники информации о событиях Великой Отечественной войны вошли в рейтинговый список доверия: кино (48,7%), музеи, мемориалы (39,6%), архивные документальные ресурсы (33,1–37,2%). Современные школьные учебники вызывают доверие у 1,8% опрошенных саратовцев (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1

Источники информации о событиях ВОВ, которым саратовцы больше всего доверяют

Источники	% упоминаний
Музеи, экспозиции, мемориалы	39,6
Блоги, чаты, обсуждения событий войны	24,7
Публичные лекции, семинары экспертов-историков	20,1
Художественная литература	18,0
Архивные документальные интернет-ресурсы	37,2
Документальные исследования, мемуары, архивы	33,1
Современные школьные учебники	1,8
Школьные учебники, по которым Вы учились/учитесь в школе	13,8
Семейные архивы, документы, воспоминания	33,9
Современники событий ВОВ	31,3
Кино	48,7

Примечание. Полуоткрытый вопрос анкеты: «Каким источникам о событиях Великой Отечественной войны вы больше всего доверяете?» Поскольку вопрос был множественным (возможен выбор нескольких вариантов ответа), распределение представлено по валидному проценту без учета пропущенных (их по выборке оказалось 8,9%).

В ходе опроса мы попросили респондентов дать оценку достоверности информации о событиях войны. Объективизация полученной информации произведена на уровне обобщения и, на наш взгляд, оправдана российской спецификой. Вовлеченность россиян в тематическое поле высока. Практически во всех российских семьях есть современники и участники Великой Отечественной войны, общение с ними застали представители всех поколений. Доступ к информации открыт. Нас в данном случае интересовали не экспертные оценки, а сформированность гражданской позиции. Оценка получаемой информации из представленных источников с точки зрения исторической достоверности и объективности высока.

По некоторым позициям выявлен разброс мнений. Рассмотрим эти результаты подробнее. Самые высокие оценки достоверности описания событий Великой Отечественной войны (более 4 баллов) получила информация, предоставленная в музеях, содержащаяся в исторических экспозициях и мемориалах, советской литературе и кино, сохраненных семейных архивах и полученная в личном общении с современниками событий. Наиболее низкие оценки получила информация чатов и блогов, зарубежной литературы, зарубежного кино и, что обращает внимание, современных школьных учебников. По этим позициям наибольший разброс мнений, низкая согласованность ответов (см. табл. 4).

На вопрос об аргументации низких оценок ответ был открытым (ответили 13,5% респондентов). Полученный контент можно типологизировать в рамках различных контекстных направлений суждений. Первое – роль государства в умышленном искажении исторической информации по ряду причин: угода современным государственным интересам, пропаганда, идеологизация, цензура. Второе – недостаток архивных исторических документов. Причины: засекреченность, сокрытие фактов современниками событий Великой Отечественной войны, потеря семейных архивов. Кроме того, свидетелей событий войны осталось очень мало. Третье – множество альтернативных интерпретаций событий

в профессиональных сообществах историков. С этим связана большая часть аргументов о недоверии информации в современных школьных учебниках. Четвертое – искажение событий для достижения художественности образов и сюжетов, ориентация на массовое восприятие, зрелищность и дискуссионность. Следует отметить, что аргументы низких оценок достоверности исторической информации чаще приводили представители младшего поколения (16–24 года). Среди этой группы почти 20% аргументировали свои позиции. Среди взрослой молодежи таких 9%, среднего и старшего поколений – по 11%.

Таблица 4

Оценка удовлетворенности респондентов информацией из ниже представленных источников с точки зрения исторической достоверности (оценки по 5-балльной шкале, где 5 – абсолютно удовлетворен)

Источники	Средний балл	Медиана	Дисперсия
Музеи, экспозиции, мемориалы	4,1382	4,5096	2,152
Блоги, чаты, обсуждения событий войны	3,0967	3,8780	4,065
Поисковые государственные системы	3,5219	4,1939	3,494
Публичные лекции, семинары экспертов-историков	3,4613	4,0913	3,296
Документальные исследования, мемуары, архивы	3,8825	4,3549	2,630
Зарубежная литература	3,2601	3,9474	3,579
Российская литература	3,6994	4,1679	2,571
Советская литература	4,0112	4,3447	1,938
Зарубежное кино	3,3571	3,9860	3,245
Российское кино	3,8583	4,2000	1,910
Советское кино	4,1853	4,4076	1,359
Современные школьные учебники	3,2699	3,8968	3,366
Школьные учебники, по которым Вы учились/учитесь в школе	3,9972	4,2727	1,623
Семейные архивы, документы, воспоминания	4,0486	4,4227	2,171
Современники событий ВОВ	4,0516	4,4331	2,196

Примечание. Закрытый вопрос анкеты: «Насколько Вы удовлетворены информацией о событиях Великой Отечественной войны из ниже представленных источников с точки зрения исторической достоверности и объективности информации (дайте оценку по пятибалльной шкале, где 5 – абсолютно удовлетворен, 1 – абсолютно неудовлетворен)».

С позиций институционального подхода оценка роли государства в сохранении, передаче и контроле информации является одним из ключевых индикаторов социологического анализа исторической памяти. Мы предложили респондентам выразить обобщенную субъективную оценку⁶ степени участия государства в контроле, сохранении, цензуре и распространении информации о событиях ВОВ из различных источников. Интересны оценки по

⁶ Детализация оценок с точки зрения контроля, сохранения, цензуры и распространения значительно бы усложнила измерительный инструментарий. Однако в продолжение исследования запланированы глубинные интервью, где будут раскрыты упоминаемые аспекты.

наиболее популярным источникам: кино, музеи, экспозиции, мемориалы, архивные документальные интернет-ресурсы, художественная литература, блоги, чаты.

Таблица 5

Оценка степени участия государства в контроле, сохранении, цензуре и распространении информации о событиях ВОВ из наиболее популярных источников (% по группе «источник»)

Источники	Оценка		
	недостаточно	достаточно	избыточно
Советское кино	2	54,1	33,2
Российское кино	7	49,5	31,6
Музеи, экспозиции, мемориалы	5,9	59,4	21,9
Архивные интернет-ресурсы	5,6	50,5	23,2
Блоги, чаты	10,7	45,9	16,1
Советская литература	2,8	51,5	32,7
Российская литература	6,6	58,2	20,9

Примечание. Вопрос анкеты: «Как бы вы оценили степень участия современного Российского государства в контроле, сохранении, цензуре и распространении информации о событиях ВОВ из различных источников (дайте ответ по каждой строке)».

Данные свидетельствуют о доминировании позиции «достаточно» по всем наиболее популярным источникам информации. Недостаточности степени участия государства респонденты усматривали в контроле блогов, чатов, обсуждений. Достаточным участие государства чаще определяли в контроле и сохранении музеев и исторических мемориалов. Избыточность упоминается в отношении советского кино.

В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне саратовцам было предложено выразить мнение по отношению к общегосударственной кампании по подготовке празднования 75-летия дня Победы СССР в Великой Отечественной войне. Положительные оценки дали 77,8% саратовцев. Абсолютную поддержку и одобрение выразили 53,6% опрошенных, согласились, что это нужное мероприятие 24,2%, 5,6% не видели в подобных мероприятиях острой необходимости, 4,3% склонны к критике и 1,3% опрошенных считают это абсолютно неуместным мероприятием. Выявлена возрастная специфика (Тау-си Кендалла имеет значение 0,1 при значимости 0,01). С увеличением возраста растет степень поддержки государственной кампании празднования дня Победы СССР в Великой Отечественной войне. Статистика свидетельствует о росте полного одобрения с 49% среди младшего поколения до 70% среди старшего. При этом абсолютно неуместным мероприятием празднование дня Победы считают 5% молодежи, среди среднего и старшего поколения саратовцев, поддержавших критическую позицию, не оказалось.

Итоги. Наиболее значимыми как для социологии, так и для понимания состояния современного коллективного сознания россиян в сегменте социальной памяти о Великой Отечественной войне представляются следующие положения.

Социальная память не является статичным феноменом. Процесс интерпретации значимых событий определяет качественно иные подходы в оценке исторической достоверности. Кроме того, появляются новые формы хранения и передачи информации. Отсюда достаточно большой разброс в оценках доверия различным источникам информации.

Наиболее популярными источниками исторической информации (на примере событий Великой Отечественной войны) являются: советское и российское кино, архивные документальные интернет-ресурсы, музеи, экспозиции, мемориалы. Наибольшим доверием пользуется информация, представленная в музеях, содержащаяся в исторических экспозициях и мемориалах, советской литературе и кино, сохраненных семейных архивах и получаемая в личном общении с современниками событий.

Таблица 6

**Отношение к общегосударственной кампании по подготовке празднования 75-летия со дня
Победы СССР в Великой Отечественной войне (поколенческий аспект)**

Оценка	Поколение				% от общего
	младшее	взрослая молодежь	среднее	старшее	
Полностью поддерживаю и одобряю	49,5	46,9	52,2	70,5	53,8
Полагаю, это неплохое мероприятие	23,8	27,6	27,4	16,7	24,4
Не уверен, что есть острая необходимость	9,9	7,1	2,7	2,6	5,6
Склоняюсь к критике	7,9	3,1	4,4	1,3	4,4
Абсолютно неуместное мероприятие	4	1	0	0	1,3
Нет ответа	5	14,3	12,4	9,0	10,5

Зафиксирован высокий разброс мнений о качестве информации из таких источников, как чаты, блоги, зарубежное кино. Особенно заметны в этом списке современные школьные учебники по истории. Наиболее частые аргументы низкого уровня доверия исторической информации связаны с появлением новых альтернативных интерпретаций событий в обсуждениях профессиональных сообществ историков.

Участие государства в контроле, сохранении, цензурировании и распространении информации о событиях ВОВ в России по оценкам большинства саратовцев выражено адекватно.

Общий уровень удовлетворенности саратовцев качеством информации о событиях Великой Отечественной войны с точки зрения объема, доступности и исторической достоверности высок. От 65 до 80% по различным источникам уровень удовлетворенности оценен на 4 и 5 баллов.

Уровень интереса к информации о событиях Великой Отечественной войны находится в прямой линейной зависимости от возраста. Чем старше возраст, тем выше интерес. Поколенческую специфику имело и отношение к общегосударственной кампании по подготовке празднования 75-летия Победы СССР в ВОВ. С увеличением возраста растет степень поддержки.

В целом полученные данные с довольно высокой степенью уверенности позволяют утверждать, что в отношении формирования, сохранения, развития и передачи социальной памяти россиян о Великой Отечественной войне базовые социальные институты, ответственные за эти процессы, выполняют свои функции, то есть способствуют сохранению, упрочению, развитию и саморегуляции социальной системы современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. [Weber M. (1990) *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Волкова В.Н. Институты социальной памяти как основа негэнтропийных тенденций в обществе // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 3. С. 444–447. [Volkova V.N. (2015) *Institutions of social memory as the basis of non-entropy trends in society. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and prospects for development]. No. 3: 444–447. (In Russ.)]
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. [Durkheim E. (2018) *Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia*. Moscow: Elementarnyye formy. (In Russ.)]
- Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Ineternum. 2013. № 1. С. 6–16. [Zhukov D.S. (2013) *Collective memory: key research problems and interpretations of the phenomenon. Ineternum*. No 1: 6–16. (In Russ.)]

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1960. [Marx K., Engels F. (1960) *Works: in 30 vols. 2nd ed. Vol. 8. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)*]
- Assmann J. (1997) *Moses the Egyptian: The memory of Egypt in Western monotheism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Crane D. (1994) *The Sociology of Culture: Emerging Theoretical Perspectives*. Oxford: Blackwell.
- Dudai Y. (2008) *Memory from A to Z: Keywords, concepts and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Olick J.K., Levy D. (2008) Collective memory and cultural constraint: Holocaust myth and rationality in German politics. *American sociological review*. Vol. 62. No. 6: 921–936.
- Roediger H.L., Wertsch J.V. (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*. No. 1: 5–17.
- Schieder T. (1978) The role of historical consciousness in political action. *History and Theory*. Vol. 17. No. 4: 1–18.
- Simmel G. (1959) *The Ruin*. In *Georg Simmel 1858–1918*. Ed. by K. Wolff. Columbus: Ohio State Univ. Press.
- Sturken M. (1997) *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic, and the Politics of Remembering*. Berkeley: University of California Press.
- Wertsch J.V., Roediger H.L. (2008) Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches. *Memory*. No.16: 318–326.

Статья поступила: 01.04.21. Финальная версия: 16.05.21. Принята к публикации: 21.05.21.

SOCIAL MEMORY OF RUSSIANS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR (THE CASE OF THE SARATOV REGION)

IVCHENKOV S.G.*, NIKIFOROV Y.A.*, SITNIKOVA S.V.*

*Saratov State University, Russia

Sergey G. IVCHENKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Dean of Faculty (ivchenkovsg@mail.ru); Yaroslav A. NIKIFOROV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. (nikiforovy@mail.ru); Svetlana V. SITNIKOVA Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. (skareva@yandex.ru). All – Sociological Faculty, Saratov State University, Saratov, Russia.

Abstract. The article is devoted to one of the most relevant topics of Russian social life today: social memory of Russians about the Great Patriotic War. Theoretical and methodological conceptualization of the concept of social memory leads the authors to treat this concept as one of the basic mechanisms that produce, consolidate and preserve sociality. Social memory is a key to social relationships because by producing socio-value paradigm it is at the heart of regulations of social action. Institutional paradigm of the study serves as study scheme containing a number of evaluation positions on the quality of storage and transmission of historical facts from generation to generation revealed in such positions as: a rating of popular sources of information about the events of the Great Patriotic War, levels of trust to information in terms of accessibility, volume and historical reliability. It was this approach that made it possible to objectify subjective evaluation positions by building a model of averages. In addition, a qualitative research strategy was used. Questions – arguments for confidence assessments were open. This allowed to objectively assess quality of activities to reproduce the social memory in various social institutions: family, school, media, and the state. In general, the obtained data feature a rather high degree of confidence making it possible to state that in relation to the formation, preservation, development and transfer of the social memory of Russians about the Great Patriotic War basic social institutions responsible for these processes fulfill their functions: contribution to the preservation, consolidation, development and self-regulation of the social system of modern Russian society.

Keywords: social memory, institutional approach, sociological research, Great Patriotic War.

Received: 01.04.21. Final version: 16.05.21. Accepted: 21.05.21.

© 2021 г.

М.С. БАЙНОВА, С.Ю. ЕРОШКИН, Ю.О. СУЛЯГИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕНОВАЦИИ ЖИЛЬЯ В МОСКВЕ

БАЙНОВА Мария Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Университета Синергия (mbainova@gmail.com); ЕРОШКИН Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (erosserg@mail.ru); СУЛЯГИНА Юлия Олеговна – кандидат социологических наук, доцент Российского государственного социального университета (suljaginaju@rgsu.net). Все – Москва, Россия¹.

Аннотация. Аннотация. Авторы на основе проведенной в 2019 г. серии интервью с жителями Москвы (около 160 респондентов) делают выводы о социальных проблемах, связанных с организацией и результатами реновации. Анализ мнений москвичей о реновации показывает, что главной проблемой реализации реновации является низкая информационная открытость, которая на фоне общего недоверия граждан властям генерирует протестные настроения. Жителей реновируемых домов интересует в первую очередь улучшение своих жилищных условий, однако участником конфликта становятся и жители домов, не вошедших в реновацию, которые опасаются ухудшения городской среды. Другая важная социальная проблема – рост нагрузки на социальную инфраструктуру, поскольку власть контролирует обеспеченность жильцов «метражом», но уделяет малое внимание автопарковкам, доступности образовательных и медицинских учреждений. В целом одним из главных аспектов проблемы социальных коммуникаций вокруг реновации является противоречие между слишком завышенными ожиданиями и реальными результатами. Хотя повторение массовых протестных выступлений, как в 2017 г., маловероятно, реновация остается «тлеющим» очагом социальных конфликтов, связанных с отчуждением граждан от власти.

Ключевые слова: реновация жилья • социальные коммуникации • информационная открытость • отчуждение граждан от власти

DOI: 10.31857/5013216250015910-4

Реновация жилья как новый источник конфликтов. Реновация законодательно определена² как комплексный процесс, направленный на решение проблемы аварийного жилья и создание благоприятной городской среды. Фактическое содержание этого процесса в современной России существенно отличается от его формального обозначения. В принципе «реновация» (от *renovatio* – «обновление») – это процессы улучшения, реконструкции и реставрации старых зданий без разрушения целостности традиционной городской структуры. Подобное «европейское» представление о культурно-исторической ценности городской среды для современной России, в крупных городах которой

¹ Авторы благодарят за участие в сборе эмпирического материала студентов Российского государственного социального университета Юлию Будюкину, Ольгу Соколову и Светлану Уварову.

² Закон г. Москвы от 17 мая 2017 г. № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве».

хронически не хватает жилплощади, мало характерно. Российская реновация направлена не на внутреннюю реконструкцию, а на снос старых (построенных в 1950–1960-е гг.) жилых малоэтажек, которые заменяют высотными домами, часто не дожидаясь завершения сроков физического износа. «Передовиком» такой реновации стала Москва, где цены на жилплощадь наиболее велики и где, следовательно, замена «советских» зданий современными наиболее прибыльна.

Главная проблема реновации, осуществляемой по инициативе властей (т.е. «сверху»), связана с тем, что жилплощадь старых малоэтажек приватизирована, поэтому их снос требует либо согласия жильцов, либо нарушения их прав как собственников. Для минимизации конфликтов изначально было принято, что в программу реновации «могут быть включены многоквартирные дома первого периода индустриального домостроения, многоквартирные дома, аналогичные им по своим конструктивным характеристикам, жители которых поддержали включение многоквартирного дома» в программу. Предварительное публичное обсуждение проблемы отсутствовало, ожесточенная дискуссия началась уже в процессе принятия законодательства о реновации.

С одной стороны, горожане должны были демократически (голосованием) принимать решения о включении своих домов в программу реновации. С другой стороны, решение принималось по принципу не единогласия, а большинства голосов собственников и нанимателей в доме, мнение несогласного меньшинства жителей игнорировалось. Таким образом, решение относительно частной собственности (приватизированной квартиры) могло приниматься теми (соседями по дому), кто не был собственниками. Дополнительную остроту проблеме придавало то, что участники программы реновации могли как выиграть, так и проиграть. В принципе им формально гарантировалось равнозначное жилье в районе проживания, с отделкой по утвержденному стандарту, но не было никаких гарантий выполнения данного обещания властей. Жители сносимых домов имели основания опасаться, что им дадут такую же маленькую квартиру в панельном доме ближе к окраине, которая будет стоить дешевле старого жилья в «хрущёвке».

Сразу же после начала реновации в Москве в 2017 г. прошли массовые протестные выступления, в которых по разным оценкам приняли участие от 10 до 40 тыс. человек³. Одни протестовали против принуждения к переезду и нарушения прав собственников, другие требовали расширения списка предназначенных к реновации зданий. Общим было недоверие к процедуре голосования по участию в реновации и недовольство увеличением плотности застройки [Соколова, 2019]. В последующие годы конфликт по поводу реновации в Москве перешел в скрытую форму. Например, осенью 2019 г. в нескольких московских районах прошли публичные слушания по проектам планировки территории для реновации, в ходе обсуждения которых шли активные дискуссии, несколько горожан были даже задержаны полицией⁴, однако новых митингов не было. Таким образом, в последние годы сформировался новый социальный конфликт, наблюдаемый пока только в Москве, который в перспективе (при массовизации программ реновации жилья) может распространиться и на другие города России.

В научной литературе уже появились исследования различных (в том числе социальных) проблем реновации (см., напр.: [Данкова, Кукушкина, 2019]). Интересен анализ мнений жителей сносимого квартала на Русаковке в Москве, которые были не согласны с переездом и описывали ценность городской среды [Абашев, Печищев, 2019]. Этапы и проблемы реновации рассмотрены с точки зрения не только юридических и экономических последствий, но и как социальный проект [Топоркова, Смородинова, 2018]. Мерзляков приводит результаты опроса 1200 москвичей, в рамках которого поднимался вопрос

³ Столичные митинги против реновации собрали в выходные 6 тыс. человек // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2017/592a87da9a794728587c03cd> (дата обращения: 26.12.2020).

⁴ Общественные слушания по реновации в районе Хорошево-Мневники прошли в напряженной обстановке // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/news/2548161-echo.html> (дата обращения: 26.12.2020).

участия в программе реновации. Он отмечает, что «с начала реализации городской программы позиции противников не только не изменились, но и существенно усилились, а то, как (с их точки зрения) происходит реализация программы, только укрепляет их уверенность в своей правоте» [Мерзляков, 2019: 72].

Реновация рассмотрена авторами как пример социального конфликта, предметом которого является изменение существующей городской среды и отношений собственности, а ключевым фактором – коммуникации в процессе принятия решений. Уместно напомнить, что в соответствии с теорией социальной справедливости Ю. Хабермаса справедливость достигается только как результат «идеально» организованной рациональной коммуникации [Habermas, 1983]. Хотя проблема социальных коммуникаций в градостроительной сфере Москвы существует давно [Байнова, 2018], но к началу процесса реновации она осталась нерешенной, так что дебаты вокруг реновации лишь выявили застарелый клубок противоречий между интересами горожан, органов власти и предпринимателей.

Одним из аспектов проблемы социальных коммуникаций является противоречие между завышенными ожиданиями и реальными результатами. Конфликты вокруг реновации, которые показывают социологические исследования [Мерзляков, 2019], могут быть существенно обусловлены именно излишне оптимистичными представлениями москвичей в период голосования о вхождении в реновацию.

Для выявления позиции граждан, которые стали акторами социального конфликта, авторами в конце 2019 г. было организовано интервьюирование москвичей по вопросам, связанным с программой реновации.

Эмпирическое исследование социальных аспектов реновации в Москве. В качестве метода исследования для выяснения спектра мнений были выбраны стандартизированные интервью, которые проводились в трёх группах респондентов.

Первая группа – жители домов в тех кварталах, где намечена реновация. Целью интервью было выяснение мнений о состоянии жилья, в котором респонденты проживают в настоящее время, а также ожиданий от программы реновации. В опросе участвовали жители не только домов, входящих в программу реновации, но и соседних домов (для сравнения оценки состояния домов и ожиданий последствий реновации).

Вторая группа – респонденты, которые уже переехали по программе реновации. Их опрашивали, чтобы выяснить, насколько сбылись ожидания.

Третья серия интервью была проведена на публичных слушаниях по планировке территории двух кварталов для строительства домов по программе реновации. Целью было выявить те проблемы, которые жители района хотели бы обсудить с представителями власти и проектировщиками. Это исследование позволило зафиксировать впечатления от личного диалога граждан с организаторами проектов реновации кварталов.

В первой серии интервью в декабре 2019 г. участвовало 100 респондентов, собственников жилья, – 50 участников реновации и 50 жителей соседних домов⁵.

Жители домов, включенных в реновацию, оценивали состояние своего дома чаще всего как неудовлетворительное (13 считали даже, что дом аварийный). Жители соседних домов оценивали состояние своей квартиры скорее на «отлично», в то время как жители предназначенных к реновации пятиэтажек в основном склонялись к вариантам «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Среди участников реновации 29 из 50 были согласны, что их дом необходимо сносить из-за плохого состояния. При этом 76 из всех 100 респондентов считали, что не нужно сносить дома, которые просто имеют большой износ, но не являются аварийными: *«В стране есть проблемы посерьезнее домов, которые просто потеряли первоначальный внешний вид».*

⁵ Отбор респондентов происходил в социальных сетях и в районных группах. Возраст респондентов варьируется от 18 до 60 лет, средний уровень дохода 40–80 тыс. руб. Опрошенные жили в районах Хорошево-Мневники, Медведково, Нагорный, Москворечье-Сабурово, Северное Измайлово, Можайский.

Основным достоинством программы реновации опрошенные считали улучшение жилищных условий. Ими были выделены и другие преимущества участия в реновации: улучшение технического оснащения дома (лифт, мусоропровод); лучшая отделка квартир; более качественные дома.

К причинам недоверия к реновации интервьюируемые относили, прежде всего, недостаточный учет мнения жителей: *«Наш дом находится в приличном состоянии и имеет ухоженный вид. Мы недавно сделали хороший ремонт. Мы не хотим переезжать, почему нас никто не слышит?»* Другие наиболее важные причины недовольства – это дефицит информации о проекте (*«Нет точной информации о том, где будет строиться дом для нашего расселения»*), отсутствие доверия к действиям властей (*«Как дороги кладут, так и дома построят»*), подозрения по поводу коррумпированности проекта (*«Весь проект – просто очередное отмывание денег»*). Ответы респондентов про достоинства и опасения у жителей домов-участников и жителей соседних домов практически совпадали.

О программе реновации большинство респондентов узнавали из передач телевидения (35) и сообщений Интернета (29), либо через друзей и знакомых (22). На информацию о реновации звучали жалобы: *«Нам говорят только то, что мы хотим слышать. Конкретных сроков строительства и адресов новых домов нет в свободном доступе»*. Некоторые опрошенные утверждали даже, что вся информация, которую предоставляют чиновники, заведомо ложная. Вполне довольными информированием со стороны властей относительно реновации оказались лишь 20 опрошенных.

Среди тех, кто не был согласен с программой реновации, 15 человек отметили возможность лично участвовать в уличных акциях и митингах. Большинство эта форма не поддерживалась из-за опасений *«не хочется быть задержанными»*. Наиболее приемлемыми способами считаются агитация соседей и посещение собраний жильцов, но большинство предпочитает даже в таких формах активизма не принимать никакого участия.

Собранные интервью показывают, что в программе реновации изначально имелись источники конфликта из-за разных представлений жильцов и властей о «нормальном» жилье. Респонденты не склонны оценивать пятиэтажки без лифтов и с узкими лестницами как ветхое жилье, в то время как с точки зрения власти проблема ремонта коммуникаций в домах может быть признаком ветхости. Для большинства респондентов проблема ветхого жилья в Москве не является определяющей причиной для организации такой масштабной перестройки города. В то же время в силу отсутствия личных финансовых возможностей люди признают, что программа реновации будет подходящим способом улучшить свои жилищные условия.

Второе исследование проведено в декабре 2019 г. – интервью с 20 жителями, которые уже получили квартиру по программе реновации. Целью было подтвердить или опровергнуть достоинства и опасения, выявленные в предыдущем исследовании⁶.

Принципиально важно, что переселение произошло в своем районе, о чем свидетельствуют 18 опрошенных. В целом переселенцы довольны расположением нового дома, но не довольны инфраструктурой: *«Говорят, что двор будет облагораживаться немного позже; не знаю, насколько можно им верить»*. *«Свободного пространства становится все меньше, а людей – все больше»*. 16 переселенцев получили квартиру больше по площади; 2 получили равнозначную, но с увеличением общей площади квартиры (за счет кухни, прихожей или коридора). Качеством нового жилья удовлетворены 13, отделкой в новой квартире – 9 респондентов. К самым распространенным проблемам относились неудобное расположение дома, предоставление квартир ненадлежащего качества, несоответствие старой мебели под новую планировку. В то же время некоторые респонденты

⁶ Респондентами были 8 мужчин и 12 женщин 25–60 лет, проживавших в новых домах от 1 месяца до 2 лет. Среди опрошенных участников исследования за участие в реновации голосовали 14, против – 5, 1 не голосовал. Районы проживания респондентов – Перово, Кузьминки, Нагорный, Северное Измайлово.

отметили, что у них никаких проблем нет и не возникало: «Государство оказало помощь в переселении, квартиру в собственность оформили быстро».

Оправдались ли в целом ожидания людей относительно программы реновации? Для 12-ти респондентов ответ был отрицательным: «Люди не понимали, за что голосуют». Зато для других 8-ми переселение «осуществилось лучшим образом». Симптоматично, что большая часть людей, оставшихся довольными, получили новое жилье в числе самых первых переселенцев, когда властям было важно создать позитивный имидж новой программе. В целом же опрос подтвердил предположение, что участники программы чаще всего имели лучшие ожидания в сравнении с тем, что получили.

Третье исследование – короткое интервью 29 октября 2019 г. среди участников собрания публичных слушаний по Проекту планировки территории кварталов 58 и 59 района Фили-Давыдково (Западный административный округ Москвы). Было опрошено около 20 человек до начала слушаний и 20 человек после слушаний, когда участники уходили домой. Все проявляли сугубо личную заинтересованность, никто из опрошенных не участвовал в каком-либо общественном объединении по поводу реновации.

Интервью показали, что москвичей не устраивает в проекте (или вызывает озабоченность), прежде всего, неопределенность и отсутствие информации, а также нехватка парковок, многоэтажность домов, прирост населения, высота потолков («...на 15 см ниже, чем у нас сейчас»). Вот некоторые типичные замечания: «наши жители в шоке от этого проекта, машины мы на деревьях что ли вешать будем», «доплата за дополнительную комнату рассчитывается по цене однокомнатной квартиры, это неправильно, ведь там не будет ни кухни, ни коридора», «нет перехода к школе, ребенок будет по улице бегать».

Собрание участников публичных слушаний прошло без конфликта, но далеко не на все заданные вопросы были получены четкие ответы, поскольку на собрании обсуждался проект планировки территории, а не технические характеристики домов, о которых проектировщики говорили лишь в общих чертах. Поэтому после собрания оценка участников была скорее негативной: «я ничего не узнала, ничего не поняла, но я тут больше не могу высидеть», «я уже на двух собраниях была – нигде не говорят ни когда, ни куда», «пришли за информацией, но вопросы все остались», «организовано нормально, но не хватает времени задать вопрос, у меня не один вопрос, а 10», «у людей накопились вопросы, а тут от дома – 1 вопрос, это смешно», «жесть, обман, зачем мы пришли». На слушаниях присутствовали жители соседних кварталов, которые не переезжают, но обеспокоены вопросами нагрузки на инфраструктуру района.

Анализ интервью участников публичных слушаний показал, что горожане в высокой степени заинтересованы в обсуждении программы реновации и принятой формы обсуждения им не хватает. Те, кто планирует переселение, знакомы со своими гарантиями, но совсем не уверены в их практической реализации. Публичные слушания в данном случае не стали источником требуемой жильцам информации (хотя их назначение – именно информирование населения) и не превратились в диалог.

Выводы. Проведенное исследование показало ряд социальных проблем реновации, органично связанных с общей проблемой коммуникаций между властью и обществом.

Информация о программе реновации с самого начала, в 2017 г., была недостаточной, однако голосование жильцов было организовано именно тогда. Горожане должны были принимать решение фактически в условиях полной неопределенности, не имея информации о сроках переселения, месте переселения, параметрах застройки. Также при организации голосования не было четких обязательств со стороны города о будущей социальной инфраструктуре. В результате люди принимали решение об обмене своей собственности на основании критической оценки существующего жилья, но не зная четко, что они получают в итоге, а просто надеясь, что новое жильё будет лучше. Однако стандарт реновации предусматривает главным образом улучшение оснащения жилых помещений и наличие новых коммуникаций, но не предполагает увеличения жилплощади,

а двор и социальные объекты вообще не отражены в стандартах. Таким образом, рассогласование ожиданий и реальности – первая проблема реализации реновации.

Вторая проблема связана со значением реновации для города в целом. Уже пережившие по программе реновации и жители соседних кварталов обеспокоены возросшей нагрузкой на социальную инфраструктуру: не хватает парковок, низка доступность образовательных и медицинских учреждений, жалобы на благоустройство дворов. Жители соседних домов имеют возможность выразить свое отношение к программе только на этапе публичных слушаний по проекту планировки кварталов. Горожанам было бы понятнее, если бы проекты по районам и кварталам были индивидуальными и существовала возможность их корректировать.

Указанные проблемы показывают необходимость развития диалога между всеми сторонами процесса реновации. Публичные слушания в очном режиме не позволяли в полной мере осуществить диалог, а их перевод в электронный вид после начала пандемии COVID-19 сокращает возможности для обмена информацией и обсуждения проектов. После 2017 г. масштабные митинги в связи с реновацией не повторяются. Но можно ли сделать вывод об отсутствии конфликта, или для реализации протестных мнений пока просто нет возможностей? Авторы склоняются ко второму ответу, поскольку проведенное исследование показало низкую удовлетворенность граждан тем, как протекает их коммуникация с организациями реновации. Скрытая форма конфликта может привести к общему накоплению недоверия и тревожности.

Дискурс о реновации в целом способствует укреплению патерналистских взглядов и ожиданий, что государство должно по-прежнему решать все проблемы, в том числе связанные с состоянием жилья. Более широкое обсуждение реновации, корректировка проектов с учетом мнения заинтересованных горожан может стать направлением развития диалога гражданского общества и муниципальных властей. Это становится особенно актуальным в связи с возможным распространением московского опыта реновации на другие регионы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев В.В., Печищев И.М. «Открылось новое пространство...»: локальные урбанистические медиа в производстве городской среды // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. № 2. С. 131–147.
- Байнова М.С. Социологические подходы к взаимодействию власти и общества в городе // Стратегии будущего в меняющемся мире: вопросы, ответы и ответственность: мат. XXIII Социологических чтений РГСУ. Москва, 05 апреля 2018 г. М.: РГСУ, 2018. С. 76–80.
- Данкова Ж.Ю., Кукушкина И.Ю. Реализация проекта реновации строительных объектов в городе Москве: проблемы взаимодействия власти и населения // Юрисконсульт в строительстве. 2019. № 1. С. 35–43.
- Мерзляков А.А. Исследование проявления субъектности в реализации программы реновации жилого фонда // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 3. С. 69–76.
- Соколова О.М. Негативный отклик москвичей на программу реновации // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 15(33). URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2153&pdf=1> (дата обращения: 26.12.2020).
- Топоркова М.К., Смородинова Л.Ю. Реализация программы реновации жилищного фонда в городе Москве // Российское государственное управление. 2018. № 1. С. 72.
- Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt, 1983.

Статья поступила: 12.01.21. Финальная версия: 15.04.21. Принята к публикации: 19.04.21.

PROBLEMS OF THE HOUSING RENOVATION IN MOSCOW

BAYNOVA M.S.*, EROSHKIN S.U.** , SULYAGINA J.O.***

*Synergy University, Russia; **Finance University under the Government of the Russian Federation, Russia; ***Russian State Social University, Russia

Maria S. BAYNOVA, *Can. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Department of public and local administration, Synergy University (mbainova@gmail.com); Sergey U. EROSHKIN, Can. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Finance University under the Government of the Russian Federation (erosserg@mail.ru); Julia O. SULYAGINA, Can. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Russian State Social University (suljaginajuo@rgsu.net). All – Moscow, Russia.*

Abstract. Based on a series of interviews conducted in 2019 with residents of Moscow (about 160 respondents), the authors draw conclusions about the social problems associated with the organization and results of the renovation. Residents of renovated houses are primarily interested in improving their living conditions, but residents of houses that have not been renovated, who fear the deterioration of the urban environment, are also participating in the conflict. An analysis of the opinions of Muscovites about the renovation shows that the main problem of the implementation of the renovation is low information transparency, which, against the background of the general distrust of citizens in the authorities, generates protest moods. Another important social problem is the growing load on the social infrastructure: the government controls the provision of residents with «acreage» and internal equipment of apartments, but pays little attention to car parking, accessibility of educational and medical institutions. Although a repetition of mass protests, as in 2017, is unlikely, renovation remains a “smoldering” hotbed of social conflicts related to the alienation of citizens from power.

Keywords: housing renovation, social conflict, information openness, estrangement of citizens from power.

REFERENCES

- Abashev V.V., Pechishchev I.M. (2019) “A new space has opened...”: local urban media in the production of urban environment. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology]. Vol. 11. No. 2: 131–147. (In Russ.)
- Bainova M.S. (2018) Sociological approaches to the interaction of power and society in the city. In: *Strategies for the future in a changing world: questions, answers and responsibility: materials of the XXIII Sociological Readings of the RSSU: Moscow, April 05, 2018*. Moscow: RGSU: 76–80. (In Russ.)
- Dankova Zh.Y., Kukushkina I.Y. (2019) Implementation of the project for the renovation of construction objects in the city of Moscow: problems of interaction between the authorities and the population. *Yuriskonsul't v stroitel'stve* [Legal adviser in construction]. No. 1: 35–43. (In Russ.)
- Habermas J. (1983) *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt.
- Merzlyakov A.A. (2019) Investigation of the manifestation of subjectivity in the implementation of the program of renovation of the housing stock. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 3: 69–76. (In Russ.)
- Sokolova O.M. (2019) Negative response of Muscovites to the renovation program. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal “Meridian”* [Scientific electronic journal “Meridian”]. No. 15(33). URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2153&pdf=1> (accessed 26.12.2020). (In Russ.)
- Toporkova M.K., Smorodina L.Yu. (2018) Implementation of the program for the renovation of the housing stock in the city of Moscow. *Rossiyskoye gosudarstvovedeniye* [Russian State Science]. No. 1: 72. (In Russ.)

Received: 12.01.21. Final version: 15.04.21. Accepted: 19.04.21.

Э.М. АБДУРАХМАНОВА, Е.А. АЛЕКСАНДРОВА, Р.С. ЗВЯГИНЦЕВ,
Ю.Д. КЕРША

НЕДОВЕРИЕ К ВАЦИНАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОДИТЕЛЬСТВА

АБДУРАХМАНОВА Элен Магомедовна – аспирант, стажер-исследователь Центра психометрики и измерений в образовании (eabdurakhmanova@hse.ru); АЛЕКСАНДРОВА Евгения Анатольевна – аспирант (jennyalexandrova@mail.ru); ЗВЯГИНЦЕВ Роман Станиславович – аспирант, младший научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского (rzvyagincev@hse.ru); КЕРША Юлия Дмитриевна – аспирант, младший научный сотрудник Центра общего и дополнительного образования им. А.А. Пинского (ykersha@hse.ru). Все – Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Авторы рассматривают проблему недоверия к вакцинации через призму различий верований и установок, связанных с родительством, и через исследование отношения к вакцинации, причин отказа от нее. В работе использовался канадский опросник, разработанный для измерения уровня недоверия к прививкам в свете конспирологических теорий вокруг вакцинирования. Опросник переведен на русский язык и адаптирован для российских выборок. Проведен анализ психометрических качеств шкалы и регрессионный анализ для проверки гипотезы о наличии связи между уровнем недоверия к прививкам и статусом родителя. Исследование проведено на выборке из 321 респондента от 18 до 63 лет. Результаты показывают, что люди, имеющие детей, относятся к вакцинации с большим недоверием при контроле социально-демографических характеристик. Результаты исследования обсуждаются в контексте современных тенденций в области исследований отношения к вакцинации, а также готовности населения и органов государственного управления к иммунопрофилактике COVID-19.

Ключевые слова: вакцинация • родительство • Раш-моделирование • психометрический анализ • недоверие к вакцинам • детская вакцинация

DOI: 10.31857/5013216250011071-1

Введение. Несмотря на признанное медиками благоприятное воздействие вакцинации – уменьшение заболеваемости, инвалидизации и смертности [Andre et al., 2008], многие с опасением относятся к прививкам. Например, исследование отношения к вакцинации во время пандемии H1N1 2009 г. (свиной грипп) показало, что чуть более 50% опрошенных хотели бы пройти вакцинацию [Seale et al., 2010].

Важную роль при принятии решений о вакцинации играет доверие граждан к государственным и мировым институтам [Hobson-West, 2003; Roalkvam, McNeill, Blume, 2013]. Другой причиной является убежденность в так называемой теории заговора [Yaqub et al., 2014]. Аргументы адептов «антипрививочного движения» – неэффективность и опасное влияние вакцин на здоровье людей, «правда» о которых скрывается ради прибыли фармацевтических компаний [Мац, 2013]. Как любая теория заговора, она нечувствительна к фактам, а для ее укрепления используется недостоверная информация [Спиридонов, 2019], которая, тем не менее, привела к отказу многих родителей вакцинировать своих детей [Lewandowsky, Ecker, Cook, 2017].

Исследование факторов вакцинации против более «привычных» заболеваний (кори, эпидемического паротита и краснухи) показало, что 75% непривитых детей не получили вакцину из-за сознательного выбора родителей [Pearce et al., 2008]. Те полагают, что заболевания, против которых хотят привить их детей, не так страшны и опасны, как последствия вакцинации [Brown et al., 2010].

Появилось немало исследований, посвященных отношению к вакцинации от COVID-19, населения в целом и родителей в отдельности. Большинство родителей и опекунов в европейских странах готовы к вакцинированию своих детей: по данным исследований число согласных варьирует от 65% [Goldman et al., 2020] до 80% и более [Bell et al., 2020]. Родители в большей степени готовы делать вакцину от COVID-19 себе, а не ребенку [Bell et al., 2020], а опекуны, наоборот, более нацелены на вакцинацию ребенка [Goldman et al., 2020]. При этом отношение родителей к вакцинированию детей, например, от гриппа под действием пандемии COVID-19 не изменилось (даже наоборот, теперь прививать своих чад от гриппа собирается еще меньше родителей, чем раньше) [Sokol, Grummon, 2020]. Родители, не причисляющие себя к белому населению, в 3 раза чаще говорят, что откажутся от вакцины для себя и ребенка, чем причисляющие [Bell et al., 2020]. Также родители с низкими доходами с меньшей вероятностью согласятся делать прививку. Основная причина нежелания вакцинироваться от COVID-19 во всех упомянутых исследованиях – слишком поспешная разработка и запуск препарата. Интересно, что вероятность согласия на прививку от COVID-19 увеличивается, если у людей есть возможность выбрать конкретную вакцину [Kreps et al., 2020].

Исследуемый в данной статье конструкт – недоверие к данным о пользе вакцинации. Речь идет не просто об отсутствии доверия к информации, но и об убежденности в том, что она противоречит интересам людей. Известно, что недоверие к врачам, официальным лицам и фармацевтическим компаниям остается основной причиной сомнений в пользе вакцинации [Yaqub et al., 2014].

Методология. В поисках ответа на главный исследовательский вопрос: отличается ли уровень недоверия к вакцинации у родителей и людей, у которых нет детей, авторы перевели на русский язык и адаптировали шкалу конспирологических представлений о вакцинации (Vaccine Conspiracy Beliefs Scale) Шапиро и коллег [Shapiro et al., 2016]. Для обоснования применения указанной шкалы в исследовании были оценены психометрические свойства адаптированной версии в рамках теории Раш моделирования (Rasch model) [Bond, Fox, 2003], проведена проверка факторной структуры с помощью конфирматорного факторного анализа и изучена инвариантность шкалы.

Для достижения второй цели мы сравнили группу людей без детей и группу родителей по итоговым показателям шкалы недоверия к вакцинации. Было решено провести линейный регрессионный анализ, в котором переменная «недоверие к информации о пользе вакцинации» выступает в качестве зависимой, наличие детей – в качестве независимой, а социально-демографические характеристики – в качестве контролируемых переменных.

В нашем исследовании есть несколько ограничений. Во-первых, мы не можем со всей уверенностью заявлять о репрезентативности выборки. Поводом для опасений, например, может быть преобладающее число женщин в исследовании. С другой стороны, оснований говорить о наличии действительно сильных смещений у нас тоже нет. Во-вторых, в данном исследовании речь идет о самоотчете. Более правильным было бы измерить реальное поведение (делали прививки / не делали), так как даже для проверки гипотезы о связи это было бы корректнее. В-третьих, в работе не идет речь о причинно-следственной связи. Мы предполагаем, что полученные результаты говорят о том, что смещения в представлениях происходят именно из-за изменения родительского статуса, но, чтобы говорить об этом точно, необходимы экспериментальные и качественные исследования.

Шкала недоверия к вакцинации. Шкала конспирологических представлений о вакцинации, разработанная и валидизированная канадскими исследователями [Shapiro et al., 2016], включает в себя утверждения о том, что информация о пользе вакцинации неблагонадежна, с указанием источников и без него. Оригинальная шкала состояла из семи утверждений, которые оцениваются от 1 («полностью не согласен») до 7 баллов («полностью согласен»). Центральная категория – «ни то, ни другое».

Шкала переведена с английского языка на русский одновременно двумя экспертами. Итоговый вариант перевода утверждений одобрен референтным экспертом. Затем шкала дополнена утверждениями, отражающими сомнения в достоверности информации о пользе вакцинации.

После согласования вопросов с помощью когнитивной лаборатории оценивалась однозначность их трактовок. По итогам переформулированы некоторые утверждения и удалена средняя категория «ни то, ни другое», поскольку респонденты выбирали ее не для демонстрации нейтрального отношения, а при отсутствии какой-либо позиции по предъявляемому утверждению. Итоговый вариант используемой в исследовании шкалы представлен в Приложении 1.

Психометрический анализ данных показал, что шкала обладает удовлетворительными характеристиками: ошибка измерения составляет 0,49; уровень надежности – 0,98; все статистики согласия находятся в приемлемых пределах (0,5–1,5) для рейтинговых шкал [Bond, Fox, 2003]. Категории рассматриваемой шкалы функционируют корректно: все ответы выбираются респондентами с разным и возрастающим уровнем выраженности конструкта. По результатам конфирматорного анализа была подтверждена одномерность шкалы ($\chi^2 = 377,864$; $df = 90$; $CFI = 0,99$; $TLI = 0,99$; $RMSEA = 0,10$; $SRMR = 0,031$). Также для шкалы были подтверждены все виды инвариантности. Инструмент может быть использован для сравнения групп родителей и людей без детей.

Выборка и процедура опроса. Опрос был опубликован на платформе Google. Сбор данных проходил с мая по июнь 2019 г. Генеральной совокупностью выступало взрослое население России старше 18 лет. Выборка произвольная: респонденты принимали добровольное участие в опросе. Приглашение размещалось в студенческих группах, родительских блогах и группах молодых ученых в социальной сети ВКонтакте.

Итоговая выборка состоит из 321 человека (77% женщин и 23% мужчин). Возраст – от 18 до 63 лет (средний возраст = 30,6 лет, ст. откл. = 9,48). Почти половина респондентов – родители (48%). Большинство участников исследования имеют высшее образование (80%). Половина выборки имеет высокий уровень культурного капитала, если оценивать объективизированное состояние, то есть более 100 книг дома. Материальное положение большей части участников исследования (38%) соответствует среднему уровню дохода.

Выводы и обсуждение. Недоверие к прививкам значимо не связано с социально-демографическими характеристиками респондентов, их уровнем образования, культурным капиталом и материальным положением (Приложение 2). В то же время наличие детей положительно связано с недоверием к вакцинации. Так, если в семье есть хотя бы один ребенок, показатель на шкале недоверия повышается примерно на 1/6 стандартного отклонения (рис. 1). Этот эффект не является большим, но значим на имеющейся выборке.

Уровень недоверия к вакцинации выше у людей с детьми даже при контроле общего отношения к процедуре. Родительство может играть особую роль для тех, кто не имеет сформированного отношения к прививкам. Так, в группе респондентов, демонстрирующих нейтральное отношение к ним, разница в недоверии среди родителей и респондентов без детей является наибольшей (рис. 2). В то же время респонденты, демонстрирующие положительное и отрицательное отношение, в среднем имеют сопоставимые показатели недоверия независимо от наличия в семье детей.

Результаты регрессионного анализа дают основания предполагать, что статус родителя действительно связан с недоверием к вакцинации. Причем наличие детей продемонстрировало положительную связь с недоверием даже при учете в модели общего отношения респондентов к вакцинации, а при нейтральном мнении о прививках родительство имеет наибольшее значение. Наши результаты схожи с выводами австралийских исследователей [Rozbroj et al., 2019]. Они выяснили, что доверие к вакцинам ниже у родителей, которые получают меньше информации. Перекликаются они также с предыдущими исследованиями, показывающими, что отношение к вакцинации зачастую определяется наличием детей [Benin et al., 2006; Danchin et al., 2018; Glanz et al., 2013]. Примечательно, что австралийские ученые не обнаружили связи между отношением к вакцинам и доходом или образованием, что характерно и для нашего исследования [Rozbroj et al., 2019].

Выяснить, почему отношение человека к вакцинации меняется с переходом к родительству (если это, конечно, будет доказано в экспериментальных или

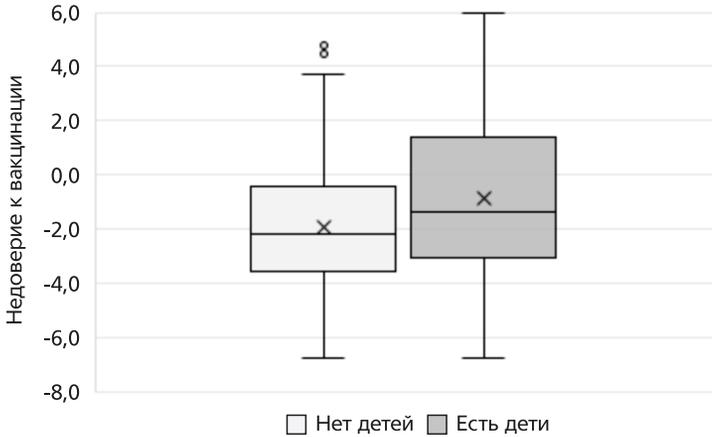

Рис. 1. Сравнение уровня недоверия к вакцинации среди респондентов с детьми и без

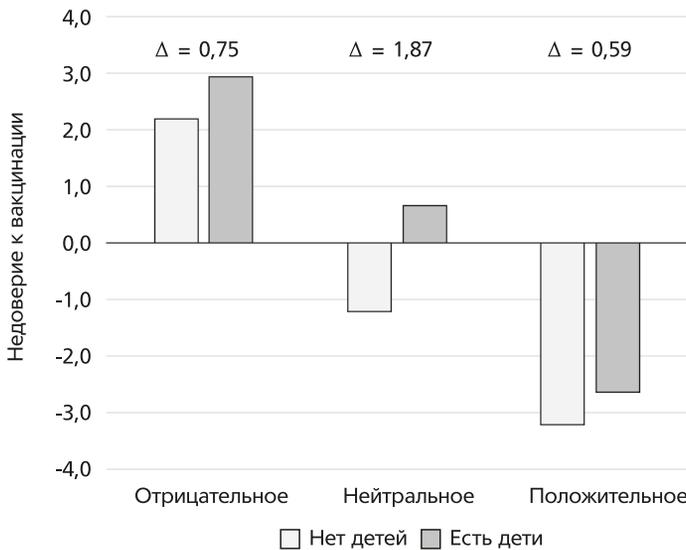

Рис. 2. Различия в уровне недоверия к вакцинации среди родителей и респондентов без детей с разным отношением к вакцинации

квазиэкспериментальных исследований), возможно путем глубоких, скорее всего качественных, исследований. Их целью станет понимание причин нежелания вакцинировать своего ребенка. Связано ли это с текущей модой, общим недоверием к государству, анекдотическими примерами из своего окружения? Например, есть косвенные данные исследований вакцинации, показывающие, что в контексте детей взрослые более чувствительны к риску, чем если речь идет о них самих [Tang et al., 2014], что может в итоге играть противоречивую роль, – для кого-то сама по себе вакцинация – это риск, иные же видят опасность в ее отсутствии. Кроме того, женщины, которые становятся матерями впервые, в целом проявляют больше сомнений в отношении к вакцинации [Danchin et al., 2018].

Это может быть связано с тем, что ситуация перехода к родительству накладывает дополнительную ответственность на людей о принятии решения за другого человека – своего ребенка, что приводит к нерешительности и толкает к поиску информации о вакцинации из различных, не всегда надежных, источников. Целый ряд подобных гипотез потребует продумывания нетривиальных дизайнов исследований.

Подтверждение или опровержение этих гипотез критически важно в контексте вакцинации от COVID-19, отношении населения к которой будет играть не последнюю роль в ее успехе [Sherman et al., 2020]. Особенно интересно, как родители отнесутся к вакцинации от COVID-19 в свете данных о том, что семьи с детьми во время пандемии пережили большой стресс [Kowal et al., 2020].

Наши данные на 2019 г. показывают, что 58,4% респондентов в целом относятся положительно к прививке. Итоги масштабного опроса ВЦИОМ в мае 2020 г. также подтверждают, что 59% россиян отмечали потенциальную заинтересованность взрослого населения в прохождении вакцинации от COVID-19¹. Еще более свежие результаты исследователей из Башкирского медицинского университета показывают, что те же 59% респондентов положительно относятся к вакцинации в целом, но лишь 21% выражают согласие, если дело касается вакцинации их ребенка от COVID-19 [Галляметдинов и др., 2021]. Важно отметить, что сама идея вакцинации детей от коронавируса в РФ является очень дискуссионным полем – в марте 2021 г. Анна Попова заявляла, что необходимости в вакцинации детей нет², но уже через месяц замдиректора по научной работе ЦНИИ эпидемиологии Роспотребнадзора Александр Горелов заявил, что все три российские вакцины от COVID-19 будут использоваться в педиатрии³. Видимо, в связи с этим улучшение качества информирования населения по вопросам иммунопрофилактики находит особое отражение в распоряжении правительства касательно Стратегии развития-2035⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Галляметдинов А.А., Ахметгареева А.Р., Абдуллин Р.Ф. Отношение родителей к вакцинопрофилактике детей в период пандемии COVID-19 // Современная наука и молодые ученые. Пенза: МНЦ «Наука и Просвещение», 2021. С. 123–125. [Gallyametdinov A.A., Ahmetgareeva A.R., Abdullin R.F. (2021) Parents' Attitude to Vaccination of Children during the COVID-19 Pandemic. In: *Modern Science and Young Scientists*. Penza: MNTS "Nauka I Prosveschenie": 123–125. (In Russ.)]
- Мац А.Н. Современные истоки антипрививочных измышлений и идеологии // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2013. № 3 (70). С. 90–97. [Mac A.N. (2013) Modern origins of anti-vaccine inventions and ideology. *Epidemiologiya i vakcinoprofilaktika* [Epidemiology and vaccine prevention]. No. 3(70): 90–97. (In Russ.)]
- Спиридонов В.Ф. Конспирологическая картина мира, или как устроена теория заговора. М.: «Дело» РАНХиГС, 2019. (Научные доклады: общественные науки). [Spiridonov V.F. (2019) Conspiracy picture of the world, or How the conspiracy theory works. Moscow: «Delo» RANHiGS. (Nauchnye doklady: obshchestvennye nauki). (In Russ.)]
- Andre F.E., Booy R. et al. (2008) Vaccination greatly reduces disease, disability, death and inequity worldwide. *Bulletin of the World health organization*. Vol. 86. No. 2: 140–146.
- Bell S., Clarke R. et al. (2020) Parents' and guardians' views on the acceptability of a future COVID-19 vaccine. *A multi-methods study in England*. *Vaccine*. 38(49): 7789–7798. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2020.10.027>
- Benin A.L., Wisler-Scher D.J. et al. (2006) Qualitative Analysis of Mothers' Decision-Making About Vaccines for Infants: The Importance of Trust. *Pediatrics*. Vol. 117. No. 5: 1532–1541.

¹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacziya-protiv-covid-2019-perspektivy-i-ozhidaniya> (дата обращения: 13.04.2021).

² URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/03/10/860935-popova-zayavila-ob-otsutstvii-neobodimosti-v-massovoi-vaktsinatsii-detei-ot-covid-19> (дата обращения: 13.04.2021).

³ URL: <https://www.rbc.ru/society/12/04/2021/6073add59a7947dd615cfdc0> (дата обращения: 13.04.2021).

⁴ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74591684/> (дата обращения: 13.04.2021).

- Bond T.G., Fox C.M. (2003) Applying the Rasch Model: Fundamental Measurement in the Human Sciences. *Journal of Educational Measurement*. Vol. 40. No. 2: 185–187.
- Brown K.F., Kroll J.S. et al. (2010) Factors underlying parental decisions about combination childhood vaccinations including MMR: A systematic review. *Vaccine*. Vol. 28. No. 26: 4235–4248.
- Danchin M.H., Costa-Pinto J. et al. (2018) Vaccine decision-making begins in pregnancy: Correlation between vaccine concerns, intentions and maternal vaccination with subsequent childhood vaccine uptake. *Vaccine*. Vol. 36. No. 44: 6473–6479.
- Goldman R.D., Yan T.D., Seiler M. et al. (2020). Caregiver willingness to vaccinate their children against COVID-19: Cross sectional survey. *Vaccine*. 38(48): 7668–7673. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2020.09.084>
- Hobson-West P. (2003). Understanding vaccination resistance: moving beyond risk. *Health, Risk & Society*. Vol. 5. No. 3: 273–283.
- Kowal M., Coll-Martín T. et al. (2020) Who is the Most Stressed During the COVID-19 Pandemic? Data From 26 Countries and Areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 12(4): 946–966. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/aphw.12234>
- Kreps S., Prasad S. et al. (2020) Factors Associated With US Adults' Likelihood of Accepting COVID-19 Vaccination. *JAMA Network Open*. 3(10): e2025594–e2025594. URL: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.25594>
- Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. (2017). Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 6(4): 353–369. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2017.07.008>
- Pearce A., Law C., Elliman D., Cole T.J., Bedford H. (2008) Factors associated with uptake of measles, mumps, and rubella vaccine (MMR) and use of single antigen vaccines in a contemporary UK cohort: prospective cohort study. *BMJ*. Vol. 336. No. 7647: 754–757.
- Roalkvam S., McNeill D., Blume S. (2013). *Protecting the world's children: Immunisation policies and practices*. OUP Oxford.
- Rozbroj T., Lyons A., Lucke J. (2019) Psychosocial and demographic characteristics relating to vaccine attitudes in Australia. *Patient Education and Counseling*. Vol. 102. No. 1: 172–179.
- Seale H., Heywood A.E. et al. (2010) Why do I need it? I am not at risk! Public perceptions towards the pandemic (H1N1) 2009 vaccine. *BMC Infectious Diseases*. Vol. 10. No. 1: 99.
- Shapiro G.K., Holding A. et al. (2016) Validation of the vaccine conspiracy beliefs scale. *Papillomavirus Research*. Vol. 2: 167–172.
- Sherman S.M., Smith L.E. et al. (2020) COVID-19 vaccination intention in the UK: results from the COVID-19 vaccination acceptability study (CoVAccS), a nationally representative cross-sectional survey. *Human Vaccines & Immunotherapeutics*: 1–10. URL: <https://doi.org/10.1080/21645515.2020.1846397>
- Sokol R.L., Grummon A.H. (2020) COVID-19 and Parent Intention to Vaccinate Their Children Against Influenza. *Pediatrics*. 146(6): e2020022871. URL: <https://doi.org/10.1542/peds.2020-022871>
- Yaqub O., Castle-Clarke S., Sevdalis N., Chataway J. (2014) Attitudes to vaccination: A critical review. *Social Science & Medicine*. Vol. 112: 1–11.

Статья поступила: 24.08.20. Финальная версия: 22.06.21. Принята к публикации: 25.06.21.

DISTRUST TO VACCINATION THROUGH THE PRISM OF PARENTHOOD

ABDURAKHMANOVA E.M.*, ALEXANDROVA E.A.*, ZVYAGINTSEV R.S.*, KERSHA Yu.D.*

*National Research University “Higher School of Economics”, Russia

Elen M. ABDURAKHMANOVA, Graduate Student, Trainee Researcher at the Center for Psychometrics and Measurement in Education (eabdurakhmanova@hse.ru); Evgenia A. ALEXANDROVA, Graduate Student (jennyalexandrova@mail.ru); Roman S. ZVYAGINTSEV, Graduate Student, Junior Researcher at the Pinsky Centre for General and Extracurricular Education, Institute of Education (rzvyagincev@hse.ru); Yulia D. KERSHA, Graduate Student, Junior Researcher at the Pinsky Centre for General and Extracurricular Education, Institute of Education (ykersha@hse.ru). All – National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

Abstract. The authors deal with the distrust problem to vaccination through the prism of general differences in beliefs and attitudes related to parenthood, and through the study of attitudes to vaccination, the reasons for its refusal. The study used a Canadian questionnaire designed to

measure the distrust level in the light of the most frequent conspiracy theories around vaccination. The questionnaire was translated into Russian and adapted for Russian samples, which is described in detail in the article, as well as the analysis of the psychometric qualities of the scale; construction of a regression equation to test the hypothesis that there is a relationship between the level of distrust to vaccinations and the status of the parent. The study was conducted on a sample of 321 respondents aged 18 to 63 years. The results show that people with children are more distrustful to vaccination when controlling socio-demographic characteristics.

Keywords: children vaccination, parenthood, psychometric analysis, Rasch model, vaccination, vaccine distrust.

Received: 24.08.20. Final version: 22.06.21. Accepted: 25.06.21.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Опросник представлений о вакцинации

	Утверждения для оценки
1	От населения скрывается информация о вспышках заболеваний у привитых детей
2*	Данные о безопасности вакцин зачастую сфальсифицированы
3	Прививки – это заговор фармацевтических компаний с целью извлечения финансовой выгоды
4*	Информация о вреде вакцинации для детей скрывается
5	Чиновники здравоохранения находятся в финансовом сговоре с производителями вакцин
6*	Людей вводят в заблуждение относительно эффективности вакцин в предотвращении заболеваний
7	Правительство и медицинские учреждения скрывают нанесенный прививками вред
8*	Данные об эффективности вакцин зачастую сфальсифицированы
9	Врачи поддерживают вакцинацию с целью получения личной и финансовой выгоды
10*	Фармацевтические компании скрывают опасность вакцин
11*	Правительство пытается скрыть связь между вакцинацией и развитием аутизма
12	От населения скрывают опасность для здоровья токсичных веществ, содержащихся в вакцинах
13	Ученые фальсифицируют результаты исследований вакцин по заказу фармацевтических компаний
14*	Людей вводят в заблуждение относительно безопасности вакцин
15	Здравоохранительные органы намеренно умалчивают о связи вакцинации с развитием определенных заболеваний

* – пункты оригинальной шкалы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Результаты регрессионного анализа

	Недоверие к вакцинации		
Возраст	0,04	0,00	0,06
	(0,02)	(0,02)	(0,02)
Пол (1 – мужской)	-0,07	-0,02	0,00
	(0,42)	(0,28)	(0,29)
Дети в семье (1 – есть)	0,15**	0,18***	0,16**
	(0,47)	(0,31)	(0,33)
Образование			
Полное среднее образование (11 классов) (реф. гр. – неполное среднее образова- ние (9 классов))			0,13
			(1,79)
Начальное профессиональное образова- ние			0,04
			(2,49)
Среднее специальное образование			0,05
			(1,85)
Бакалавриат или специалитет			0,06
			(1,78)
Магистратура			0,06
			(1,80)
Аспирантура, научная степень			0,00
			(1,83)
Культурный капитал			
26–100 книг дома (реф. гр. – 0–25 книг дома)			0,05
			(0,36)
Более 100 книг дома			-0,03
			(0,36)
Материальное положение			
На питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем (реф. гр. – Денег не хва- тает даже на питание)			0,12
			(1,87)
На одежду, обувь денег хватает, но круп- ную бытовую технику купить не можем			0,19
			(1,77)
На бытовую технику денег хватает, но авто- мобиль купить не можем			0,20
			(1,76)
На автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем			0,13
			(1,77)
На квартиру или дом денег хватает			0,15
			(1,77)
Отношение к вакцинации			
Нейтральное (реф. гр. – отрицательное)		-0,50***	-0,53***
		(0,34)	(0,38)
Положительное		-1,02***	-1,04***
		(0,31)	(0,35)
Наблюдения	255	255	238
R-квадрат	0,03	0,58	0,57

Примечания. В таблице представлены стандартизированные коэффициенты. В скобках указаны стандартные ошибки измерения. **95%; ***99%.

© 2021 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В (ДЕ)ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

V Санкт-Петербургский международный форум труда, проходивший в этом году 19–23 апреля, стал юбилейным. По традиции на нем собрались исследователи и практики трудовой сферы разных стран и научных направлений: социологии, экономики, юриспруденции, психологии и ряда других, чтобы обозначить и обсудить острые проблемы труда и трудовых отношений в современных условиях, поделиться знаниями и опытом их решения, высказать свою точку зрения о будущем социально-трудовой сферы. Пандемия COVID-19, внесшая свои коррективы, не уменьшила интереса к данному мероприятию и росту его аудитории. В этом году площадки Форума посетило очно около 10 тыс. человек и более 200 тыс. присоединились онлайн.

V Форум труда вообрал в себя 11 направлений, в рамках которых проведено 113 мероприятий в различных форматах. Обсуждались значимые проблемы современности: восприятие занятости населения; цифровые трансформации рынка труда; перспективы профессионального образования; организация дистанционной (удаленной) работы; механизмы регулирования социально-трудовых отношений и права человека; управление охраной труда и др.

Как и в прошлые годы, была широко представлена социологическая проблематика труда и трудовых отношений. В этом году она обсуждалась в рамках Международной научно-практической конференции «Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе», организованной Санкт-Петербургским государственным университетом при участии правительства Санкт-Петербурга, Института труда и квалификации (IAQ) (ФРГ), ВНИИ труда Минтруда России, СЗИУ – филиала РАНХиГС. Ее лейтмотивом стало теоретическое осмысление социально-экономической парадигмы развития трудовой сферы. В работе одной сессии, девяти секций и двух круглых столов приняло участие более 320 человек.

Доклады пленарного заседания задали направленность дискуссий всей конференции и обобщили проблемы труда в наиболее значимых областях реализации трудовых отношений. Первым выступил чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** (РГГУ, ИС ФНИСЦ РАН, Россия), отметивший ключевую роль цифровизации трудовых процессов, а также новых технологий, в том числе основанных на внедрении в производство искусственного интеллекта. Докладчик изложил основные положения, вытекающие из применения различных методов прогнозирования развития сферы труда: метод линейного прогноза, экспертного прогноза, морфологический, моделирование и ряда других. В докладе было отмечено, что далеко не все профессии подвергаются цифровизации, а достаточно небольшая часть. Также были обозначены проблемы развития цифровизации сферы труда, такие как: создание аналога человеческого мозга, возможности прогноза вариантов событий при его использовании, формирование алгоритмов решений для всех прогнозируемых ситуаций и некоторые другие.

В докладе **Е.И. Макарова** (ФНПР, Россия) было акцентировано внимание на том, что искусственный интеллект (ИИ), хотя и будет постепенно приближаться к человеческому, все же не сможет быть равным ему, поскольку человеческий интеллект обладает способностью неалгоритмического мышления. Внедрение технологий ИИ в сферу труда несет

как благо для людей, так и проблемы, связанные с их специфичностью. В подобных условиях профсоюзы должны продолжать осуществлять свою основную функцию защиты интересов работников, при этом быть адекватными новой социальной реальности.

На пленарном заседании также выступили **В. Нупек** (подразделение ООН по делам беженцев в России) и **Л.Р. Шакирова** (группа компаний Ингка в России). Они сконцентрировались на проблемах беженцев в разных странах мира, в частности представили анализ проблем занятости беженцев в России, а также обозначили необходимость управления процессами их трудоустройства в рамках регулирования их пребывания.

В докладе **Ю.А. Зубок** (ИСПИ ФНИСЦ РАН, Россия) были представлены результаты комплексного исследования отношения к труду современной российской молодежи. Методология исследования позволила выделить изменение смыслов труда у молодежи, смещение акцентов с труда как источника заработка на труд как способ общения; изменение соотношения его инструментальных и терминальных ценностей и т.п. На основе разрабатываемого механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи докладчик представила результаты анализа связей типов базовой культуры и ценностей труда в молодежной среде, связь архетипов с ценностями труда, связь ценностей труда с жизненными ориентациями и ценностью самореализации в труде, а также оценку ожиданий молодых людей в сфере труда.

В завершение пленарного заседания выступил **В.А. Мансуров** (РОС, ИС ФНИСЦ РАН, Россия), обративший внимание на неравнозначность положения разных профессиональных групп, особенно обострившуюся в условиях пандемии. Это касается в первую очередь финансовой и социальной недооцененности труда медиков, которые, находясь в крайне неблагоприятных условиях, выполняли и продолжают выполнять свои обязанности.

На сессии конференции «Труд и трудящиеся в каскаде глокализации капитализма» рассматривались проблемы разнонаправленного, подчас противоречивого развития трудовой сферы. Доклад **Д.В. Иванова** (СПбГУ, Россия) был посвящен анализу особенностей социального пространства труда и капитала постглобального общества. В глобализирующемся обществе ключевую роль играют ТНК, происходит виртуализация общественных отношений, в т.ч. социальных и экономических. Суть современного капитализма в том, что акцент в производстве стоимости все больше смещается с производства брендов на производство трендов как кратковременных, но интенсивных движений потребителей и новых форм коммодификации образов и времени. Это меняет его, и в центре оказывается не эксплуатация труда капиталом, а превращение новых ресурсов и отношений в источник капитализации.

Особенности и изменения трудовых отношений в период эпидемии стали предметом доклада **И.И. Елисейевой** (СПбГЭУ, Россия). Было рассмотрено воздействие пандемии на динамику показателей заработной платы и доходов населения в РФ в номинальном и реальном выражении. В частности, отмечалось, что специфической особенностью рынка труда России оказалась более высокая эластичность по заработной плате, чем по безработице. Нестабильность зарплаты в период кризиса в сочетании с динамикой показателей занятости позволяют утверждать, что происходит трансформация региональных рынков труда.

Секция «Системно значимые профессии и отрасли в нервные времена: старые порядки, новые реалии?» была посвящена анализу современного состояния социально-трудовой сферы, особенно в условиях пандемии, перспектив ее восстановления, в т.ч. с привлечением ИКТ. **И.Л. Сизова** (СПбГУ, Россия) обратила внимание на происходящую в настоящее время эволюцию смыслов труда. Трансформируется такой смысл, как «труд-еда», когда труд становится более широко мотивированным, нежели только зарабатывание жизненных средств, а техническая революция не только способствует облегчению труда, но и порождает новые формы его отчуждения. Доклад **С.Г. Климовой** (ИС ФНИСЦ РАН, Россия) анализировал опыт дистанционного труда для корректировки стратегий управления

в российских компаниях. Она отметила, что в период пандемии руководство российских предприятий придерживалось разных стратегий организации труда, значительная часть переводила персонал на дистанционную работу, но это зависело от специфики производственных процессов. Дистанционный труд порождает новые возможности и новые проблемы как для руководителей, так и для работников, требуя от обеих сторон формирования адекватных реальности компетенций; обостряет и ряд дилемм, таких как соотношение стабильности и изменчивости, иерархии и гибкости, конкуренции и сотрудничества, контроля и ответственности, требующих новых подходов и новых решений.

Проблемы цифровой трансформации труда дискутировались участниками секции «Цифровизация как триггер трансформации сферы труда», где поднимались вопросы распространения и влияния цифровых технологий и ИИ на сферу труда, изменения профессионально-квалификационной структуры общества, современных трансформаций форм занятости и найма, возникающих в этом контексте, и др. В фокусе внимания были методики изучения влияния ИКТ на организацию и условия труда работников; особенности функционирования рынка труда; проблемы занятости в цифровой экономике; цифровое неравенство и др.

Одним из ключевых трендов цифровизации трудовой сферы является трансформация трудовых отношений, все чаще приобретающих сетевой, неформализованный и горизонтальный характер. Секция «Декорпоратизация трудовой сферы: перспективы тренда в России» была посвящена анализу данных тенденций, участники обсуждали временность и долгосрочность трансформаций, последствия их влияния на трудовые отношения в России. В докладах **Р.М. Вульфович** (СЗИУ РАНХиГС, Россия), **Е.А. Пановой** (МГУ, Россия), **М.В. Рубцовой** (СПбГУ, Россия), **Н.А. Мартыановой** (РГПУ, Россия) актуализировались вопросы декорпоратизации и деинституционализации, влияния сжатия иерархий на сферу труда, стимулирования инновативной активности персонала. Наибольший интерес вызвал доклад **Е.Г. Ксенофонтовой** (МГУ, Россия) о неокорпоратизации и таких трендах в структуре бизнеса, как гибридизация рабочих мест и форм занятости, усиление потребности в свободе работников.

Социально-психологический срез проблем цифровизации трудовых отношений, их этических аспектов, адаптации и поддержания продуктивности в режиме удаленной работы и при возврате сотрудников в офис был представлен на секции «Психологические аспекты современных трудовых отношений». Участники секции также обсудили темы психологического обеспечения профессиональной безопасности и поддержания вовлеченности и продуктивности персонала в ситуациях неопределенности и дистанционной работы.

На секции «Молодежь и труд в изменяющейся социальной реальности» поднимались вопросы места и роли молодежи как трудового ресурса в современной экономике и обществе¹.

Проблема труда лиц предпенсионного и пенсионного возрастов определила направление обсуждений секции «Работа и занятость в старшем возрасте». О вкладе старшего поколения в экономику рассказала **Н.Н. Шестакова** (ИПРЭ РАН, Россия), отметив, что старение населения в современных обществах меняет возрастной состав трудовых ресурсов. Увеличение доли лиц пожилых возрастов имеет и негативное, и позитивное воздействие на экономику. В развитых странах созданы условия, поощряющие участие пожилых людей в экономической жизни этих стран, и разработаны методики оценки экономических эффектов их участия. В России подобных оценок пока не сделано, однако различные формы неоплачиваемого труда пожилых людей у нас также широко распространены. Добровольчество пожилых людей стало темой выступления **И.А. Григорьевой** (СПбГУ, Россия). Пожилые люди предъявляют высокие запросы к качеству жизни и полноценному участию в ней. Был проанализирован опыт развитых стран в организации сообществ добровольческой помощи пожилых для пожилых. В нашей стране это находится на стадии становления.

¹ См. обзор секции на с. 156–158.

Гендерному неравенству в трудовой сфере была посвящена секция «Феномен гендерного неравенства как фактор карьерного развития женщины». Обсуждались вопросы определенности факторов, оказывающих влияние на достижение успеха и карьерного развития человека, факторов внешней и внутренней среды организаций, ограничивающих возможность раскрытия потенциала человека и личных решений, приводящих к успеху или карьерному тупику. Особый интерес участников вызвали доклады **В.Г. Ушаковой** (СПбГУ, Россия) «Профессиональная занятость в России в условиях пандемии: гендерный аспект» и **С.Д. Гуриевой** (СПбГУ, Россия) «Всемирный экономический форум и последствия экономического кризиса: гендерный аспект».

Проблемы трудовой миграции и иностранной рабочей силы были подняты на секции «Иностранная рабочая сила на рынке труда: новые исследовательские вопросы и способы их решения в период социальных кризисов». Обсуждались проблемы создания групповой солидарности в среде транснациональных мигрантов в период кризисов и ключевых признаков этой солидарности, а также проблемы изменения социальных статусов и уровня бедности транснациональных мигрантов в периоды кризисов. Наиболее дискуссионным оказался доклад **А.А. Ивановой** (СПбГУ, Россия), посвященный сравнительному анализу экстремистского потенциала онлайн-ресурсов сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России.

Прогресс человечества и вызовы планете Земля; диалектика потребностей и труда при хронической неопределенности антропоцена на стадии капитализма и т.д. стали темой секции «Труд и хроническая неопределенность антропоцена: противоречия экологизации, медиализации, финансиализации, цифровизации».

В рамках конференции состоялось два круглых стола. «Девиантность в сфере труда и досуга: трансформация в условиях цифровизации» был посвящен обсуждению следующих проблем: понятие девиантности в современном мире; отличие понятий прокрастинация и лень; девиантный досуг в исторической перспективе; нейрофизиологические детерминанты лени. Круглый стол «Влияние научно-технологического развития на трансформацию рынка труда и динамику занятости в наукоемкой экономике» привлек внимание участников к проблемам научно-технологического развития и инновации как факторов эволюции спроса и предложения на рынке труда, формирования трудового потенциала наукоемкой экономики, баланса интересов стейкхолдеров и социального партнерства на рынке труда, подготовки кадров для технологического прорыва.

Подводя итоги, следует сказать, что конференция стала знаковой для исследователей и практиков, изучающих социальные проблемы труда, гармонично вписавшись в общую концепцию V Санкт-Петербургского международного форума труда, обогатив его содержание. В свою очередь, Форум продолжил и укрепил традиции являться площадкой для представления научных школ, проведения дискуссий и постановки всегда актуальных проблем.

Р.В. КАРАПЕТЯН, Е.Е. ТАРАНДО

КАРАПЕТЯН Рубен Вартанович, к. экон. н., доц. (r.karapetyan@spbu.ru); ТАРАНДО Елена Евгеньевна, д. экон. н., доц., проф. (e.tarando@spbu.ru). Оба – кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250015287-8

LABOR TRANSFORMATION IN (DE)GLOBALIZING SOCIETY

Ruben V. KARAPETYAN, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (r.karapetyan@spbu.ru); Elena E. TARANDO, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (e.tarando@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

МОЛОДЕЖЬ И ТРУД В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В рамках Форума труда в Санкт-Петербурге 23 апреля 2021 г. состоялась секция «Молодежь и труд в изменяющейся социальной реальности» (рук. **Ю.А. Зубок**, ИСПИ ФНИСЦ РАН), где обсуждались вопросы занятости молодежи, вариативность ее трудовых практик, положение на рынке труда, трудовая мотивация и смысловые основания для нетрудового поведения, развития человеческого капитала. Изменения в сфере труда приводят к противоречивым интерпретациям поведения молодежи и его мотивационной составляющей. В силу своей мобильности и адаптивности молодые люди принимают современные вызовы, пытаются приспособиться к новым условиям. Разобраться с тем, как происходит процесс адаптации, с какими трудностями сталкивается молодое поколение, какова роль государства в процессе регулирования занятости молодежи, как происходит саморегуляция жизненного выбора в сфере труда, попытались исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Екатеринбурга, Ульяновска и др. городов России.

О.А. Александрова (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ФУ при Правительстве РФ) в своем докладе подняла проблему дефицита молодых кадров рабочих специальностей. Кадровый голод связан не только с условиями труда рабочих и нежеланием молодежи работать на этих местах, но и с сокращением программ подготовки специалистов, а также с качеством самого контингента учащихся. По данным исследования, 1/5 учится неудовлетворительно, а 43,7% – на тройки. В связи с этим обсуждалась и проблема институционального характера – невозможность отчисления слабых учеников из-за подушевого финансирования.

Продолжила тематику обсуждения рабочей молодежи **Г.П. Бессокирная** (ИС ФНИСЦ РАН), представив результаты анализа социальной адаптации рабочей молодежи на фоне старшего поколения по данным мониторингового исследования жителей Пскова, проведенного в 2019–2020 гг. (до начала пандемии). На социальную адаптацию рабочих, по ее мнению, преимущественно влияет социально-экономическая ситуация в стране, а важным фактором, определяющим ее успешность, являются условия жизнедеятельности по месту жительства (в поселении определенного типа).

Социологи из УлГУ представили результаты двух волн исследований рабочих Ульяновской области в коронавирусный период (осень 2020 г. и весна 2021 г.), проведение третьей волны предполагается осенью 2021 г. **Е.Л. Лукьянова**, описав общую ситуацию на рынке труда Ульяновской области в 2020 г., представила основные стратегии занятости рабочих и их особенности в анализируемый период, учитывая ориентацию не только на региональный рынок, но и трудовую миграцию (вахтовый метод и переезд в другой регион). Доклад **Ю.В. Андреевой** был посвящен неформальной занятости молодых рабочих. Она затронула вопросы утилитарного отношения к подобной занятости и отсутствие проблематизации ее рабочими. Однако в коронавирусный период у рабочих все же присутствует страх остаться без заказов, также отмечались некоторые дискриминационные практики по отношению к неформально занятым. **Н.Ю. Кремнева** сосредоточилась на рабочих с высшим образованием, занятых в трех сегментах рынка труда: крупные «традиционные» предприятия (бывшие государственные), микропредприятия частного сектора и неформальный сектор экономики. На основе анализа кейсов она выделила три мотивационных типа работника: люмпинизированный, профессиональный и инструментально-хозяйский. Докладчик делает вывод, что выбор рабочей профессии выпускником вуза не является потерей в социальном статусе, поскольку высшее образование не является для них ни ресурсом карьерного роста, ни средством социальной мобильности, а сохранение рабочих позиций – осознанный выбор в условиях регионального рынка труда. Выбор сегмента рынка труда определяется прежде всего трудовыми ценностями и мотивами труда выпускников вузов.

Интересный доклад представила **Г.А. Чередниченко** (ИС ФНИСЦ РАН). На основе онлайн-исследования на всероссийской платформе городского населения были опрошены две группы заочников: студентов и тех, кто обучался по заочной программе с 2000 по 2018 г. Образовательные траектории студентов отличаются: большая часть заочников приходит после получения среднего профессионального образования (58,9%), 13,6% – после первого высшего образования, а 90% студентов очного отделения – выпускники средних школ, причем преимущественно текущего года выпуска. Профиль обучения заочников также имеет некоторые различия – среди них больше обучаются наукам об обществе и меньше – по технической направленности. Проанализировав степень соответствия занятости полученной заочной специальности, докладчик отметила значительный рост среди выпускников руководителей (14,6 против 1,9% при приеме в вуз) и специалистов высшей квалификации (50,7 против 18,8% при приеме в вуз), очевидна связь полученного образования с занятостью. Таким образом, степень успешности применения на рынке труда высшего образования, полученного заочно, неодинакова. У работающих не по специальности распространена больше модель перехода без перерыва после окончания средней образовательной организации в высшую. Среди работающих по специальности – модель непрерывного образования работающих людей. Поэтому заочное обучение в вузе, по мнению докладчика, в плане профессиональной отдачи оказывается более эффективным.

А.Л. Темницкий (МГИМО-У) на основе анализа данных РМЭЗ-ВШЭ выявил отличительные признаки молодых работников в ценностных диспозициях и связанных с ними практиках и мотивах поведения в сравнении со старшими возрастными группами и ровесниками в других европейских странах (по данным Европейского социального исследования). Так, связь ценностей достижения с показателями трудовой мотивации и благополучия в жизни характерна только для молодых российских работников. Она имеет преимущественно инструментальный характер и ее повышение происходит при росте значимости заработка при выборе работы. А большая важность достижения обратно коррелирует с оценками справедливости заработка. В целом, докладчик пришел к выводу, что различия в ценностях самоутверждения между молодыми работниками России и их старшими коллегами в динамике 2006–2018 гг. сохраняются, но стали менее значимыми (по ценности «достижения» сократились в 3 раза, «гедонизма» – в 2 раза, «власти-богатства» – стали незначимыми). Сохранение различий и большая значимость для молодежи ценностей самоутверждения рассматривается как конструктивное явление для современной России. Опережение молодых работников по важности ценностей «достижения» и «власти-богатства» и отставание по ценностям «гедонизма» и «самостоятельности» от своих коллег на Западе, по мнению А.Л. Темницкого, можно рассматривать как сохранение их мотивационного потенциала. В обсуждении доклада было подчеркнуто, что молодые работники в меньшей степени привязаны к организации, т.е. действует фактор неорганизованной занятости.

Тема трудовой мотивации постоянно звучала в выступлениях участников конференции. Так, данные исследования по трудовой мотивации представила **И.С. Шушпанова** (ИСПИ ФНИСЦ РАН). Однако на секции обсуждались и мотивы нетрудового поведения молодежи. Дискуссию вызвали доклады о NEET-молодежи. **М.Б. Буланова** (РГГУ), обрисовав общий портрет группы и ее особенности, каналы попадания в NEET, сконцентрировала внимание на его «ядре» – добровольно сделавших выбор в пользу данного варианта жизни, с выраженным нежеланием работать и учиться. Подчеркнув разнообразие состава – от детей представителей так называемого «социального дна» до детей «социальных рантье», докладчик отметила малоизученность такого социального явления – своеобразного вида социального иждивенчества, последствия которого связаны с исключением части общества из практик трудовой занятости. Продолжив тему, **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) на данных наблюдений и глубинных интервью с молодежью, имеющей в своей биографии статус NEET, выделила наиболее характерные типы, различающиеся мотивацией, сценариями поведения, ценностными ориентациями. Она подчеркнула, что эти типы нетрудового поведения могут свидетельствовать не только об

инфантилизации молодежи и потере в развитии человеческого капитала, но также об адаптации молодежи к новым социально-экономическим условиям. Важно изучать ситуации входа и выхода из группы и продолжительность пребывания в ней. Временность NEET-статуса – характерная черта молодежи, однако важно учитывать социальные факторы, выталкивающие молодых из сферы занятости и закрепляющие ее в этом состоянии: разочарование в уровне предлагаемого и недоступность качественного образования, невозможность найти работу по специальности, неудовлетворенность уровнем заработной платы, нестабильность рынка труда и др. Влияние оказывают и социально-психологические характеристики личности: образовательная неуспешность, стремление к социальной изоляции, разочарованность в ценностях капитализма, неумение выстраивать отношения с людьми, нарциссизм, нежелание и неумение планировать собственную жизнь и т.п.

Яркий доклад сделала **Я.В. Дидковская** (УрФУ) об инновационной активности молодежи в контексте образа социального будущего. По результатам исследования обсуждались креативность и инновативность современной молодежи. Тему креативной экономики продолжили **Я.Н. Крупец** и **Ю.В. Епанова** (обе – НИУ ВШЭ-СПб.). Их доклад был посвящен крафтовым предпринимателям Санкт-Петербурга. На данных интервью ($N = 58$) обсуждалась проблема стартового капитала и развитие подобного бизнеса. Докладчики пришли к выводу, что с минимальным набором капиталов (экономического, социального, культурного) возможно выйти на рынок крафтового предпринимательства, однако их дефицит больше ощущается при дальнейшем развитии бизнеса. В условиях ограниченных капиталов анализировались «тактики слабых», позволяющие развивать и сохранить бизнес, однако отмечалось, что существуют ограничения и риск остаться «бизнес-пролетариатом».

Также на секции прозвучали доклады **Н.В. Проказиной** (Алтайский филиал РАНХиГС) об отношении к труду молодежи, **Т.А. Гужавиной** (ВолНЦ РАН) о социальном капитале молодежи как ресурсе на рынке труда. **Е.В. Недосека** (СИ РАН ФНИСЦ РАН) и **Е.Н. Шарова** (МАГУ) представили доклад о профессионально-образовательных стратегиях молодежи Арктической зоны России. Проблемы трудовой миграции из России обсуждались в выступлении **А.С. Лукьянца** (МГИМО), отметившего рост миграционных настроений молодежи. По его мнению, если даже 5–7% реализуют свои намерения, это может привести к серьезным последствиям.

Подводя итоги, отметим, что прозвучавшие доклады отражали положение разных групп молодежи на рынке труда, что, однако, позволило отразить общие тенденции, свойственные современной молодежи. Особое внимание уделялось вопросам адаптации к меняющимся условиям и ценностям молодежи. Отдельно обсудили вопрос об отражении в законе о молодежной политике создания условий для разных групп молодежи, с сохранением ее субъектности. Переосмысление труда в жизни молодого человека дополняется острым кризисом занятости, вызванным пандемией, что приводит к трансформации в механизмах саморегуляции трудовых стратегий.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна, науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, отв. секретарь журнала «Социологические исследования», ст. преп., Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250015741-8

YOUTH AND WORK IN A CHANGING WORLD

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS; executive secretary (editor) of the journal "Sociological studies"; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

ТРУД И ХРОНИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ АНТРОПОЦЕНА

В рамках V Санкт-Петербургского международного форума труда состоялась Международная научно-практическая конференция «Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе», организованная Санкт-Петербургским государственным университетом, Правительством Санкт-Петербурга, Институтом труда и квалификации (IAQ) (ФРГ), ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, Северо-Западным институтом управления – филиалом РАНХиГС.

Одной из ведущих секций конференции была секция «Труд и хроническая неопределенность антропоцена: противоречия экологизации, медиализации, финансиализации, цифровизации». В ее работе приняли участие исследователи из России, США, Тайваня и Индии. Модераторами (проф. **М.В. Синютин** и **А.С. Гонашвили** (оба – СПбГУ)) были предложены для обсуждения следующие вопросы: хроническая неопределенность антропоцена на стадии капитализма: диалектика потребностей и труда; труд в свете противоречий экологизации и медиализации жизнедеятельности человека; противоречия финансиализации и цифровизации общества как вызовы способу производства в XXI веке.

Первый доклад был представлен проф. **Р.Дж. Антонио** (Ун-т Канзаса, США) на тему «Эколого-социальная теория в антропоцене: экологический кризис, труд и обновление». Опираясь на социологические теории, докладчик обосновал, что капиталистические демократии находятся в периоде неопределенной продолжительности, в котором старый порядок умирает, но новый еще не создан. Этот период высокой незащищенности вызывает неожиданные, опасные и ненормальные события. Докладчик заострил внимание на том, что первый в Америке антиглобалистский протекционизм Трампа и снижение корпоративных налогов не восстановили справедливый рост, качественные возможности трудоустройства или финансовую стабильность.

Цзятин Сунь (Национальный ун-т Цзяотун, Тайвань) выступила с докладом «Изучение моделей труда, промышленного менеджмента и этические споры на мировом рынке репродуктивных услуг и технологий с точки зрения биологии». Опираясь на концепцию власти М. Фуко, проанализирован репродуктивный ресурс в рамках биоэкономики, рассмотрен быстро развивающийся глобальный рынок фертильности в качестве ориентира для изучения роли крупных коммерческих организаций и их управления различными объектами, а также для исследования моделей и форм оказания репродуктивных услуг. Докладчик показала, каким образом биологические материалы, которые считались отходами, превращаются в ценный биологический капитал и как это еще больше подчеркивает природу оказания репродуктивных услуг, интерпретируемых в категории труда. Репродуктивное донорство – это труд, и права его представителей защищены крайне слабо, они зависимы от компаний, которые существуют на рынке репродуктивного труда.

Выступление проф. **Ю.В. Веселова** (СПбГУ) «Социальная солидарность, доверие и справедливость в современном трудовом обществе» базировалось на проведенном исследовании, в результате которого были сделаны следующие выводы: COVID-19 не повлиял на уровень межличностного доверия, однако оно смещается все больше в цифровую сферу. Показатели цифрового доверия выявили: его уровень выше среди лиц с высшим образованием, у молодежи и мужчин. Докладчик отметил высокий уровень оптимизма и надежду на счастливое будущее, так 76,3% петербуржцев в период разгара пандемии все же надеялись на лучшее будущее.

Проф. **Б. Босле** (Ун-т Мумбаи, Индия) в докладе «Пандемия и цифровая экономика в Индии» пришел к выводу, что цифровизация экономики поможет определенным слоям индийского общества и бизнеса. Многие малые и микропредприятия исчезнут и переосмыслят стратегию выживания и перехода к новым, более технологически развитым видам

деятельности. В Индии остро стоит вопрос отсутствия цифровой инфраструктуры в сельских регионах, что делает невозможным реализацию и развитие цифровой экономики. В завершение своего выступления докладчик сфокусировался на вопросах: будет ли глобализация переосмыслена в интересах бедных и маргинализированных слоев населения, станет ли общество инклюзивным и как будет противостоять пандемиям, предложив собравшимся продумать такие перспективы.

Дж. Тейлор (СПбГУ) в выступлении на тему «COVID-19. Безработица и универсальный базовый доход» заметил, что так же, как и убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 г., COVID-19 создал новую социальную ситуацию, которая надолго определит наш век. Автор пришел к выводу, что традиционно господствовавший в экономической практике прошлого принцип Парето должен быть изменен в отношении базового дохода. Если государство предлагает выплаты бедным, то оно может отказать в выплатах тем, кого оно не одобряет. С одной стороны, это может стать сильным стимулом для бедных подчиниться существующей политической системе, с другой – может мотивировать преуспевающих платить налоги, необходимые для поддержки всеобщих базовых платежей. Альтернативой станет лишь хаос, поэтому докладчик полагает, что универсальный базовый доход не может быть предложен иммигрантам и иностранцам. Если границы не будут закрыты, огромное количество отчаявшихся людей будет стремиться попасть на территорию государства и вызовет процессы дестабилизации.

Доклад «Новые средства адаптации человека к ситуации пандемийной неопределенности» был представлен проф. **В.Н. Келасьевым** и проф. **И.Л. Первой** (оба – СПбГУ). Они обозначили, что пандемия стимулировала рост неопределенности, конфликтности, появление ковид-террористов, а также падение терпимости людей друг к другу. Возросла тревожность, нервность людей. Появилось недоверие к тому, что возврата к прежней ситуации уже не будет. Исследователи предложили вариант механизмов самопомощи людям с целью улучшения базового настроения и адаптации к современным реалиям. В качестве ключевого механизма самопомощи предлагается рассматривать внутренний диалог с самим собой, а также возврат своих ранних хобби, прежних интересов и увлечений.

Проф. **Н.Н. Покровская** (РГПУ им. А.И. Герцена) в своем выступлении «Цифровизация и смешение предпринимательских и инвестиционных функций в трудовом поведении» обозначила, что трудовое поведение в индустриальной экономике постепенно включало в себя всё больший объем предпринимательских функций. При переходе в режим удаленной работы в связи с пандемией на наёмных работников была возложена еще и инвестиционная функция: приобретение оборудования, оплата более качественной коммуникационной инфраструктуры и т.д. По мнению докладчика, пандемия разделила нагрузку вложения ресурсов в развитие специфического капитала между бизнесом и наемными работниками. Одновременно работники, осознав новое бремя требований к использованию своих ресурсов, начали использовать более гибкие стратегии и выбирать более привлекательные для себя условия. Если корпоративная принадлежность последних двух веков предполагала лояльность, которая вознаграждалась, то сегодня распространение фриланса и аутсорсинга, краудсорсинга и опенсорсинга свидетельствует, что компании предпочитают тех работников, которые смогли создать портфолио проектов и собственную сеть работодателей.

Завершил работу секции доклад **Е.В. Капусткиной** (независ. исслед.) «Проблемы доверия к цифровым сервисам в сфере занятости», в котором были представлены результаты исследования, проведенные методом глубинных интервью. Автор дала определение термину «цифровая экономика», иногда называемому электронной экономикой. По её мнению, одной из главных отличительных ее черт является растущая роль социальных сетей. Поэтому анализ занятости в цифровой экономике предполагает изучение возможностей использования социальных сетей. Докладчик пришла к выводу, что при поиске сотрудников владельцы компаний, прежде всего, опираются на личные контакты, как реальные, так и виртуальные. Кроме того, социальные сети чаще используются при

подборе персонала, чем при поиске работы. Если говорить о третьем сегменте рынка труда цифровой экономики, а именно о владельцах и сотрудниках предприятий электронного бизнеса и электронной коммерции, то, несомненно, они используют исключительно социальные сети, в том числе при трудоустройстве и рекрутинге.

Представленные доклады пробудили живой интерес и вызвали бурную дискуссию, все сошлось на необходимости комплексного изучения современной стадии эпохи антропоцена через выявление взаимосвязей и противоречий общественной жизни и организации труда современного капитализма. Секция в контексте работы всей конференции показала, что исследования в области труда нуждаются в серьезном совершенствовании как теоретической базы, так и практической реализации научных разработок.

М.В. СИНЮТИН, А.С. ГОНАШВИЛИ

СИНЮТИН Михаил Владимирович, д. социол. н., проф.; ассоц. науч. сотр. Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (m.sinutin@spbu.ru); ГОНАШВИЛИ Александр Сергеевич, аспирант, стажер-исследователь; помощник проректора Университета при МПА ЕврАзЭС, преп., Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет) (gon.01.07.94@yandex.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250014944-1

LABOR AND THE CHRONIC UNCERTAINTY OF THE ANTHROPOCENE

Mikhail V. SINYUTIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.; Assoc. Researcher of the Sociological Institute of FCTAS RAS (m.sinutin@spbu.ru); Aleksandr S. GONASHVILI, postgraduate student, research intern; Assistant Vice-Rector of the University under the IPA EurAsEC, Lecturer, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University) (gon.01.07.94@yandex.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ФЕЛИКСУ ИЗОСИМОВИЧУ ШАРКОВУ – 70 лет!

20 июля 2021 г. отмечает юбилей российский социолог, президент Международной академии коммуникологии, зам. декана, зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, главный редактор журнала «Коммуникология», профессор Феликс Изосимович Шарков.

Еще студентом он возглавил социологическую группу по изучению профессиональных интересов учащихся средних специальных учебных заведений. По этой теме защитил кандидатскую диссертацию в ИСИ АН СССР. Активная комсомольская работа, научно-управленческая деятельность, коммуникативная практика на различных уровнях, включая работу генеральным директором школы менеджеров при Правительстве Чувашской Республики, – вся эта деятельность сориентировала Феликса Изосимовича на занятия прикладной коммуникологией. А должность министра информации и печати Чувашской Республики окончательно

утвердила его дальнейшую траекторию научно-исследовательской деятельности.

В очной докторантуре РАНХиГС Шарков связывает свою научную деятельность с социологией коммуникации, а чуть позже развивает коммуникологию как междисциплинарное научное направление. Он выступает инициатором разработки концепции социального государства, публикует серию учебников (в том числе с соавторами) по основам социального государства и защищает докторскую диссертацию по соответствующей проблематике. Научной общественностью он признан основателем такого научного направления в социологии, как социономика.

Проф. Шарков свои научные исследования задумывал как междисциплинарные и полипарадигмальные. Основывая теорию эгалитарной коммуникации, он раскрывает необходимость обеспечения равного доступа всем субъектам коммуникации к востребованным ими каналам коммуникации; сформировав теорию ноосоциетальной системы, стал рассматривать коммуникационную проблематику на глобальном уровне. Опубликовал свыше 30 монографий, учебников и учебных пособий по проблемам теории и практики коммуникации. Энциклопедический словарь-справочник «Коммуникология» выдержал шесть изданий и стал настольной книгой для интересующихся генезисом социальной коммуникологии.

Фигура Феликса Изосимовича колоритна и медийна. Монография «Четвертая волна» (2005), где рассмотрены всеобщие интерактивные коммуникации на глобальном уровне, вопросы интенсификации цифровых коммуникаций, виртуализации социального пространства Интернета и возникновение виртуального сообщества, сделала его узнаваемым.

Профессиональное сообщество по достоинству оценило заслуги Феликса Изосимовича Шаркова, Почетного работника высшего профессионального образования, Заслуженного деятеля науки РФ, наградив его общенациональной премией «Профессор года – 2020» в номинации социальные науки.

Пожелаем Феликсу Изосимовичу процветания, творческих успехов в научной и преподавательской деятельности. Желаем здоровья, энергии и неутомимой жажды совершенствовать этот мир с помощью научных открытий, новшеств, подготовки студентов, аспирантов и докторантов. Пусть исполнятся все Ваши творческие инициативы!

С.А. КРАВЧЕНКО,
д. филос. н., проф.

© 2021 г.

Виттенберг Е.Я. СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ. М.: РГГУ, 2020. 687 с.

Масштабное исследование проф. РГГУ Е.Я. Виттенберга посвящено проблеме, которую многие отечественные политики, аналитики и рядовые граждане считают ключевой с точки зрения будущего России, – социальной ответственности власти. Это вторая из книг трилогии, посвященной общей проблеме социальной ответственности в России. Первая («Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве», 2011 г.) получила широкий отклик в прессе. В настоящее время автор работает над третьей книгой, посвященной социальной ответственности гражданского общества.

Несколько обстоятельств делают рецензируемую книгу незаурядным явлением в научной литературе по истории постсоветской трансформации. Во-первых, объем проделанной работы. На почти семистах страниц детально критически анализируется внешняя и внутренняя политика власти с позиций социальной ответственности: ее планы, реализация намеченного, результаты и последствия. Использован большой теоретический и эмпирический материал: данные Росстата, официальных юридических документов, решений правительства, социологических исследований (Институт социологии РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр), труды российских и зарубежных историков, политологов, социологов и экономистов. Содержится около тысячи ссылок на источники, нередко с обширными комментариями к ним.

Во-вторых, само обращение к феномену социальной ответственности власти можно признать ценной и аналитически перспективной частью авторского замысла. Хорошо известно, что от времен «шоковой терапии» целому поколению российских исследователей и управленцев осталась в наследство идиосинкротизация к самому понятию «социальная поддержка». Весьма распространенным оказалось мнение, что «государство должно уйти», «государство ничего не должно», а рыночная экономика и свободная игра эгоистических интересов расставят все по своим местам. Однако постсоветский российский опыт убедительно продемонстрировал пагубность такого подхода. Подобная позиция разрушительным образом воздействует не только на людей, но и на состояние политической сферы, нации и государства.

В-третьих, особенно актуально в атмосфере становящегося все более популярным противопоставления российскими властями «прагматичного» Запада с его приверженностью ценностям «прибыли» и «материального интереса», с одной стороны, и «высокодуховной» России с ее приверженностью ценностям «добра» и «справедливости» – с другой. В частности, президент РФ В. Путин в октябре 2015 г. заявил: «В основе российского мировоззрения лежит представление о добре и зле, о высших силах, божественное начало. В основе западного мышления... лежит интерес, прагматичность, прагматика»¹. Подобные заявления делают злободневным вопрос, который задает себе любой думающий россиянин: насколько современная Россия в ее социально-экономических и политических параметрах соответствует заявленным представлениям о «справедливости», «дobre» и «божественном начале» и насколько власть содействует реализации на практике этих представлений? Уверен, что многие дадут отрицательный ответ. Нынешняя Россия категорически не соответствует официально заявленным ценностям «добра» и «справедливости». Сказанное отчетливо проявилось в пандемию и особенно резко по сравнению с «прагматичным» Западом. Так, в канун Рождества 2020 г. в США приняли очередной пакет помощи простым жителям, согласно которому на поддержку граждан были

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/3593778>.

выплачены пособия почти на 260 млрд долларов. Плюс к этому 140 млрд долларов составили выплаты американцам по программе страхования от безработицы. В 2021 г. президент Байден подписал так называемый пакет стимулов, включающий в себя 2 трлн долларов, компенсирующих американцам потери от пандемии². Российские власти заметного пакета помощи своим гражданам не предложили, кроме разовых подачек отдельным категориям населения. В результате последствием пандемии коронавируса стал резкий – почти на 2 млн человек – рост числа россиян, живущих за чертой бедности. Таким образом, столь часто звучащая риторика о справедливости как о фундаментальном принципе «русского мира» неизбежно вступает в противоречие с нынешним социально-экономическим укладом России. В контексте сказанного, ответ на вопрос Е. Виттенберга: «В чем заключается социальная ответственность российской власти?» – представляется как никогда актуальным.

Развернутый и глубокий анализ доминирующих в современных социальных науках теорий социальной ответственности и власти позволяет ввести в социальную науку крайне полезную и значимую фактуру, которая также весьма поучительна в практическом отношении, поскольку позволяет лучше представить обстоятельства и нюансы трансформации социальной функции российского государства. Ценность исследования с точки зрения производства нового знания заключается в операционализации категории «социальная ответственность» применительно к различным аспектам властно-государственной социальной ответственности: экономических преобразований, социальной политики, строительства гражданского общества, внешней политики и т.д.

Во втором разделе содержатся сюжеты, посвященные ключевым направлениям экономической трансформации: приватизации, экономической конкуренции, инновационной политике властей и разрыву между стратегиями власти и их реализацией. Здесь приходится с сожалением констатировать, что любое публичное обсуждение плюсов и минусов проведенных в 1990-е гг. реформ чрезмерно политизировано, оно часто опирается не на факты, а на мифологизированные трактовки. Самой спорной, но интересной, можно признать оценку автора степени справедливости такой неоднозначной меры, как приватизация. Автор делает вывод, что «действия властей, направленные на приватизацию, при всех тех ошибках, которые были сделаны, должны быть признаны социально ответственными» (с. 131). Потому что это: 1) отодвинуло Россию от экономического краха и социальных катаклизмов; 2) в стране сформировался класс собственников, а малый и средний бизнес стал социальной базой для формирования нового для России среднего класса; 3) экономический плюрализм и плюрализм форм собственности стали предпосылкой для возникновения политического плюрализма и политической конкуренции.

Спору нет, многие склонны видеть в приватизации 1990-х гг. позитивный экономический смысл. Однако необходимо четко понимать, что сами приватизаторы рассматривали ее вовсе не как экономическую меру, а как политический проект – инструмент, призванный изменить политический ландшафт страны. Здесь важен не экономический эффект приватизации (кстати, очень сомнительный), а тип общества, построенный в России с помощью приватизации и предшествовавшей ей «шоковой терапии». «Сделка в духе Фауста», заключенная в 1995 г. командой А.Б. Чубайса, с одной стороны, и олигархами – с другой, сформировала определенный тип капитализма и определенный тип общества в современной России. Большой зародыш «шоковой терапии» и политически мотивированной приватизации предопределил все последующие аномалии постсоветского развития: сохранение олигархической системы с помощью авторитарного режима, соединение крупной собственности и политической власти, неуклонное пренебрежение демократическими и правовыми нормами. Автор монографии подчеркивает, что в мире существует и другой взгляд на рыночную экономику, базирующийся на большем равенстве, которое использует силу рынка для того, чтобы обеспечить процветание не немногим гражданам, но всему обществу. Однако

² Joe Biden's Stimulus is a High-Stakes Gamble for America and the World //The Economist. 2021. March 13. URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/03/13/joe-biden-s-stimulus-is-a-high-stakes-gamble-for-america-and-the-world?sa=d&source>

открытым остается вопрос: действительно ли такая цель ставилась реформаторами? Думается, осуществленное во многом было обусловлено представлениями либеральных младореформаторов о власти. Эта власть виделась ими как произвольная сила, которая ломает страну через колено и проводит нужные реформы. Так называемые российские либералы желали, чтобы Б. Ельцин, воспользовавшись, по их выражению, «шансом Пиночета» и параличом общественной жизни после «шоковой терапии», провел массовую приватизацию, которая привела не только к глубокой социальной и ментальной пропасти между верхами и низами, но и к формированию основ сословного общества.

В третьем разделе Е. Виттенберг на эмпирическом и статистическом материале демонстрирует скромность достижений власти в сфере социальной политики. Он утверждает, что в стране не удалось сформировать большой и устойчивый средний класс и что большая часть социальной структуры РФ состоит из промежуточных слоев между стратой бедных и средним классом. Значительное место занимает оценка деятельности власти, направленной на борьбу с бедностью, ее достижений и проблем. Позитивным является то, что, опираясь на международный опыт, автор предлагает свое видение решения проблемы сокращения бедности. В частности, он ратует за проведение переоценки стоимости труда, который, по его мнению, недооценен, создание квалифицированных рабочих мест, предлагает введение реально прогрессивного налога на доходы богатых, а не символического в 2%, введенного с 1 января 2021 г., сокращение расходов на бюрократию и оборону, развитие благотворительности и ряд других.

Весьма критично автор настроен по отношению к социальной политике, направленной на сглаживание избыточных социальных неравенств (экономических, гендерных, региональных, информационных и т.д.), существующих в современной России. Можно согласиться с ним в том, что меры, предпринимаемые властью в этом направлении, недостаточны и социальные неравенства, прежде всего в сфере благосостояния, создают угрозу социальной стабильности в обществе, столь богатом попытками революционного передела собственности.

Виттенберг формулирует очень взвешенное и обоснованное мнение относительно социальной ответственности власти за состояние демократии в постсоветской России. Он избегает бесплодных дискуссий по поводу того, какой тип демократии («формальная демократия», «имитационная демократия», «суверенная демократия») и какой вид политического режима («гибридный режим», «электоральный авторитаризм» и т.д.) формируется в России. Он фокусирует свое внимание на исследовании институциональной основы формирующейся российской демократии, для которой присущи все признаки переходности и неопределенности. Так, автор утверждает, что «политика власти в сфере развития демократии была непоследовательной, противоречивой и часто не отличалась высоким уровнем социальной ответственности. В период 1990-х гг. и первую половину 2000-х, несмотря на все сложности и ошибки, можно было наблюдать отчетливый тренд на формирование демократических институтов и внедрение в политическую жизнь страны демократических процедур в духе либеральных европейских представлений о демократии. В то же время со второй половины 1990-х гг. стало постепенно проявляться стремление власти предельно формализовать демократические процессы в стране, заменив их авторитарной формой правления, а социальную ответственность власти за состояние демократии свести к возможному минимуму» (с. 570–571).

Автор считает, что в основе успешной внешней политики лежит удовлетворение двух основных насущных потребностей страны – обеспечение ее суверенитета и безопасности, а также условий для внутреннего социально-экономического развития. Можно согласиться с автором в том, что нельзя называть успешной внешнюю политику, при которой страна практически лишилась сколько-нибудь значимых союзников.

Как и всякая новаторская работа, исследование Е. Виттенберга не лишено отдельных спорных моментов. Наиболее дискуссионными являются выводы автора об этническом и конфессиональном неравенстве. «Практически преодолено, во всяком случае на федеральном уровне, национальное неравенство, оставшееся в наследство от СССР». Делается также вывод о том, что «постепенно сглаживается и межконфессиональное неравенство, когда титульная религия – православие – имела преимущество перед, скажем, католицизмом или иудаизмом»

(с. 455). Здесь автор непростительно упускает из виду дискриминацию ислама, а вместе с ним всего мусульманского сообщества России, численность которого, по различным оценкам, составляет от 15 до 20% населения страны. Российская исламофобия проявляется и в составлении масштабного списка запрещенной мусульманской литературы, и в отношении властей к строительству новых мечетей, и во многих других аспектах. Превращение православия в «государственную» религию России в соответствии с «государствообразующей» ролью русского народа, указанной в поправках 2020 г. к Конституции страны, никак нельзя признать социально ответственной политикой. Более того, в долгосрочной перспективе подобные практики вряд ли приведут к укреплению мира и согласия в стране.

Автор не отвечает на важный вопрос для понимания преемственности и изменений в природе социальной ответственности власти: является ли политический, экономический и социальный порядок, установленный при Путине в 2000–2010-е гг., логическим результатом ельцинских реформ 1990-х гг.? Вопрос болезненный в первую очередь для тех, кого принято называть «российскими либералами». Сегодня во многих официальных СМИ утверждается, что путинизм является не продолжением и логическим завершением ельцинизма, а его государственно-патриотическим отрицанием (через возвращение «белых» мифов о «сытых нулевых» и «вставании России с колен», которые должны убить черный миф о «лихих 90-х»). С другой стороны, большое количество критически настроенных людей почему-то считают, что все могло бы быть иначе, не приди к власти в 2000 г. Путин и не приведи с собой такое количество бывших сотрудников спецслужб и «государевых людей». Данный вопрос является одним из самых острых и актуальных для понимания природы социальной ответственности власти в условиях так и незавершенного отечественного постсоветского перехода. На мой взгляд, попытки разделить эпоху Ельцина и эпоху Путина не выдерживают проверки реальностью. «Системных либералов» отличала вовсе не привязанность к либеральной идеологии, а скорее их преданность идеям и практикам имперско-авторитарного государства. Большой зародыш «шоковой терапии» и залоговых аукционов предопределил врожденную ущербность российского капитализма, а вместе с ней и пороки социальной политики. Одним из важных признаков такого капитализма является военно-силовая надстройка над сырьевой экономикой, призванной зацементировать достижения ельцинской эпохи. Хотя не все репрессивные эксцессы были логически неизбежными последствиями ельцинского правления, все же путинский режим и нынешняя социальная ответственность власти во многих своих чертах были заложены в самих политических ожиданиях ельцинских «младореформаторов».

Высказанные критические замечания, относящиеся к различным аспектам социальной ответственности российской власти, не умаляют изрядных достоинств рецензируемой монографии Е.Я. Виттенберга. Монография, несомненно, является весомым вкладом в общественные науки и способствует открытой общественной дискуссии по проблемам социальной ответственности российской власти.

А.К. МАГОМЕДОВ

МАГОМЕДОВ Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, проф. кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия (armagomedov@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250014682-3

Wittenberg E.Ya. SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE AUTHORITIES. Moscow: RGGU, 2020. 687 p. Reviewed by A.K. Magomedov

Arbahan K. MAGOMEDOV, Dr. Sci. (Polit.), Prof. of the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (armagomedov@gmail.com).

© 2021 г.

**Иванов В.Н. ГОД, ВЕНЧАЮЩИЙ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ.
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА. М.: Издательство
«У Никитских ворот», 2021. 204 с.**

Ушедший в историю 2020 год драматизмом своих событий, сложностью социальных и политических отношений в нашей стране и на планете уже стал объектом социологических исследований. В.Н. Иванов – известный советский российский социолог, автор многочисленных монографий, статей и учебных пособий, курса лекций «Социология и поэзия», посвятил свою новую книгу 30-летию Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, в создании и становлении которого он сам принимал активное участие.

На этот раз автор соединил научный и поэтический взгляды на мир, в котором мы живем, и монография приняла оригинальную форму сплава социологической аналитики и гражданской поэзии. Анализируя социально-политическую реальность минувшего года, В.Н. Иванов не ограничился собственными наблюдениями и оценками, а привлек в качестве экспертных суждений опубликованные в научных и публицистических изданиях оценки ученых и литераторов. В России литература, поэзия, социология и общественно-политическая проза имеют, как ни в одной другой культуре, давние традиции диалектического обогащения и развития. В центре внимания В.Н. Иванова находятся три важнейших события 2020 г.: изменения в Конституции, 75-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне над фашизмом и противодействие пандемии. Каждому из этих событий в книге посвящена отдельная глава. Их обобщенные выводы даны в послесловии.

Раскрывая социальный смысл внесенных после всенародного обсуждения поправок в Конституцию РФ, автор, ссылаясь на результаты социологических исследований, обращает внимание на то, что поправки явились своевременным ответом на запросы общества. Одним из основных в течение ряда лет остается запрос на социальную справедливость, восстановление которой потребует консолидации усилий граждански активных членов общества. «Борьба за восстановление социальной справедливости, – отмечает автор, – продолжится. Более того, если не будут приняты реальные меры в плане реализации конституционного положения о социальном государстве, она может принять радикальные формы» (с.151).

Анализируя социальную эффективность и качественные стороны нового российского государственного и экономического суверенитета, отечественные политологи и социологи не устают напоминать, что все великие революции начинаются в булочных, куда вовремя не подвезли хлеб. Сегодня полки сетевых супермаркетов и магазинов заполнены, но в современной России возникла проблема растущей бедности, дефицита денег, падения уровня и качества жизни у значительной беднейшей части населения и практически непрекращающегося роста доходов у самых богатых граждан. Очевидна тенденция накопления потенциала социального кризиса, возможного разлома социума по имущественному признаку.

В России образовался и существует устойчивый кризис доверия в вертикали и горизонтали социальных и политических отношений. Можно сказать, социальное государство пока не реализовало в полной мере свои конституционные обязательства. В.Н. Иванов видит и фиксирует эти признаки социального застоя, который уже однажды привел нашу страну к политическому развалу. Императивно важно, чтобы наметившаяся тенденция позитивной эволюции, укрепления социально-политической консолидации не была опрокинута революцией «цветного» хаоса, который столь эффективно научились воспроизводить стратегические партнеры-конкуренты.

Отмечая решающее значение Победы над фашизмом, автор подчеркивает актуальность использования опыта борьбы за единство и целостность советского государства в настоящее время, в условиях растущей агрессивности «коллективного Запада» и непрекращающихся попыток пересмотра итогов Второй мировой войны, необходимость

идейно-нравственной сплоченности и социальной консолидации россиян. В книге подчеркивается, что работа по осмыслению характера и итогов Великой Отечественной войны не завершается. И хотя сказано о ней много, но далеко не все, и более того, в работах исторического характера есть немало искажений и прямых фальсификаций, допущенных не только нашими так называемыми партнерами, но и некоторыми отечественными «переписчиками» истории. Автор солидарен с известным писателем и общественным деятелем Ю.М. Поляковым, призывающим «раз и навсегда принять советскую эпоху со всеми ее противоречиями, эпоху, которая доказала свою состоятельность Великой Победой»¹.

Борьба с пандемией COVID-19 не завершилась в минувшем году. Но обществом и государством накоплен значительный опыт борьбы с ней. В книге раскрываются, главным образом на примере Москвы, хронология и методы борьбы с опасной инфекцией. Подчеркивается самоотверженность не только медицинских работников, но и военнослужащих и волонтеров. Общая беда сплотила российских граждан так, как это бывало в прошлом, и не раз.

Каждому из выделенных центральных событий 2020 г. наряду с традиционным социологическим анализом дана авторская стихотворная интерпретация. Читатель не может не заметить, что сделано это намеренно. И не случайно на это обстоятельство обратил внимание в предисловии академик М.К. Горшков, видя в таком приеме продолжение давней традиции, берущей свое начало еще в античные времена в сочинениях Лукреция Кара и получившей развитие в работах П. Сорокина, М. Ковалевского, П. Лаврова, А. Зиновьева.

Автор подчеркивает, что рассмотренные им события не исчерпывают богатого социального наполнения минувшего года, и останавливает свое внимание на некоторых других, «дополняющих» его значение. В их числе, в частности, события в Беларуси, инициированные во многом западными «доброжелателями». По существу, это очередная форма гибридной войны. Изменения в политике и социальной сфере союзной с нами страны назрели, и их предстоит учесть в новой Конституции республики. Возникшие в последнее время сложные социально-экономические проблемы могут найти свое решение в рамках Союзного государства Россия – Беларусь, договор о создании которого отметил в 2019 г. свое двадцатилетие.

В книге значительное внимание уделено феномену цифровизации, его оценке, сделанной как отечественными учеными, так и их западными коллегами. Отмечается связь интенсивно развивающихся цифровых коммуникаций с политикой, с возрастающими возможностями контроля над людьми. Встает вопрос: в чьих интересах он будет осуществляться? Неизбежны новые проблемы на рынке труда, связанные с отмиранием многих профессий и ростом безработицы. Автор разделяет озабоченность и тех ученых, которые пишут об опасности киберпандемии, борьбе с которой, по его мнению, не уделяется должного внимания. Проблема социально деструктивного поведения личности и социума как результат взаимодействия реальной и виртуальной реальности приобретает все большую актуальность. В современном мире возникла ситуация, когда граждане, молодежь в особенности, пробуют жить в реальном мире по моделям и фантазиям виртуального, в сегментах которого господствует культ насилия, жестокости, смерти и рекламы.

Анализируя предстоящие события, автор упоминает и о назначенных на сентябрь 2021 г. выборах в Государственную думу РФ, подчеркивает их судьбоносное значение, говорит о настроениях избирателей, о зафиксированном социологами запросе граждан на перемены. Именно с последними связывает автор проблему успешного и счастливого будущего страны, понимаемого как цель, к достижению которой следует стремиться, и способы движения к которой нам предстоит определить уже сегодня. Автор подчеркивает, что и образ желаемого будущего, и способы его созидания должны быть определены научно.

В заключительной части книги автор обращается к «вечным проблемам». Что бы и как бы ни происходило в мире, люди прежде всего живут в мире родственных отношений,

¹Юрий Поляков: Мы должны раз и навсегда принять советскую эпоху со всеми ее противоречиями. URL: <https://moi-goda.ru/nasha-pochta-nashi-spori/uriy-polyakov-mi-dolzhi-raz-i-navsegda-prinyat-sovetskuiu-epochu-so-vsemi-ee-protivorechiyami> (дата обращения 22.05.2021).

которые всегда остаются наполненными радостью любви и заботой о близких. Автор не забывает и о своем серебряном возрасте. И хотя в его размышлениях и слышатся грустные мотивы, он в своих желаниях остается оптимистом.

Жизнь продолжает свой путь в поисках истины и счастья в деяниях и планах новых поколений. Книга посвящена тридцатилетию Института социально-политических исследований, который стал для автора делом его жизни и профессионального долга. В эти годы радости и огорчения, размышления и эмоции прошли через творчество сознания и души В.Н. Иванова и отразились в научных текстах, гражданской лирике и дружеских эпиграммах.

В.К. ЛЕВАШОВ

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (levachov@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250015285-6

Ivanov V.N. THE YEAR CROWNING THE TWENTIETH ANNIVERSARY. SOCIOLOGICAL EXPERTISE. M.: Publishing house "At the Nikitsky gate", 2021. 204 p. Reviewed by V.K. LEVASHOV

Viktor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (levachov@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Социологические исследования» принимает к рассмотрению статьи, включая переводы и оригинальные материалы из социологического наследия, обзоры научных конференций, рецензии и другие материалы. Редакция рассматривает *только рукописи, ранее не опубликованные ни в печатном, ни в электронном виде*. Все рукописи проходят проверку на плагиат, рецензирование и редактуру. На всех этапах подготовки рукописи к печати научный редактор взаимодействует с автором.

Редакция оставляет за собой право отклонять, сокращать и редактировать статьи. Редакционная правка подлежит согласованию по заранее оговоренному желанию автора.

Все **статьи публикуются на бесплатной основе** независимо от научного статуса авторов. Для аспирантских и студенческих работ требуется рецензия на них от научного руководителя. Гонорары не выплачиваются.

Публикуемые материалы **могут не отражать** точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме в других изданиях без письменного разрешения редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в **свободном доступе** на сайте журнала (<http://socis.isras.ru/>) через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39, или по электронной почте: socis@isras.ru.

Требования к рукописи

Каждая рукопись подается в двух форматах: 1) текст, доступный для редактирования, присылается по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc (Word for Windows, с форматированием текста по ширине, 14 кеглем через 1,5 интервала), 2) после подтверждения редакции о принятии рукописи к регистрации загружается на портал <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html> согласно посылаемой авторам инструкции.

Также рукописи в печатном экземпляре можно приносить в редакцию: Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, каб. 309.

Объем рукописи, представленной в редакцию, ограничен по рубрикам:

статьи – не более 1 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами);

«Факты. Комментарий. Заметки», «Первые шаги», «Размышления над новой книгой» – не более 0,5 а. л. (20 тыс. знаков);

«Книжное обозрение» – не более 0,4 а. л. (10–15 тыс. знаков);

«Научная жизнь» – до 0,3 а. л. (10–12 тыс. знаков).

Превышение объема может служить основанием для отклонения статьи. Обязательным требованием является нумерация страниц рукописи.

Обзоры конференций и иных научных мероприятий можно присылать не позднее трех месяцев с момента их проведения. В тексте должны быть приведены данные об организаторах конференции, месте и дате ее проведения. Для всех упоминаемых участников указываются их имена и фамилии, а в скобках – место работы и город, для участников международных конференций – также страна. Основное внимание уделять содержанию докладов, выступлений, которые развивают и обогащают социологию. Журнальный обзор не может сводиться к простому перечислению прозвучавших докладов.

В **рецензии** необходимо указать полные данные обсуждаемой книги, включая издательство и объем страниц. Желательно предоставлять саму рецензируемую книгу (или ее электронный вариант). Рецензия не должна содержать реферат книги; необходимо дать анализ тех идей (положений, рассуждений), которые претендуют на новое (или уточнение нового) знание, а также полемику с аргументированным изложением дискуссионных моментов. Основные причины отказов в публикации рецензий – пересказ содержания без анализа, несоответствие темы рецензируемой книги тематике журнала, а также выбор для рецензии давно вышедшей книги. В 2021 г. могут быть опубликованы рецензии на издания 2019–2021 гг.

По традиции журнал принимает **эссе** или **полемические заметки**, написанные в свободном стиле, которые могут быть опубликованы в рубриках «Социологическая публицистика», «Дискуссия. Полемика», «Письмо в редакцию».

Журнал публикует **переводы и материалы для рубрики «Социологическое наследие»**. Мы рекомендуем выбирать для публикации статьи и источники объемом до 40 000 знаков. Из источника большего объема следует сделать выборку для журнальной публикации. Права на публикацию переводчик должен согласовать с издателем оригинала. Желательно сопровождать перевод или архивный материал предисловием. Комментарий публикатора или переводчика дается в формате концевых или постраничных сносок.

Текст рукописи должен быть приведен автором в соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими нормами.

Договор

При принятии статьи к публикации (об этом уведомляет Редакция) автору(ам) необходимо прислать скан-копию подписанного Договора в формате PDF (см. сайт журнала). Если статья написана в соавторстве, то Договор должен быть подписан всеми авторами с указанием необходимых данных. Либо автор, указанный первым в статье, выступает от имени всех соавторов, при этом имея доверенности от них, заверенные по основному месту работы, в противном случае в Договоре указываются и подписывают все соавторы. Скан-копия подписанного Договора высылается по электронной почте в Редакцию.

Рецензирование и редактирование

Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и Редакции журнала. На основе рецензирования Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей. Имена рецензентов не разглашаются. Редакционные рецензии предназначены только для внутреннего пользования. В случае отказа в публикации Редакция **не вступает с авторами** в дискуссию. Решение о приеме к публикации принимается **в течение 2-х месяцев** со дня регистрации рукописи в Редакции. Отбор материалов для текущего номера определяется редакционными планами.

При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и Редакция руководствуются следующими критериями.

1. Постановка научной проблемы, ее актуальность с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
2. Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
3. Теоретическое обоснование избранной темы.
4. Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
5. Достоверность и убедительность данных.
6. Использование материалов предшественников, наличие полемики с ранее опубликованными материалами, в том числе и в «СоцИсе», исходя из того, что журнал – это площадка для дискуссий.
7. Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (см. требования к оформлению).

Основные причины отказа в публикации для статей

1. Несоответствие тематике журнала. «Социологические исследования» не являются обществоведческим журналом, поэтому материалы публикуются по социологии. Применение методов и инструментария еще не делают статью социологической, так как она может решать педагогические, правовые, психологические и другие проблемы, которые не входят в компетенцию социологии.
2. Отсутствие или слабость научного аппарата. Статья должна содержать отсылки не только к истории проблемы, но и к современным исследованиям по обсуждаемой теме.
3. Превышение объема в 40 000 знаков и несоблюдение требований к оформлению рукописи.
4. Обширные повторы текста из ранее опубликованных работ автора.

Обязанности авторов

Передавая в редакцию рукопись, **авторы обязуются не публиковать ее ни в каком ином издании без письменного согласия редакции.**

Авторы гарантируют, что результаты исследования, изложенные в предоставляемой рукописи, получены в ходе личной исследовательской работы, не заимствованы, не являются плагиатом, перефразированием, присвоением результатов чужих исследований.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

В качестве соавторов статьи следует указывать лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Указание в числе авторов лиц, не внесших интеллектуальный вклад в исследование, является нарушением авторских прав и норм этики.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Избыточное самоцитирование и дружественное (корпоративное) цитирование, нерелевантные ссылки интерпретируются как нарушение публикационной этики.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Рекомендации по описанию методики исследования

В рукописи, содержащей описание результатов эмпирических социологических исследований, должна быть представлена методика исследований (в том числе при использовании данных других исследовательских центров и организаций).

Сведения о методике исследования следует изложить в одном из вариантов:
специальном разделе (параграфе) статьи (но не в аннотации);
непосредственно в тексте;
в сноске;
в примечании к статье.

Эти сведения должны включать следующую информацию.

1. Название организации, проводившей исследование.
2. Даты проведения исследования (полевых работ).
3. Используемые источники информации, эмпирическая база исследования.
4. Структура генеральной совокупности.
5. Описание методов сбора данных (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, контент-анализ).
6. Тип (вид) выборки, ее объем (численность опрошенных, интервьюируемых, участвующих в фокус-группах и т.д.), сведения о ремонте выборки. Ошибка выборки.
7. Описание методов анализа данных. При использовании коэффициентов корреляции указывать их статистическую погрешность, при использовании факторного анализа – процент объясненной дисперсии.
8. Авторство методического инструментария (полностью или частично авторский, использование наработок коллег).
9. Указание точной формулировки анализируемых вопросов, а также их формы (открытый, закрытый, полужакрытый и проч.).
10. Краткое изложение позитивного и негативного методического опыта: апробация методического инструментария, сложности в реализации исходных замыслов, обнаруженные несовершенства инструментария, нештатные ситуации организационного и методического характера.

При оформлении таблиц следует указывать, считаются ли проценты от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных; наряду с указанием процентов важно указывать общую численность единиц наблюдения.

Технические требования к рукописи

Редакция принимает рукописи до 40 тыс. знаков с пробелами (включая аннотацию, ключевые слова на русском языке, а также блок на английском языке).

В начале рукописи после названия статьи следует указать курсивом: **сведения об авторе** (авторах): Ф.И.О. (полностью), ученая степень и ученое звание, наименование места работы, должности,

контактный телефон, адрес электронной почты, город; **аннотация** и **список ключевых слов** (не более 10) на русском языке. Для коротких рецензий и материалов в рубриках «Книжное обозрение», «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются. После основного текста статьи даются список литературы, блок на английском языке (см. структуру статьи), рисунки.

Аннотация – резюме об основных идеях и результатах – должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 100–200 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

Примечания в статье даются в постраничных сносках. В отдельных случаях можно использовать затекстовые примечания (при их большом количестве и самом объеме текста, перед списком литературы). Информация об источниках финансирования указывается в сноске на первой странице без нумерации. Публикуется только сокращенное название фонда (или программы) и номер гранта. Название гранта не публикуем. Благодарности при необходимости выносим в сноску либо на первую стр. в ссылку о гранте, либо в заключительной части статьи.

Не допускаются «слепые» (неструктурированные) статьи, их нужно разделить на смысловые части. Текст должен содержать постановку задачи, описание методологии и методики (если это результаты эмпирического исследования), основные результаты и выводы. Структура выделяется следующим образом: главы – **п/ж строчные** – отдельной строкой (без точки в конце заголовка); параграфы – **п/ж строчные** (в начале абзаца с точкой, текст далее в подбор к заголовку), подпараграфы – **п/ж строчные курсив**.

Англоязычная часть статьи обязательна при сдаче рукописи, располагается в конце статьи и содержит в себе следующие структурные элементы:

- название статьи; ФИО автора/ов;
- аффилиация (организация, страна);
- авторская справка – Имя О. ФАМИЛИЯ (на латинице именно в таком порядке), звание, должность, место работы (если несколько мест, то указывать все), академия, город, страна, e-mail в скобках;
- информация об источниках финансирования (Acknowledgements);
- abstract – аннотация должна быть расширенной (недопустим дословный перевод русскоязычной аннотации), отражать основное содержание статьи и результаты исследований; написанной грамотным английским языком с использованием специальной научной терминологии; компактной, но не короткой (в пределах – 200–250 слов);
- keywords (через запятую не более 10 слов);
- references – список литературы на английском языке. Выстраивается в алфавитном порядке (будет отличаться от русскоязычного).

Авторы обязаны указывать **источники приведенных в статье цитат**, статистических данных и иной информации; аббревиатуры следует пояснять. При ссылке на источник необходимо в **квадратных скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании.

Список использованной литературы дается в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Первыми располагаются публикации на русском языке, далее – на иностранном.

Таблицы вставляются в текст статьи после ссылки на нее (при оформлении ориентироваться на используемый в журнале образец).

Графические материалы (рисунки) следует давать в конце статьи (после англоязычного блока). К рассмотрению принимаются статьи только с **монохромными** (черно-бело-серыми) рисунками. **Цветные рисунки не принимаются**. После принятия рукописи к публикации по запросу редактора рисунки высылаются отдельными файлами в формате: Excel, если это графики, гистограммы и т.п. (файл должен содержать исходные данные, вбитые в электронную таблицу, и построенную по ним диаграмму; если диаграмм в статье несколько, то можно выслать их одним общим файлом, но при этом каждая диаграмма и данные для нее должны размещаться на отдельном листе); *.tiff, *.png (предпочтительно) или *.jpg (нежелательно, но допустимо), если рисунки выполнены не в Excel. В этом случае **разрешение** изображения должно быть не менее 300 dpi; **размер** – не менее 12–15 см по ширине (длинной стороне).

Оформление библиографического раздела статьи

Список использованных источников оформляется в виде библиографического списка в алфавитном порядке (вначале русскоязычная литература). Обязательно указывается диапазон страниц статьи

в журнале, в сборнике. При цитировании обязательно должна быть указана стр. из источника. При наличии у статьи DOI нужно указывать присвоенный номер. Когда в списке литературы присутствуют работы одного автора, выпущенные в одном и том же году, необходимо после года выпуска присваивать буквенное обозначение. Общее количество страниц в монографии и пр. не указываем.

В список литературы следует относить только научные публикации. Ссылки на нормативные документы, газетные статьи, интернет-страницы давать в постраничных сносках с указанием даты обращения. При использовании архивных данных описание давать либо в сносках, либо в приложении.

В тексте статьи при ссылке на источник **не использовать нумерацию.** Необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора (**без инициалов**) и год издания через запятую. Когда автор дает ссылку на конкретную(ые) страницу(ы) текста в статье или приводит цитату, необходимо указывать страницу(ы) через двоеточие. Если у источника два автора – фамилии указывать без инициалов через запятую, если авторов больше двух, то указать первого и ставить «др.». В случае ссылки на литературу на иностранном языке фамилия или название пишется на языке источника. Если авторов (или редакторов) несколько – указывать первую фамилию и ставить «et al.»

Авторам необходимо знать, что **нет необходимости ссылаться на электронный документ в случае существования его печатного аналога.** В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда.

Оформление библиографического раздела статьи в английском блоке (**References**) несколько отличается от русскоязычного.

1. Год издания выносится после фамилии в круглых скобках.
2. Знак «//» не используется, а название журнала или монографии дается курсивом. Авторы и редактор прямо, а не курсивом, как в русскоязычном списке.
3. Если статья в сборнике или в монографии, указывается «In:» вместо «//».
4. При переводе названия русскоязычной статьи используйте тот перевод, который дан в самом журнале, где она была напечатана. Транслитерация названий не нужна:

Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)

5. Обязательно отмечайте в круглых скобках, на каком языке дается источник (In Russ.), если он на английском языке, то указывать не нужно.

6. Дата обращения к источнику в электронных публикациях пишется в круглых скобках по-англ. (accessed 12.12.16).

(!) Если в статье количество русскоязычных источников не превышает пяти, то список литературы объединяется под названием: СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES].

Пример объединенного оформления:

Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 61–77. [Dubin B., Zorkaya N. (2009) Reading and Society in Russia in 2000s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 61–77. (In Russ.)]

Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. [Girenok F. I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt. (In Russ.)]

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: ВШЭ, 2010. [Mersyanova I. V., Yakobson L. I. (2010) *The Potential and the Development of Philanthropy in Russia*. Moscow: VShE. (In Russ.)]

Enders J., Kaulisch M. (2006) The Binding and Unbinding of Academic Careers. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars*. London: Portland Press.

Smith J. (2010) Forging Identities: the Experiences of Probationary Lecturers in the UK. *Studies in Higher Education*. Vol. 35. No. 5: 577–591.

Подробнее о библиографическом описании см. на сайте журнала: http://socs.isras.ru/index.php?page_id=539.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2021 No. 7

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 CHERNYSH M.F. Modernization Re-Visited: Searching for a New Conceptual Scheme
14 WALBY S. Developing the concept of society: Institutional domains, regimes of inequalities and complex systems in a global era

ECONOMIC SOCIOLOGY

- 28 KAZ M.S. The "World of Labour" of Working Retirees: Dilemmas and Meanings
40 KISELEV I.YU., OVCHINNIKOVA N.V., SMIRNOVA A.G., MIN YOU. Pre-Pensioners' Employment Trajectories Under Conditions of Rising Retirement Age
50 KLIMOVA S.G., KLIMOV I.A. Experience of Russian Companies in Transition to Remote Work in the Pandemic Situation
61 KARAVAY A.V. Assessing the Relationship Between Russians' Health Status and their Employment in the Late 2010s

SOCIOLOGY OF MASS COMMUNICATION

- 73 BUBNOVA I.A., GOROKHOVA D.V. The Past in the Present: USSR Phenomenon in Modern Media and in the Consciousness of Russian Students
83 POLYANINA A.K., GRUDZINSKIY A.O. Expert Assessments of Media Industry Products: Information Safety for Children

POLITICAL SOCIOLOGY

- 90 BARSUKOVA S.Yu., ZVYAGINTSEV A.V., LAPTIEVA L.S. The Experiences of Youth Participation in Election Campaigns and its Impact on the Civic Position
101 SMORGUNOV L.V., IGNATJEVA O.A. Civic Participation on Digital Platforms

HISTORICAL SOCIOLOGY

- 113 FELDMAN M.A. Directors of the 1930th Heavy Industry Enterprises: Dynamics in a Socio-Professional Group
125 IVCHENKOV S.G., NIKIFOROV Y.A., SITNIKOVA S.V. Social Memory of Russians about the Great Patriotic War (The Case of the Saratov Region)

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 137 BAYNOVA M. S., EROSHKIN S.U., SULYAGINA J.O. Problems of the Housing Renovation in Moscow
144 ABDURAKHMANOVA E.M., ALEXANDROVA E.A., ZVYAGINTSEV R.S., KERSHA Yu.D. Distrust to Vaccination Through the Prism of Parenthood

ACADEMIC EVENTS

- 152 KARAPETYAN R.V., TARANDO E.E. Labor Transformation in (De)Globalizing Society
156 DEMIDENKO S.Yu. Youth and Work in a Changing World

159 SINYUTIN M.V., GONASHVILI A.S. Labor and the Chronic Uncertainty of the Anthropocene

ANNIVERSARY

162 F.I. SHARKOV is 70

163 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Wittenberg E.Ya. Social Responsibility of the Authorities. Moscow: RGGU, 2020. 687 p. Reviewed by A.K. Magomedov; Ivanov V.N. The Year Crowning the Twentieth Anniversary. Sociological Expertise. Moscow: "U Nikitskih vorot", 2021. 204 p. Reviewed by V.K. Levashov*)

170 **INFORMATION FOR AUTHORS**

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)
IN THE NEXT ISSUES (back cover)

УТОЧНЕНИЕ

Сообщаем, что в статье Ю.П. Лежниной (см. № 4, 2021 г.) в таблице № 1 на с. 52 данные за 2010 г. следует считать так: ситуация нормальная, спокойная – 16%, ситуация напряженная, кризисная – 73,1%, ситуация катастрофическая – 11%. Автор приносит свои извинения.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Социология

МАГИСТРАТУРА

Методология и практика
социологических
исследований

АСПИРАНТУРА

Социологические науки

Социологический факультет ГАУГН — это современный образовательный и научный центр. Наши преподаватели – известные социологи с мировыми именами, авторы фундаментальных научных трудов, учебников, участники крупных российских и международных социологических форумов, члены экспертных советов при законодательных и исполнительных органах государственной власти.

Уникальность факультета заключается в том, что все предметные направления изучаются во взаимосвязи с научными проектами, проводимыми учеными Института социологии ФНИСЦ РАН.

Синтез фундаментальных научных и прикладных исследовательских направлений в области социологии позволяет готовить исследователей и аналитиков, успешно работающих в различных профессиональных областях.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).